

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Ivanovo State Power University

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

2025

Выпуск 2(86)

2025

Issue 2(86)

Редакционная коллегия:

- М.В. Максимов* (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
И.И. Евлампиев (зам. гл. редактора), д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина (зам. гл. редактора), д-р культурологии, г. Кострома, Россия
С.Д. Титаренко (зам. гл. редактора), д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
К.Ю. Бурмистров, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
А.Г. Гачева, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
Н.Ю. Грякалова, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
К.В. Зенкин, д-р искусствоведения, г. Москва, Россия
М.В. Медоваров, канд. ист. наук, г. Нижний Новгород, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
О.Л. Фетисенко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия
Н.Г. Юрина, д-р филол. наук, г. Саранск, Россия

Международная редакционная коллегия:

- Р. Гольдт*, д-р филол. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э. Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маршадьё, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
А. Оппо, д-р филос. наук, г. Кальяри, Италия

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва
(Соловьёвский семинар)
Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 5.7.1 – онтология и теория познания; 5.7.2 – история философии; 5.7.3 – эстетика; 5.7.4 – этика; 5.7.7 – социальная и политическая философия; 5.7.8 – философская антропология, философия культуры; 5.7.9 – философия религии и религиоведение; 5.9.1 – русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 – литературы народов мира; 5.9.3 – теория литературы; 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's periodicals directory (США). Журнал индексируется в Scopus с 20 января 2022 г., включен в «Белый список» научных изданий Минобрнауки РФ.

© М.В. Максимов, составление, 2025

© Авторы статей, 2025

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

К 20-летию Историко-методологического семинара «Русская мысль»	6
--	---

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Фетисенко О.Л. «И как юрист старушку обокрал»: комментарий к эпиграмме Вл.С. Соловьёва на К.П. Победоносцева	7
Балановский В.В. Антихрист-технократ: опыт интерпретации двух смертей одного персонажа	29
Грякалова Н.Ю. «...сама по себе»: Поликсена Соловьёва и «соловьёвство»	43
П.С. Соловьёва. Несколько слов о моем брате Вл. Соловьёве. Было прочтено в собрании Религиозно-философского Общества в Петербурге 19-го января 1913 года / <i>Публикация и примечания Н.Ю. Грякаловой</i>	57
Моисеев В.И., Коломиец О.М. Третья сила бытия	64

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Черноперов В.Л., Усманов С.М. К истории одной неудачи: о сборнике евразийцев «Россия и латинство»	80
--	----

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Иванов Е.Д., Медоваров М.В. В.Ф. Одоевский и славянофилы в 1850–1860-е гг.	94
Юрина Н.Г. Элегия в лирическом творчестве В.С. Соловьёва: жанровые модели и поэтические традиции	105
Золотарев А.В. Опыт экзистенциальный против опыта мистического: Леонтьев и Достоевский	122
Тахо-Годи Е.А. «Импрессионизм мысли»: к пониманию термина Вл. Соловьёва в статье о поэзии К.К. Случевского	139
Ермакова Л.Л. Неизвестный перевод Вяч. Иванова из Ницше	161
Перевод Вяч. Иванова из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» / <i>Подготовка текста и комментарии Л.Л. Ермаковой</i>	170

КАФЕДРА

Максимов М.В. Философская поэзия – «согласие сердца и ума» (о молодежном проекте Соловьёвского семинара)	178
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Лаппо-Данилевский К.Ю. Вячеслав Иванов – великолепный и неисчерпаемый [Рец. на:] Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / Российская академия наук, ИМЛИ РАН; Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме; ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. 852 с.	186
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	194
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	196
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	196

Editorial Board:

- M.V. Maksimov* (Chief Editor), Doctor of Philosophy, Ivanovo, Russia
I.I. Evlampiev (Deputy Chief Editor), Doctor of Philosophy, St. Petersburg, Russia,
I.A. Edoshina (Deputy Chief Editor), Doctor of Cultural Studies, Kostroma, Russia
S.D. Titarenko (Deputy Chief Editor), Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
L.M. Maksimova (responsible secretary), Candidate of Philosophy, Ivanovo, Russia,
K.Yu. Burmistrov, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
A.G. Gacheva, Doctor of Philology, Moscow, Russia,
N.Yu. Gryakalova, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
K.V. Zenkin, Doctor of Art History, Moscow, Russia,
M.V. Medovarov, Candidate of Historical Sciences, Nizhny Novgorod, Russia,
B.V. Mezhuев, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
V.I. Moiseev, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
V.V. Serbinenko, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
E.A. Takho-Godi, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
O.L. Fetisenko, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
D.L. Shukurov, Doctor of Philology, Ivanovo, Russia,
N.G. Yurina, Doctor of Philology, Saransk, Russia,

International Editorial Board:

- R. Goldt*, Doctor of Philology, Mainz, Germany,
N.I. Dimitrova, Doctor of Philosophy, Sofia, Bulgaria,
P. Davidson, Doctor of Philosophy, London, United Kingdom
E. van der Zweerde, Doctor of Philosophy, Nijmegen, Netherlands,
Ya. Krasicki, Doctor of Philosophy, Wroclaw, Poland,
B. Marchadier, Doctor of slavonic studies, Paris, France,
T. Nemeth, Doctor of Philosophy, New York, United States of America
A. Oppo, Doctor of Philosophy, Cagliari, Italy

Address:

Interregional Research and Educational Center for Heritage Studies V.S. Solovyov – Solovyov Workshop
Ivanovo State Power Engineering University
34, Rabfakovskaya st., Ivanovo, Russian Federation, 153003
Tel. (4932), 26-97-70, 26-97-75; Fax (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

The Journal is included in the List of Leading Reviewed Scientific Journals and Publications, which are approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publishing the main scientific results of the dissertations on the candidate and doctoral degrees for the following groups of specialities: 5.7.1 – ontology and epistemology; 5.7.2 – history of philosophy; 5.7.3 – aesthetics; 5.7.4 – ethics; 5.7.7 – social and political philosophy; 5.7.8 – philosophical anthropology, philosophy of culture; 5.7.9 – philosophy of religion and religious studies; 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation; 5.9.2 – literature of the peoples of the world; 5.9.3 – theory of literature; 5.10.1 – theory and history of culture, art.

Information about published articles is sent to the Russian Science Citation Index by agreement with “Scientific Electronic Library” Ltd. No. № 580-12/2012 LO of 13.12.2012. The journal is included into the database of periodicals “Ulrich’s periodicals directory” (USA). The journal is indexed in Scopus since January 20, 2022, included in the “White List” of scientific publications of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

© M.V. Maksimov, preparation, 2025

© Authors of Articles, 2025

© Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin”, 2025

CONTENT

On the 20th anniversary of the Historical and methodological seminar “Russian Thought”	6
---	---

V.S. SOLOVYOV’S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

Fetisenko O.L. “...And as a lawyer robbed an old lady”: Commentary on the epigram by V.S. Solovyov on K.P. Pobedonostsev	7
Balanovskiy V.V. Antichrist the technocrat: a trial of interpreting two deaths of one character	29
Gryakalova N.J. “...by myself”: Poliksena Solovyova and “solovyevism”	43
P.S. Solovyova. A few words about my brother Vladimir Solovyov. It was read at the meeting of the Religious-Philosophical Society in St. Petersburg on January 19, 1913 / <i>Publication and notes by N.Y. Gryakalova</i>	57
Moiseev V.I., Kolomiets O.M. The third force of being	64

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Chernoperov V.L., Usmanov S.M. Towards a Story of one Failure: about the collection of Eurasians “Russia and Latinism”	80
--	----

PHILOSOPHY AND LITERATURE

Ivanov E.D., Medovarov M.V. V.F. Odoevsky and the Slavophiles in the 1850s–1860s	94
Yurina N.G. The elegy in V.S. Solovyov's lyric works: genre models and poetic traditions	105
Zolotarev A.V. Existential experience vs. mystical experience: Leontiev and Dostoyevsky	122
Takho-Godi E.A. “Impressionism of thought”: Towards an understanding of Vladimir Solovyov’s term in an article on the poetry of Konstantin Sluchevsky... ..	139
Ermakova L.L. Vyach. Ivanov’s Unknown Translation from Nietzsche	161
Vyach. Ivanov’s Translation from F. Nietzsche’s Book “Thus Spoke Zarathustra” / <i>Transcription and comments made by L.L. Ermakova</i>	170

DEPARTMENT

Maksimov M.V. Philosophical poetry – “harmony of heart and mind” (about the youth project of the Solovyov seminar)	178
--	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Lappo-Danilevskii K.Y. Magnificent and inexhaustible Vyacheslav Ivanov [Review on:] Vyacheslav Ivanov. Research and Materials, issue 4. Editors and compilers E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024. 852 p.	186
---	-----

ON “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL	194
ON SUBSCRIPTION TO “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL.....	196
INFORMATION FOR AUTHORS.....	196

К 20-летию Историко-методологического семинара «Русская мысль»

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина
Россия, 153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ
т. (4932) 26-97-70;
факс: (4932) 38-57-01, 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
mvmaximov@yandex.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru/ru>

Межрегиональный научно-образовательный центр исследований
наследия В.С. Соловьёва

СОЛОВЬЕВСКИЙ СЕМИНАР

Доктору философских наук,
профессору РХГА имени Ф.М. Достоевского,
Руководителю Историко-методологического
семинара «Русская мысль»,
Главному редактору журнала «Русская философия»,
А.А. Ермичёву

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

От имени Правления Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва (Соловьёвского семинара) и редакции журнала «Соловьёвские исследования» поздравляю Вас с 20-летием научной и просветительской деятельности Историко-методологического семинара «Русская мысль».

За два десятилетия плодотворной деятельности руководимый Вами Семинар снискал широкую известность и заслуженный авторитет в российском научном сообществе. Заседания Семинара, посвященные и дискуссионным вопросам истории русской философии, и творчеству отдельных русских мыслителей, и презентациям новейших изданий – все вызвали неизменный интерес у его участников. Семинар реагировал на важнейшие события и тенденции в сообществе историков русской философии, был и остается притягательным центром обсуждения и компетентной оценки результатов исследований. Важнейшим достижением Семинара и РХГА имени Ф.М. Достоевского является учреждение журнала «Русская философия».

Желаю Вам и редакции журнала «Русская философия» дальнейших творческих успехов, и пусть Ваша самоотверженная деятельность будет оценена по достоинству!

Руководитель Соловьёвского семинара,
Главный редактор журнала
«Соловьёвские исследования»,
доктор философских наук, профессор

М.В. Максимов

26 мая 2025 г.

**НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА:
ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ**

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 821.161.1.09:141
ББК 83.014.5:86.372

Ольга Леонидовна Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: betsy98@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

**«...И как юрист старушку обокрал»:
комментарий к эпиграмме Вл.С. Соловьёва
на К.П. Победоносцева**

Аннотация. По рукописным источникам восстанавливается правильное прочтение заключительного стиха эпиграммы Вл.С. Соловьёва на К.П. Победоносцева («На разных поприщах прославился ты много...»), уточняется время ее создания (Святки 1891/1892 гг.) и впервые дается развернутый комментарий к этому произведению и появившейся одновременно с ним эпиграмме-«оде», написанной в соавторстве с кн. С.Н. Трубецким. Исправляются ошибки и неточности, копившиеся с момента первой публикации эпиграмм (1902 г., 1918 г.). Детально, с опорой на архивные источники, реконструирован исторический эпизод, давший повод к остроумным поэтическим инвективам против обер-прокурора Синода. Материал для предпринятого исторического экскурса был обнаружен в архиве С.А. Рачинского, хранящемся в РНБ. В приложении к статье публикуется одно из писем Рачинскому А.Н. Бахметевой (писательницы, пострадавшей от плагиата, той самой «кражи», допущенной Победоносцевым, которую и высмеял Вл.С. Соловьёв). Письма других лиц обильно цитируются в тексте.

Ключевые слова: эпиграмма, компиляция, плагиат, инвектива

Olga Leonidovna Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, leading researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: betsy98@mail.ru

**“...And as a lawyer robbed an old lady”:
Commentary on the epigram by V.I.S. Solovyov
on K.P. Pobedonostsev**

Abstract. The author of the article uses handwritten sources to restore the correct reading of the final line from V.I. Solovyov's epigram on K.P. Pobedonostsev (“You have become famous in various fields...”), clarifies the time of its creation (Christmas time 1891/1892) and for the first time gives

a detailed, scientifically based commentary on this work and on the epigram that appeared simultaneously with it, written in collaboration with Prince S.N. Trubetskoy. The article corrects numerous errors in previous comments and, based on archival documents, reconstructs the historical episode that gave rise to the appearance of two witty epigrams. The material for the historical excursion was discovered in the archives of S.A. Rachinsky (Russian National Library). The appendix to the article contains a letter to Rachinsky from A.N. Bakhmeteva, a writer who suffered from Pobedonostsev's plagiarism, i.e., the very "theft" that Soloviov ridiculed. Letters from others are quoted extensively in the text.

Key words: epigram, compilation, plagiarism, invective.

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.007-028

Тема «Владимир Соловьёв как поэт-сатирик» хотя и не часто, но привлекает внимание исследователей¹, между тем сейчас многие, казалось бы, хорошо известные, ставшие хрестоматийными тексты уже не вполне понятны, потому что в свое время не были настоящим образом прокомментированы, а порой бытуют в искаженном виде.

Эпиграмма Соловьёва на Константина Петровича Победоносцева, обер-прокурора Св. Синода, «На разных поприщах прославился ты много...» впервые была опубликована в 1902 г. (по новому стилю – 1903 г.) в журнале П.Б. Струве «Освобождение», выходившем в Штутгарте². В 1918 г. она была перепечатана в рубрике «Мелочи прошлого» в № 1/3 журнала «Голос минувшего»³, в следующем номере которого появилась еще одна эпиграмма на то же лицо⁴, а в 1974 г. оба произведения были включены в издание Большой серии Библиотеки поэта, подготовленное З.Г. Минц (первое – в раздел «Сатирические и шуточные стихотворения», второе – в раздел «Приписываемое») ⁵. Вот текст первой эпиграммы:

На разных поприщах прославился ты много;
Как евнух ты невинностью сиял,
Как пиетист позорил имя Бога
И как юрист старушку обокрал.

¹ См.: Иванова Н.И. «Тонкий хлад» пламенного пророка: Ирония в поэзии Владимира Соловьёва // Известия Южного федерального ун-та. Сер.: Филологические науки. 2007. № 12. С. 50–57 [1]; Юрина Н.Г. Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьёва // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 1. Филология. С. 30–39 [2].

² [Соловьёв В.С.] Эпиграмма Владимира Соловьёва на К.П. Победоносцева // Освобождение. 1902. № 13. 19 дек. (1903. 1 янв.). С. 214. [3]. Эти сведения указываем впервые благодаря помощи библиографов Библиотеки академии наук. Уже при первой перепечатке был неверно указан год (1913), и далее сведения никогда не уточнялись. В издании 1974 г., о котором речь пойдет дальше, в качестве источника текста была избрана перепечатка, указанная в примеч. 3.

³ [Соловьёв В.С.] Эпиграмма В.С. Соловьёва на Победоносцева // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 250 [4].

⁴ См.: [Соловьёв В.С., Трубецкой С.Н., кн.] Эпиграмма на Победоносцева // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 48 [5].

⁵ См.: Соловьёв Вл.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 151, 177–179 [6].

Да, именно так, а не «обокрал» (как в Библиотеке поэта и во всех перепечатках) должна читаться последняя, «ударная» строка (потому что так читается последнее слово во всех имеющихся рукописных источниках). З.Г. Минц, выдающийся блоковед, но не текстолог, полностью доверилась тексту «Голоса минувшего» 1918 г.⁶ с воспроизведением ошибки первой публикации⁷, хотя в 1968 г., как видно из архивных листов использования, и держала в руках рукописи, где в последнем слове прекрасно читается «к», а не «б», и с тех пор эпиграмма всегда приводится в искаженном варианте. Во второй эпиграмме, проведя сверку с рукописями, исследовательница обнаружила и исправила опечатку. К сожалению, сопроводительные тексты З.Г. Минц к обоим эпиграммам содержат множество неточностей.

Из второй пространной эпиграммы-«оды» (как она называлась в списках) «Сановный блюститель...», написанной Соловьевым в соавторстве с князем С.Н. Трубецким, приведем лишь фрагменты:

Исполненный лести,
Коварства и злобы,
Наушник без чести,
Скопец от утробы!
Зачем без нужды себя вновь замарал?
Зачем у старушки ты книжку украл?

Кого обокрал ты?

Не ксендза, не ламу:
Придворную даму!..
И как не пропал ты
От сраму?

<...>

Тебе ж комплименты
Строчат рецензенты
За явный подлог.

Крести ты хоть Ригу,
Как крестишь чукчей,
Бурят, лопарей;

Но... крестишь ты книгу
Чужую своей.

<...>

Иль, мнишь ты, спасенный
В рай внидет крещенный

Тобой плагиат? [6, с. 177–178]

⁶ См.: Эпиграмма В.С. Соловьева на Победоносцева.

⁷ См.: [Соловьев В.С.] Эпиграмма Владимира Соловьева на К.П. Победоносцева.

Автографы обнаружить не удалось. З.Г. Минц указала на два рукописных источника⁸ для первой эпиграммы и три для второй⁹ – все из Пушкинского Дома, но не сообщила их архивные шифры (это не предполагал характер издания, адресованного широкому кругу читателей) и даже не всегда указывала на принадлежность архивов конкретным лицам. Пришлось провести вторичные «раскопки», и оказалось, что в РО ИРЛИ таких источников целых четыре и для «оды», и оба произведения всегда в них соседствуют – расположены на одном и том же листе. При этом один из источников, приведенных З.Г. Минц, вероятнее всего, указан неверно.

1. Раньше других в пушкинодомское собрание попала рукопись из архива Серафимы Васильевны Пантелеевой (урожд. Латкиной), жены Л.Ф. Пантелеева: РО ИРЛИ. 14469 (единица хранения из так называемого шифрованного фонда). На л. 1 имеется примечание на полях: «По поводу плагиата издания Бахметьевской “церковной истории” Победоносцевым».

2. Список из архива А.Н. Пыпина (Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 103) сделан той же рукой, что и документ из архива С.В. Пантелеевой. Этот источник не учтен З.Г. Минц, и ее подписи нет в листе использования.

3. Копия из архива Э.Л. Радлова: Ф. 252. Оп. 3. Ед. хр. 112. «Ода» здесь носит название «Ода на ограбление благородной дамы Бахметевой Его Превосходительством» К.П. Победоносцевым».

4. Наиболее интересен список из архива Ф.Д. Батюшкова (тоже из «шифрованного фонда», 15679. Л. 8), содержащий подробную пояснительную запись. Заголовок «оды» здесь тоже самый развернутый: «Ода на ограбление благородной дамы Александры Николаевны Бахметьевой Его Высокопревосходительством Г. Обер-Прокурором Святейшего Синода Кон<стантином> Пет<ровичем> Победоносцевым»¹⁰. К названию сделано примечание: «Победоносцев переиздал священную историю, составленную Бахметьевой, но имя автора почему-то снял, а было только проставлено: издание К.П. Победоносцева. Рецензенты известного лагеря превознесли новое творение К.П., со стороны которого не последовало никакого возражения против приписанного ему авторства». Есть и еще одно примечание: «Эпитафия несомненно принадлежит В.С. Соловьёву, а что касается до оды, то кто-то говорил мне, что она составлена С.Н. Трубецким сообща с Соловьёвым». Наконец, самое важное – вверху листа написано: «С имеющегося у меня автографа В.С. Соловьёва и полученного лично от [самого] В.С.»

Что касается авторства Трубецкого, именно такая подпись стоит под «одой» в списке из архива Пантелеевой: «С.Н. Трубецкой» (РО ИРЛИ. 14469. Л. 2).

Важно подчеркнуть, что во всех рукописных источниках два текста соседствуют и всегда «Эпитафия» идет второй, что и логично: ода заканчивается

⁸ Второй, оказавшийся, впрочем, сомнительным, указан в примечании к «оде».

⁹ См.: Соловьёв Вл.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 316, 324.

¹⁰ Здесь и далее курсив передает подчеркивания в рукописях.

проклятием останкам «сановного блюстителя» (его костям, мощам), а далее закономерно следует надгробная надпись – «Эпитафия». В издании Библиотеки поэта этот порядок нарушен, поскольку эпитафия печатается в основном корпусе текстов, а «ода», как уже было сказано, – в разделе «Приписываемое».

В своих примечаниях З.Г. Минц сообщила, что автограф второй эпиграммы содержится в «недатированном письме к Е.М. Феоктистову»¹¹. Исследовательница, к сожалению, ввела читателей в заблуждение, хотя и эту архивную единицу (РО ИРЛИ. № 9068) тоже в 1968 г. держала в руках. Эпиграммы в одном из писем (по содержанию его можно датировать сентябрем 1887 г.) имеются, но среди них нет той, к которой тартуский профессор отнесла свой комментарий. В этом письме Соловьев сообщил начальнику Главного управления по делам печати три эпиграммы, связанные с обращением газеты «Гражданин» в ежедневное издание: одну – на Т.И. Филиппова как ведущего сотрудника «Гражданина» («Ведь был же ты, о Тертый, в Палестине...»; л. 8) и две – непосредственно на издателя газеты, кн. Мещерского (л. 10 об.). Победоносцев в них лишь адресат посвящения обеих эпиграмм, объединенных темой и общим заглавием («Еврейские мотивы (посвящается К.П. Победоносцеву)»)¹², видимо, в качестве главы «ведомства православного исповедания». Остается вопросом, что же исследовательница, обладающая непрерываемым авторитетом, имела в виду.

Случай, давший повод к созданию двух эпиграмм на обер-прокурора Синода, прост и ясен лишь на первый взгляд. Нам еще ни разу не встретилось краткого и свободного от погрешностей его изложения, а это важно как для будущих научных изданий стихотворений Соловьева (будем надеяться на возобновление издания Полного собрания сочинений), так и для биографов Победоносцева. Начнем с того, что даже в приведенных по рукописям вариантах названия «оды» фамилия «пострадавшей» (обокраденной «старушки») пишется по-разному (Бахметева и Бахметьева), а дальше количество ошибок только прирастало. Подробности эпизода победоносцевского «некорректного заимствования» (проще сказать, плагиата) были основательно забыты уже к моменту публикации эпиграммы в журнале Струве, так что даже названия книг «благородной дамы» и менее благородного «юриста» воспроизводились весьма приблизительно.

Минимальный комментарий к эпиграмме «На разных поприщах прославился ты много...» был дан уже в первой публикации, к которой мог быть причастен Ф.Д. Батюшков, поскольку текст примечания по содержанию совпадает с сообщенным в пояснении к списку из его архива (есть даже дословное совпа-

¹¹ См.: Соловьев Вл.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 324.

¹² Кстати, в издании 1974 г. это название снято (упоминается лишь в примечаниях [6, с. 313, 314]), тем самым уничтожено авторское соединение эпиграмм в «двойчатку» (используем термин А.И. Солженицына для подобных мини-циклов). В тексте Соловьева словосочетание «Еврейские мотивы» означало «Ветхозаветные».

дение: «рецензенты превознесли»), а фамилия пострадавшего автора приведена правильно¹³. Это примечание было повторено в «Голосе минувшего» со ссылкой на первоисточник (с опечаткой в указании года): «Намек на следующий случай. В конце 90<-х> гг. <Первая ошибка. – О.Ф.> вышла “Церковная История” <Тоже ошибка, породившая такую же в примечании З.Г. Минц. – О.Ф.>¹⁴, имени автора на которой не значилось, но внизу стояло: издание К.П. Победоносцева. Усердные рецензенты известного лагеря превознесли новый труд К.П.; в действительности же это была простая перепечатка старой книжки статс-дамы Бахметевой. Но К.П. Победоносцев не счел нужным отклонить приписанную ему честь, и книга разошлась, как им написанная («Освобождение», 1913, № 13)» [4, с. 250].

О второй (на деле – первой) эпиграмме («оде») в «Голосе минувшего» говорилось: «Авторами настоящей эпиграммы являются В.С. Соловьев и С.Н. Трубецкой» [5, с. 48].

Как произведения Соловьёва обе эпиграммы включены в антологию «К.П. Победоносцев: pro et contra»¹⁵. Здесь дословно воспроизведено и примечание из «Голоса минувшего» (de facto – из «Освобождения»), но искажена фамилия А.Н. Бахметевой, в старом журнале данная правильно; в антологии – Бахметьева¹⁶. В комментариях Библиотеки поэта писательнице еще больше не повезло: она была названа Н.П. <так!> Бахметьевой¹⁷, что никак нельзя отнести к разряду опечаток, и автором книги, *изданной* Победоносцевым, что тоже не соответствует действительности (она была автором, «обокраденным» им). По сравнению с публикацией «Голоса минувшего», комментарии З.Г. Минц содержали лишь одно ценное уточнение: отнесение текста эпиграмм не к концу 1890-х гг., а к 1892 г. (В нашей статье датировка будет несколько конкретней.)

В исследованиях историков встречались упоминания обер-прокурорского плагиата 1891 г.¹⁸, однако находились и неумеренные апологеты, причислявшие «Историю Православной Церкви до разделения Церквей» к оригинальным «трудам» Победоносцева, которые «следует выделить» (видимо, как особо ценные)¹⁹. А.И. Пешков, полностью встав на сторону Победоносцева (но не дав себе труда сопоставить тексты книг его и Бахметевой), горячо спорил с

¹³ См.: [Соловьев В.С.] Эпиграмма Владимира Соловьёва на К.П. Победоносцева. С. 214.

¹⁴ Обратим внимание на то, что в списке из архива С.В. Пантелеевой словосочетание «церковной истории» написано со строчной буквы, т.е. не как название книги, а, скорее, как определение ее тематики.

¹⁵ К.П. Победоносцев: pro et contra: Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / изд. подгот. С.Л. Фирсов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 281–282 [7].

¹⁶ Там же. С. 281.

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 316.

¹⁸ См.: Vyrnes R.F. Pobedonostsev: His Life and Thought. Indiana University Press. Bloomington; London, 1968. P. 268–269 [8].

¹⁹ См.: Никитин В.А. Издания К.П. Победоносцева и его духовно-просветительская деятельность // Книга в России: Из истории духовного просвещения: сб. науч. тр. СПб.: БАН, 1993. С. 145 [9].

Р. Бирнсом, уверяя, что о плагиате вести речь невозможно²⁰, поскольку это подозрение опроверг в своих письмах сам обер-прокурор. Новое обращение к документам 1891–1892 гг. позволяет сказать, что американский историк был в данном случае ближе к научной объективности, и делает возможным дать более основательный комментарий к двум эпиграммам, а главное – к финальной строке первой: «И как юрист старушку обокрал».

В хранящемся в Пушкинском Доме списке из архива Ф.Д. Батюшкова говорилось о «переиздании» чужого труда без указания имени. Все-таки это было не совсем переиздание. Для своего вышедшего в свет в декабре 1891 г. издания «История Православной Церкви до начала разделения церквей»²¹ Победоносцев сделал «выжимку» из неоднократно переиздававшейся книги Александры Николаевны Бахметевой (урожд. Ховриной; 1823 (по другим сведениям 1824) – 1901) «Рассказы из истории Христианской Церкви», впервые вышедшей в Москве в 1863 г.²² Петербургская книга была обозначена как «Издание К.П. Победоносцева», что и ввело в заблуждение не только рецензентов, но и будущих историков (Победоносцев всегда именно так помечал свои компилятивные издания, не ожидая, что ему будут приписывать авторство, однако на деле происходило именно это, и до сих пор в библиотечных каталогах эти книги значатся среди оригинальных трудов обер-прокурора).

Конечно, А.Н. Бахметева тоже была компилятором, но ее невозможно упрекнуть в плагиате. В своих изданиях для детей и простонародья она всегда находила собственное слово, не пользовалась чужими переработками, и это было высоко ценимо современниками. Е.Н. Погожев (Е. Поселянин) писал в своей некрологической статье: «У нас ... только начинается движение к тому, чтобы живым литературным языком говорить о предметах веры, внести в духовную литературу то изящество речи, которым стараются действовать на круг своих читателей составители ... “мирских книг”. <...> И вот она стала трудить-

²⁰ См.: Пешков А.И. «Кто разоряет – мал во Царствии Христовом» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 11–13 [10]. В статье о Победоносцеве в словаре «Русские писатели. 1800–1917» история с «Историей...» благообразно обойдена молчанием.

²¹ См.: История Православной Церкви до начала разделения церквей / изд. К.П. Победоносцева. СПб.: Синодальная тип., 1891 [11].

²² См.: Бахметева А.Н. Рассказы из истории Христианской Церкви. Ч. 1–2. М.: Тип. [П.В.] Бахметева, 1863 [12] (ближайшее по времени переиздание: Бахметева А.Н. Рассказы из истории Христианской Церкви. От 1-го века до половины XI-го века. Чтение для детей старшего возраста: в 2 ч. Изд. 6-е. М., 1889.) Рассказ об А.Н. Бахметевой, духовной писательнице, бывшей московской красавице 1840-х гг., хозяйке известного салона, слишком увеличил бы объем этой статьи. Ограничимся указанием на немногочисленную «литературу вопроса». См.: [Бартенев П.И.] А.Н. Бахметева. Дань ее памяти // Русский архив. 1901. Вып. 7. С. 446–448 [13]; Поселянин Е. [Погожев Е.Н.] Памяти доброй труженицы // Московские ведомости. 1901. 10 июня. № 157. С. 4 [14]; Е.Е. Памяти А.Н. Бахметевой // Московские ведомости. 1901. 13 июня. № 160. С. 4 [15]; Гумеров Ш.А. Бахметева Александра Николаевна // Русские писатели, 1800–1917: Биографич. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 181–182 [16] (статья содержит серьезную библиографическую неточность: дана ложная ссылка на несуществующую публикацию писем Бахметевой к Победоносцеву в «Русском архиве»).

ся в этой области. Прекрасным гладким слогом стала она описывать жизнь Святых, и значение, и историю наших церковных праздников, и прошлое Православной Вселенской Церкви и Православной Русской Церкви. <...> ... сколько труда положено на то, чтобы из тих обширных источников, русских и иностранных, по которым она составляла книги, например, по истории церковной, выбрать главное, выставить вперед самое нужное, скрасить, оживить то, что кажется читателю сухим, что заставляет его бросать книгу. Сколько знания, трудолюбия, мысли, такту пришлось тут положить» [14, с. 4].

Одним из первых, кто получил новое «издание К.П. Победоносцева» в подарок, оказался близкий друг составителя, великий русский педагог С.А. Рачинский (1833–1902), живший вдали от столиц в своем Татеве, в Бельском уезде Смоленской губернии. Он сразу решил поддержать своего друга печатным словом. В рецензии на книгу Рачинский, совершенно не подозревая о плагиате, вспомнил о труде А.Н. Бахметевой и также о другой работе того же автора («Рассказы из истории Христианской Церкви. Церковь в России», 1872 г.): «Наша литература уже обладает превосходным, вполне популярным очерком истории первых веков христианства и до-петровского периода церковной истории русской. Это – рассказы А.Н. Бахметевой из церковной истории всеобщей и отечественной. Но быстрое размножение у нас читающего люда, не имеющего возможности подняться выше весьма скромного уровня знания и разумения, давно заставляло желать очерка еще более доступного, простого и сжатого, способного проникнуть повсюду, где грамотность поднимается выше механического чтения» [17, с. 4].

Вопрос авторства в рецензии обойден, говорится только, что книга «достаточно рекомендована» «именем ее издателя»²³.

Рачинский очень спешил опубликовать рецензию и для надежности²⁴ даже послал ее не прямо в редакцию, а прибег к помощи своего нового знакомого и почитателя – писателя Ивана Щеглова (И.Л. Леонтьева), сотрудничавшего в «Новом времени». Тот сразу откликнулся, а Суворин, увидев подпись знаменитого учителя, не вникая, пустил заметку в печать²⁵. Но прошла всего неделя, и Рачинского настигло ужасное известие о его невольной ошибке.

Об истории с плагиатом татевский отшельник узнал из письма своего последователя Н.М. Горбова от 26 декабря²⁶ 1891 г.:

²³ См.: Рачинский С. История православной церкви до начала разделения церквей. Издание К.П. Победоносцева. Цена 75 коп. [Рецензия] // Новое время. 1891. 19 дек. № 5679. С. 4 [17].

²⁴ Он беспокоился, «что ее напечатать не захотят, по скромности назначения книги и негезетности ... слога» (см.: Сверхштатный ученик: Переписка С.А. Рачинского и И.Л. Леонтьева (Ивана Щеглова) (1891–1900) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2024. С. 115 [18]).

²⁵ «Суворин ... лишь оглянув Вашу подпись, немедля послал листок в типографию», – сообщил Щеглов Рачинскому 20 декабря 1891 г. (см.: Сверхштатный ученик: Переписка С.А. Рачинского и И.Л. Леонтьева (Ивана Щеглова) (1891–1900). С. 117).

²⁶ Еще ни о чем не подозревая, Рачинский именно в этот день благодарил Щеглова «за быстрое и

«Дорогой Сергей Александрович.

С ужасом прочитал я Вашу заметку в Новом Времени об изданной Победоносцевым Истории Церкви. Знаете ли Вы, что такое эта История? Это *дословная* перепечатка книги Бахметевой, которую она, по словам Вашим, должна заменить. Во всей книге, за исключением оглавления Деяний²⁷, набирается едва 30 страниц вставок, одна неумелее и неуместнее другой. Впрочем, и сокращения отличаются теми же качествами. Для примера вставок укажу на конец первой главы или на средний абзац страницы 7-й. Из уважения к литературе хочу думать, что это – единственный пример такого плагиата. Как он возник? К<онстантин> П<етрович> кому-нибудь поручил эту работу, и составлявший, или вернее передавший в синодальную типографию книгу А<лександр> Н<иколаевна> для перепечатки, понадеялся, что Поб<едоносцев> не заметит, а те, кто заметят, не решатся публично об этом сказать. К тому же, и это самое мерзкое, взято менее трети книги Бахметевой, т. е. столько, сколько можно взять, не опасаясь судебного преследования. А<лександра> Н<иколаевна> говорит, что она очень польщена, ибо оказывается, что не нашли с чего другого печатать, как с ее сочинения. Равным образом она польщена и Вашей заметкой, так как всё сказанное в ней о неизвестном авторе²⁸, относится, очевидно, к ней. Впрочем, она пишет и Вам, и Победоносцеву.

Удивляюсь, как вся эта история не попала до сих пор на зубок Филиппову²⁹. Мы бы присутствовали при любопытном зрелище.

Поб<едоносцев>а обвиняют в слишком легкой поддаваемости впечатлениям по отношению к людям, в ту и другую сторону. <...>

В Москве много говорят об этом скандале, а я с нетерпением жду перепечатки Рассказов из Русской церковной истории. Приятно встречаться с старыми хорошими друзьями, хотя и в общипанном виде» (ОР РНБ. Ф. 631. Д. 61. Л. 228–228 об.)

точное напечатание» своей «заметки» (см.: Сверхштатный ученик: Переписка С.А. Рачинского и И.Л. Леонтьева (Ивана Щеглова) (1891–1900). С. 119).

²⁷ Речь идет об оглавлении книги Деяний св. Апостолов (см.: История Православной Церкви до начала разделения церквей. С. III–XXIV).

²⁸ В рецензии Рачинского говорилось, в частности: «Составление такого очерка – дело не легкое. <...> Выделить из этого громадного, разнородного материала существенное и вечное, в форме доступной разумению масс – дело великого художественного чутья и педагогического такта / Механически такой очерк составлен быть не может. Он должен вылиться из ума, вооруженного самым основательным знанием, из сердца, пережившего душевный подъем, лежащий на дне повествуемых внешних событий» [17, с. 4].

²⁹ Т.И. Филиппов и Победоносцев были в давней вражде, о чем хорошо знали и автор письма, и автор эпиграмм, общавшийся в Петербурге с обоими сановниками. Об отношении государственного контролера к обер-прокурору Синода см.: Фетисенко О.Л. Столп Церкви или новый Копроним? (К.П. Победоносцев sub oculis Т.И. Филиппова и К.Н. Леонтьева) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: материалы Междунар. юбилейной науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 г.). СПб., 2007. С. 109–119 [19].

Как видим, Горбов, хоть и был, как ясно по другим его письмам к Рачинскому, весьма критично настроен к Победоносцеву, в данном случае оставлял ему своего рода «алиби», предполагая, что сановника подвел кто-то из подчиненных (Рачинский потом предположил, что составителем «Истории...» могла быть жена Победоносцева³⁰; и тот и другой ошиблись). Рачинский одновременно написал Бахметевой и обратился за разъяснениями к Победоносцеву, но тот в письме от 4 января настаивал, что о плагиате не может быть и речи:

«Любезнейший друг
Сергей Александрович

Я не понимаю, как может быть речь о плагиате. В начале книги объяснено, что это не самостоятельный труд, а выписки из разных сочинений. Из Бахметевой взяты отрывки, сплоченные в целое. Целиком взята одна лишь глава о Богослужении. Бахметевой книги – 2 тома рассказов 900 стр<аниц>, и еще 2 тома. Моя книга учебная. Ст<атья> 298 Ценз<урного> Уст<ава> гласит: Помещение в учебных книгах каких-либо статей или отрывков из др<угих> сочинений не почитается самовольным изданием, хотя бы таковое заимствование в сложности разных мест книги составляло и более 1 печатного листа. Кроме Бахметевой есть выборки из Муравьева³¹ и др<угих> книг. Я никак не предполагал, чтобы Бахметева могла иметь претензию, ибо учебная книга³² ни в чем не помешает ходу ее рассказов. Я написал ей письмо и жду еще ответа. Но мне кажется, во всяком случае заявление в предисловии оправдывает меня.

Душе<вно> пред<анный>
К. Победоносцев

4 янв<аря> 1892 П<етер>бу<рг> –

Я готовил 2-е издание и понужден был прямо упомянуть о Бахметевой.

Я писал Бахметевой и прежде, но не имею ответа. Теперь еще пишу ей. Книга пришлась по вкусу многим и требования возрастают. Для меня важно только заявление Бахметевой. Я спрашиваю ее: если она не желает, то я задержу второе издание. Первого было только 1000 экз<емпляров>, и едва покروются типогр<афские> издержки. Решительно не понимаю. Я и вам прежде писал, что задумываю учебную книгу, всю составленную из чужого материала. Если бы и вы обратили внимание на предисловие, то не приписали бы сочинение жене моей. Правда, что и *составление* книги из отрывков требовало труда не много. –

³⁰ Щеглову же он писал 30 декабря: «Представьте себе: книга, изданная Победоносцевым ... оказалась плагиатом ...! Книгу эту я читал давно, и поэтому подлога не заметил, как не заметил его и издатель. Передайте редакции “Нового Времени” мои извинения в моей опрометчивости. <...> ... имя издателя не дало возникнуть в моем уме мысли о плагиате...» [18, с. 120].

³¹ Подразумеваются сочинения А.Н. Муравьева.

³² Книга не была обозначена (например, на титульном листе) как учебное издание, только в предисловии говорилось о том, что она адресована учащимся учительских школ духовного ведомства.

Не понимаю и вашей мысли, чтобы А.Н. Бахметева издала книгу под своим именем, едва ли она и вправе на это. От нее зависит составить от себя *вновь* учебную книгу, из своих рассказов.

Иное дело если бы я издал книгу под своим именем, как *свое* сочинение. Но у меня прямо было сказано, что тут всё взято из готового.

И бралось не из одной Бахметевой, но из Муравьева, из других учебников, из Душеполезного чтения, кое-что из Чети-миней.

2-му издание отпечатано уже 3 листа. Я остановил печать до получения ответа от Бахметевой.» (Там же. Д. 62. Л. 27–28 об.) Интересно, что Победоносцев, уже поставив дату и подписавшись, вновь продолжил свое объяснение.

В тот же день, 4 января, Горбов сообщал Рачинскому: «Ваше письмо доставлено А<лександр> Н<иколаевне>, – но ее впечатления еще не знаю, равно как еще не знаю и содержания крайне странного, по-видимому, письма к ней Поб<едоносцева>. – В Москве скандал по этому поводу в полном разгаре» (Там же. Л. 29). Вероятно, именно к этому времени и следует отнести появление эпиграмм (Соловьев, как увидим далее, на Святках находился в первопрестольной и вполне мог горячо участвовать в обсуждении приключившегося с известной московской писательницей, близкой к славянофилам).

Случилось так, что в этот же день, 4 января, сама Бахметева отвечала на письмо Победоносцева от 27 декабря. Ее послание, в котором отстаивались авторские права и выражалось недоверие к тому, что Победоносцев был случайно введен в заблуждение, обер-прокурор переслал Рачинскому. Вот этот примечательный документ:

«Москва 4 января
1892

Многоуважаемый Константин Петрович.

Извините, что я несколько замедлила ответом на Ваше письмо, полученное мною 27-го декабря. Вместе с письмом я получила и книгу Вашу. Благодарю за внимание.

Эту книгу я уже знала. Прочитав объявление об Истории Православной Церкви, изданной Вами, я поспешила приобрести ее. Крайне удивилась я, когда под этим заглавием я нашла большею частью мои собственные Рассказы из истории Христианской Церкви, где напечатанные почти целиком, где с некоторыми пропусками и перестановками.

Недоумевая, каким образом могла такая значительная часть моих “Рассказов” быть перепечатана как без моего ведома и согласия, так и без согласия на то книгопродавца, которому принадлежит 6-е издание, я остановилась на предположении, что это могло случиться отчасти и без Вашего ведома; что Вы могли поручить кому-нибудь составить учебник истории Церкви по разным существующим уже сочинениям, и что среди Ваших многочисленных дел и забот, Вы не успели просмотреть эту работу. И другие хорошо знающие Вас люди уверяли меня, что Вы без сомнения были введены в обман каким-нибудь

подчиненным Вашим, злоупотребившим Вашим доверием. Ваше письмо указало мне, что эти предположения были ошибочны.

Считая возможным, что право на издание моих Рассказов уступлено кому-нибудь из книгопродавцев, Вы выражаете мнение, что едва ли он мог бы признать свои права нарушенными, ибо краткий учебник не может повредить ходу двух томов моих Рассказов. Не знаю, каково на этот счет мнение издателя; я же будучи несведущею в законодательстве по вопросу печати, вовсе не знаю, нарушены ли или нет его права собственности. Вам это лучше знать, как опытному юристу. Мне кажется, что продажа его книг могла бы не пострадать от появления Вашего учебника только если бы к заглавию Вашей книги было прибавлено, что она есть извлечение или заимствование из «Рассказов из истории Христианской Церкви».

Это условие очень важно и для меня. Иначе, если бы я приступила к печатанию 7-го издания, я могла бы подвергнуться подозрению, что я перепечатываю Вашу книгу. Я сочувствую Вашей цели издать учебник для школ; но согласитесь, Константин Петрович, что эта цель была бы достигнута и в том случае, если бы Вы и указали, откуда он заимствован.

Как мне понравилась Ваша книжка? На этот вопрос мне трудно ответить вкратце; а письмо мое и так вышло очень длинно. Потому поблагодарив Вас за Ваши добрые пожелания к новому году, прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении

А. Бахметева

Малая Дмитровка
дом Макарова» (Там же. Л. 30–31 об.)

Обратим внимание на слова: «Вам это лучше знать, как опытному юристу». В салонных обсуждениях случившегося скандала, конечно, не раз припомнили Победоносцеву его образование правоведа. Вот почему и в пуанте эпиграммы Соловьева появляется слово «юрист» («...юрист старушку обокрал»).

Победоносцев в сопроводительном письме заверил совестливого друга, неосторожно «подставившегося» со своей поспешной рецензией, что готов переиздать книгу под двумя именами (Там же. Л. 33). И снова корреспонденции совпали в датах: 5 января Победоносцев и Бахметева отправили Рачинскому по письму³³. Затем Победоносцев писал об этом же 8 и 9 января, причем во втором письме сообщил, что передумал выпускать второе издание под двумя именами. К этому его подвигло упорство Бахметевой: «Конечно, я виноват, и всем спрашивающим говорю это и самой Бахметевой» писал. *Но вам одному скажу: я ожидал от нее большего великодушия*» (Там же. Л. 54). Вместо издания под двумя именами вышло нечто весьма странное. 12 января в «Московских ведомостях» появилась двусмысленная заметка, не содержащая прямого упомина-

³³ Письмо Бахметевой от 5 января 1892 г. см. в Приложении к настоящей статье

ния Победоносцева и помещенная на почетном месте, непосредственно за передовой статьей:

«От издателя нижепоименованной книги получено нами следующее заявление:

“В виду поступающих из многих мест требований на книгу *История Православной Церкви до начала разделения церквей*, издатель долгом почитает заявить, что первое издание этой книги сделано было, в виде опыта, в ограниченном числе экземпляров и всё уже разошлось. Ныне готовится второе издание со многими изменениями и с дополнением. Оно вскоре появится, и тогда все требования могут быть удовлетворены”»³⁴.

Таким образом, читателю просто предлагалась реклама будущего второго издания, но не говорилось о подлинных предъявляемых издателю «требованиях» со стороны обиженной Бахметевой. Прочитав этот странный текст, Горбов напишет Рачинскому: «Зачем Поб<едоносцев>, узнав об обмане, в который он был введен, не сделал того, что только ему и можно было сделать, не уничтожил остающихся экземпляров и не прекратил печатание объявлений? Зачем он напечатал такое странное объяснение в Моск<овских> Вед<омостях>? Зачем он пишет А<лександр> Н<иколаевне> ежедневные письма, где вывертывается на разные лады, как школьник? Вы не можете себе представить, какое дурное впечатление произвела эта история, весьма огласившаяся, впечатление тем более дурное, что он делает всё, чтобы его усилить. Его даже нельзя жалеть» (ОР РНБ. Ф. 631. Д. 62. Л. 78).

Сам же Победоносцев 12 января (день выхода объявления) сообщит Рачинскому, что получил от Бахметевой «очень милое письмо» и инцидент исчерпан (Там же. Л. 79 об.). Однако это было не совсем так, поскольку «милое письмо» было отправлено явно до того, как Бахметева могла прочесть странную заметку в «Московских ведомостях». 15 января она вновь обратилась к Рачинскому: «...продолжаете ли Вы думать, что издатель был введен в заблуждение, как думала и я, но перестала думать после его собственного объяснения. Но лучше об этом не спрашивать. Вы с ним дружны; и отвечать мне на это могло бы быть Вам неприятно. – Оставим это, но скажите, пожалуйста, согласны ли Вы с моим мнением о его издании как учебнике? О литературной и учебной стороне дела легче говорить, чем о нравственной; и мне бы хотелось знать, находите ли Вы, чтобы это был хороший учебник? По моему мнению, это не учебник вовсе, и не история Правос<лавной> Церкви, а просто Рассказы из Церковной истории для чтения, как дополнение к учебнику. Мне не нравится и то, что названо История Правос<лавной> Церкви. Это название привыкли считать за восточную Церковь уже по разделении; и оно вызывает мысль о другой, Латинской; а тут дело идет о Церкви еще не разделенной.

³⁴ См.: [Победоносцев К.П. Уведомление] // Московские ведомости. 1892. 12 янв, № 12. С. 2 [20].

Победоносцев писал мне 7-го числа, что он, обдумав, решился вовсе прекратить свое издание, – разве когда-нибудь позднее, найдет время переделать изложение книги. Но дня через три после получения этого письма, я увидела в газетах объявление о втором издании той же книги. Обыкновенно второе издание бывает повторение первого, хотя и с некоторыми изменениями. Неужели это будет так на сей раз. Это было бы сильно. Впрочем, он намерен заимствовать у меня много менее. Надеюсь, что только в пределах законно дозволенного» (Там же. Л. 82–84).

Вскоре второе издание вышло³⁵. «Вводящих в соблазн» слов «издание К.П. Победоносцева» здесь уже не было (в экземпляре БАН эти слова дотошный библиограф подписал их карандашом). Меры предосторожности в очень странной форме были предприняты на шмуцтитуле с изящной виньеткой. Надпись гласила:

«Книга эта издается вторично в совершенно новом изложении; но некоторые <выделено разрядкой!> страницы заимствованы из других книг, особливо из Рассказов г-жи Бахметовой» [21, с. 3].

Словно нарочно, здесь еще и допущена опечатка в фамилии «обокраденной».

Метод минимальной маскировки заимствований легко понять из примеров, представленных в таблице («исправленные места» выделены полужирным шрифтом).

А.Н. Бахметова Издание 1863 г.	К.П. Победоносцев Исправленное издание 1892 г.
<p>Ч. 1. XVIII. Общий взгляд на век Апостольский. – Мужья Апостольские <...></p> <p>«С Иоанном Богословом кончился первый век христианства, век Апостольский. Все очевидцы Слова жизни почил в Господе; но оставили учеников, которым сообщили власть, данную им Господом: благовествовать слово, совершать таинства, вязать и разрешать, научать все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [12, ч. 1, с. 192].</p> <p>«Климент родился в Риме, в богатом и знатном языческом доме, бывшем в родстве с самим императором. Когда он был еще малым ребенком, мать его предприняла далекое путешествие и</p>	<p>III. Мужья апостольские</p> <p>«С Иоанном Богословом кончается первый век христианства, век апостольский. Все очевидцы Слова жизни почил в Господе; но оставили учеников, которым сообщили власть, данную им Господом: благовествовать слово, совершать таинства, вязать и разрешать, научать все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [21, с. 19].</p> <p>[Так было и в первом издании.]</p> <p>«Св. Климент родился в Риме в богатом и знатном семействе, бывшем в родстве с самим императором. Странная судьба, постигшая семейство его, омрачила его детство и раннюю молодость: когда</p>

³⁵ История Православной Церкви до начала разделения церквей. Новое, исправленное издание. СПб.: Синодальная тип., 1892 [4], XX, 224, III с. [21].

<p>взяла с собою двух старших сыновей-близнецов» [12, ч. 1, с. 193–194]</p>	<p>он был еще малым ребенком, мать его и двое старших братьев предприняли далекое путешествие...» [2.1, с. 20]. [В первом издании так же, но: «...его раннюю молодость».]</p>
<p>Ч. 2. XVIII. Вселенский Никейский Собор. 325-го года</p> <p>«До сих пор еще не было и не могло быть Вселенского собора; он стал возможен только теперь, когда всё обширное государство находилось под властью одного царя, признававшего Христианскую веру за веру истинную» [12, ч. 2, с. 255].</p> <p>«Епископы со всех стран с готовностью поспешили в Никею. Все издержки их путешествия и пребывания в Никее принимал на себя Константин. По дорогам были для них приготовлены переменные лошади. Прибыли епископы из Египта и Палестины, из Сирии и Месопотамии, Африки, областей Малой Азии, Греции, из Персии, Армении, Мизии и Дакии, от Задунайских Готфов, недавно обращенных в Христианство: всех более 300; их сопровождали и другие духовные лица, пресвитеры и диаконы. С Западных стран прибыло немного епископов <...>» [12, ч. 2, с. 255–256].</p>	<p>IX. Первый Вселенский Собор. Арий</p> <p>«До сих пор еще не было и не могло быть Вселенского Собора; он стал возможен только теперь, когда всё обширное государство находилось под властью одного христианского царя» [21, с. 77]. [Так же в первом издании.]</p> <p>«Епископы со всех стран с готовностью поспешили в Никею. Все издержки их путешествия и пребывания в Нике принимал на себя император. Прибыли епископы из Египта и Палестины, из Сирии и Месопотамии, Африки, областей Малой Азии, Греции, из Персии, Армении, Мизии и Дакии, от задунайских Готфов, недавно обращенных в христианство: всех – 318; их сопровождали и другие духовные лица, пресвитеры и диаконы. Всего меньше епископов явилось с Запада <...>» [21, с. 78]. [В первом издании последняя фраза отсутствует.]</p>

Есть случаи и более сложной «маскировки», сочетающей замену отдельных слов с изменением порядка частей предложения и инверсиями: Вот подобный пример:

<p>Ч. 2. I. Век второй. – Третье гонение против Христиан</p> <p>«Десять воинов сопровождали святого старца; путь был труден, и воины обращались с ним жестоко...» [12, ч. 2, с. 6].</p>	<p>III. Мужа апостольские</p> <p>«Труден был путь узника во имя Господа, жестоко с ним обращение 10 воинов, сопровождавших его...» [21, с. 24]. [В первом издании: «десяти воинов», остальное так же.]</p>
--	--

Победоносцев, вопреки заявлению в письме к графу Н.А. Протасову-Бахметеву (родственнику мужа Александры Николаевны) о том, что книга вы-

ходит «вновь написанной»³⁶, почти ничего не стал менять во втором издании, ограничился текстом на шмуцтитуле (выполнившим, по сути, роль фигового листка) и минимальной правкой, которая не прошла бы через современную систему «Антиплагиат». Даже предисловие осталось прежним, в нем только прибавилась фраза: «Изложению дальнейших судеб православной церкви посвящена будет вторая книга нашего издания» [21, с. II]. Но никакой второй книги (части, тома, выпуска) не появилось, анонимная «История...» продолжала переиздаваться как одна компактная книга. Интересно, что общее количество переизданий «Рассказов...» Бахметевой и «труда» Победоносцева в итоге почти совпадает: 10 (при жизни 8) и 9.

Невольно можно заключить, что «юрист старушку обокрал» весьма основательно. В каталогах библиотек «издание К.П. Победоносцева» помечается как его авторская работа, в Интернет-публикации на портале «Библиотека Максима Машкова» текст «Истории...» по изданию 1891 г. представлен ничто же сумняшеся тоже как труд Победоносцева³⁷, а современные читатели, конечно, охотнее будет знакомиться именно с текстом на сайте. Поистине, «книги имеют свою судьбу».

Вернемся к эпиграмме Соловьёва «На разных поприщах прославился ты много...». Помимо исправления в прочтении ее последнего слова (в самой запоминающейся строке – «обокрал» вместо «обобрал»), предпринятые архивные и газетные разыскания позволяют существенно уточнить и время появления этого текста, а также и «оды» «Сановный блюститель...». Это не конец 1890-х, как предполагали первые издатели, и не размытый 1892 г., как – ближе к делу – установила З.Г. Минц³⁸. Эпиграммы рождаются по конкретному поводу, «на случай», и применительно к этим двум шедеврам поэтической и отчасти политической сатиры время можно установить значительно точнее – Святки 1891/1892 гг., когда в Москве листали новое «издание К.П. Победоносцева» и прочли рецензию на него в «Новом времени». Скандальная история обсуждалась, судя по письму Н.М. Горбова, не только в гостининой пострадавшей, А.Н. Бахметевой (впрочем, и с ней философ и поэт явно был знаком, поскольку она была близка славянофильским кругам, в которые был вхож и Соловьёв; с Горбовым же, горячо принявшим участие в расследовании «кражи», у него тоже были общие приятели, например И.И. Кристи – родственник Рачинского и ученик К.Н. Леонтьева). Важно подчеркнуть, что Соловьёв именно в это время находился в Москве. В недатированном письме кн. Д.Н. Цертелеву он писал: «Я приехал в Москву на похороны зятя моего Н.А. Попова и хочу тебя здесь

³⁶ Цит. по: Пешков А.И. «Кто разоряет – мал во царствии Христовом...». С. 12.

³⁷ См.: Победоносцев К.П. История Православной Церкви до начала разделения церквей // URL: http://az.lib.ru/p/pobedonoscew_k_p/text_1891_tz_history.shtml [22; дата обращения: 29.11.2024].

³⁸ См.: [Соловьёв В.С., Трубецкой С.Н., кн.] Эпиграмма на Победоносцева // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 316.

дождаться»³⁹. Известный историк-славист Н.А. Попов (1833–1891), женатый на сестре Соловьева Вере Сергеевне, скончался 22 декабря 1891 г. Письмо Соловьева Цертелеву отправлено уже после Рождества (оно содержит поздравление с Новым годом), значит, написано было в самом конце декабря или первых числах января. Очевидно, посещая на Святках своих друзей, Соловьев и написал вместе с кн. С.Н. Трубецким «оду» Победоносцеву, которую увенчал поистине «убийственной» эпитафией из четырех строк. Так он откликнулся на взволновавшую московское общество историю с литературной кражей, полностью лишившей Победоносцева сочувствия там, где он мог бы на него рассчитывать. В качестве комментария ко второму стиху эпиграммы («Как евнух ты невинностью сиял») можно добавить также, что Соловьеву могло быть известно одно из петербургских прозвищ обер-прокурора – «евнух Миртилл» (по имени персонажа поэмы А.Н. Майкова «Два мира») ⁴⁰. Думается, бесполезно было бы повнимательнее проследить творческую историю и других эпиграмм Соловьева и заново выверить их текст по имеющимся рукописным источникам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо А.Н. Бахметевой к С.А. Рачинскому от 5 января 1892 г.⁴¹

Москва 5 янв<аря>
1892

Многоуважаемый и добрейший Сергей Александрович, по какому бы поводу ни возобновилась наша переписка, я рада ей как нельзя более; увидеть вновь Ваш почерк в письме ко мне было для меня истинным удовольствием. Как часто собиралась я писать Вам, побеседовать с Вами о вопросах, нас обоих интересующих; но Вы знаете сами; если не тотчас исполнить намерение, и дело затянется, то остается неисполненным.

Я не только хотела писать, но даже отчасти написала письмо к Вам после того, как прочитала Ваш сочувственный отзыв о моих Рассказах по поводу книги К.П. Победоносцева. Почти написала и не кончила. Сказав Вам, что рада была Вашему сочувственному отзыву, я почти шутя прибавила, что имею право присвоить себе и Ваши лестные отзывы о книге Победоносцева, так как она большей частью состоит из моих Рассказов.

Я несколько не удивилась тому, что вы в ней не узнали слишком давно знакомой Вам моей книги. Где же помнить, как именно изложены события,

³⁹ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. Т. II. С. 263 [23].

⁴⁰ См.: Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. С. 473 [24].

⁴¹ Печатается впервые по автографу: ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 62. Л. 34–36 об.

Вам хорошо известные. Другое дело мое. Как только я увидела объявление об истории Православной Церкви, изданной Победоносцевым, я поспешила приобрести ее, радуясь появлению новой книги по предмету, меня интересующему, книга, за достоинство которой ручалось в моем мнении имя Победоносцева. Каково же было мое удивление, когда я нашла в ней страница за страницей, глава за главою мои собственные рассказы, кое-где помещенные почти целиком, кое-где урезанные, или с перестановками, не всегда удачными, с вставками, не всегда соответствующими размером остальному и нигде не составляющими цельного рассказа. Мне стало обидно за Победоносцева. Дело могло бы быть сделано иначе и лучше.

Такое широкое заимствование из моих Рассказов, – как косвенная оценка моего труда, – в этом смысле может показаться мне очень лестным; но тем не менее я нахожу, что, взяв мои Рассказы для своего учебника, Победоносцев сделал великую ошибку (я здесь говорю не о поступке). Они слишком подробно изложены для учебника, в котором на 220 страницах помещена история Прав<ославной> Церкви в продолжении 8-ми веков. Озаглавив мою книгу «Рассказы из истории Христ<ианской> Церкви», я этим сохраняла некоторую свободу и в выборе событий, которые я могла изложить более или менее подробно; и даже имела право не слишком стесняться хронологической последовательности их. Но заглавие «История Православной Церкви» обязывает составителя изобразить и осветить равномерно все события, имевшие для Церкви равномерное значение. А это становится невозможным, когда некоторым событиям посвящено очень подробное повествование, предназначенное очевидно для книги большего объема. Укажу хоть на один пример. Зачем было помещать почти целиком мой довольно подробный рассказ о внутреннем состоянии Рима языческого, когда нет в книге ни слова о состоянии Греции, Иудеи, Рима Христианского? Правда, когда заимствованные из моей книги Рассказы кажутся слишком длинными, составитель урезывает в них где несколько строчек, где до страницы. Но такой, чисто механический, способ сокращения редко может быть удачен. Рассказ должен, как мне кажется, быть задуман в известном размере сообразно с размером всего остального; а при чисто механическом сокращении чувствуется где пропуск, где спайка, и остается общее впечатление несоразмерности. Такое впечатление произвела на меня книга Победоносцева. Много еще я хотела бы сказать о ней, между прочим и то, что о многих лицах и событиях достойных внимания не упомянуто вовсе; но не хочу распространяться об этом теперь, так как мне хочется поскорее отправить к Вам ответ на Ваше письмо, так меня обрадовавшее.

Теперь как объяснить самый поступок? Недоумевая, как могла без моего ведома и согласия попасть в печать такая значительная часть моей книги, и уважая Победоносцева как человека прямого и чест<n>ого, я остановилась сперва на том предположении, что всё это сделалось почти без его ведома и участия; что желая составить учебник для школ – чему я вполне сочувствую –

он поручил эту работу кому-нибудь из служащих у него, и среди многих забот и дел, не успел просмотреть составленного. Это предполагало бы в нем несколько легкое отношение к серьезному делу, но показалось мне менее обидным, чем если предположить преднамеренное пользование чужим. К сожалению, я должна была, по получении его письма, отказаться от этого предположения. Это мне было чрезвычайно неприятно.

Что бы ему было написать мне заранее о своем намерении? Шестое издание, теперь в обращении, уступлено мною книгопродавцу, но я могла бы постараться убедить его, что краткий учебник не может повредить продаже его издания, если при заглавии учебника указано, откуда он заимствован. Это условие я выговорила бы и для себя; так как иначе, я, если бы пришлось мне печатать новое издание, могла бы подвергнуться подозрению, что я перепечатаваю книгу Победоносцева.

Как же вышло всё это дело, крайне неприятное? Вы тоже, как я вижу из Вашего письма, полагаете, что он был введен в заблуждение. Очень бы желала, чтобы было так. Но как можете Вы думать, добрейший Сергей Александрович, чтобы я могла сколько-нибудь сетовать на Вас? Теперь остается мне благодарить Вас за то, что по этому поводу Вы написали мне. Не будете ли как-нибудь в Москве? Как бы хотелось повидаться с Вами. С сожалением слышу, что Ваше здоровье не совсем хорошо, расстроившись и постигнув Вас скорбью⁴², и постоянными трудами. Дай Вам Бог силы и бодрости и вообще всего лучшего. Дружески жму Вашу руку

искренно и глубоко Вас уважающая
А. Бахметева

Список литературы

1. Иванова Н.И. «Тонкий хлад» пламенного пророка: Ирония в поэзии Владимира Соловьева // Известия Южного федерального ун-та. Сер.: Филологические науки. 2007. № 12. С. 50–57.
2. Юрина Н.Г. Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьева // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. № 1, Т. 1. Филология. С. 30–39.
3. [Соловьев В.С.] Эпиграмма Владимира Соловьева на К.П. Победоносцева // Освобождение. 1902. 19 дек. (1903. 1 янв.). № 13. С. 214.
4. [Соловьев В.С.] Эпиграмма В.С. Соловьева на Победоносцева // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 250.
5. [Соловьев В.С., Трубецкой С.Н., кн.] Эпиграмма на Победоносцева // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 48.
6. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, 1974. 350 с.
7. К.П. Победоносцев: pro et contra: Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / изд. подгот. С.Л. Фирсов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. 576 с.

⁴² Упомянутые в письме обстоятельства разъяснены в тексте статьи. Скорбь, постигшая Рачинского, – кончина его матери, В.А. Рачинской (урожд. Боратынской), 15 мая 1891 г.

8. Byrnes R.F. Pobedonostsev: His Life and Thought. Indiana University Press. Bloomington; London, 1968. 495 p.
9. Никитин В.А. Издания К.П. Победоносцева и его духовно-просветительская деятельность // Книга в России: Из истории духовного просвещения: сб. науч. трудов. СПб.: БАН, 1993. С. 139–146.
10. Пешков А.И. «Кто разоряет – мал во царствии Христовом...» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 3–33.
11. История Православной Церкви до начала разделения церквей / изд. К.П. Победоносцева. СПб.: Синодальная тип., 1891. [248] с.
12. Бахметева А.Н. Рассказы из истории Христианской Церкви. Ч. 1–2. М.: Тип. [П.В.] Бахметева, 1863. Ч. 1. 215 с. Ч. 2. 264 с.
13. [Бартенев П.И.] А.Н. Бахметева. Дань ее памяти // Русский архив. 1901. Вып. 7. С. 446–448.
14. Поселянин Е. [Погожев Е.Н.] Памяти доброй труженицы // Московские ведомости. 1901. 10 июня. № 157. С. 4.
15. Е.Е. Памяти А.Н. Бахметевой // Московские ведомости. 1901. 13 июня. № 160. С. 4.
16. Гумеров Ш.А. Бахметева Александра Николаевна // Русские писатели, 1800–1917: Биографич. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 181–182.
17. Рачинский С. [А.] История православной церкви до начала разделения церквей. Издание К.П. Победоносцева. Цена 75 коп. // Новое время. 1891. 19 дек., № 5679. С. 4.
18. Сверхштатный ученик: Переписка С.А. Рачинского и И.Л. Леонтьева (Ивана Щеглова) (1891–1900) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2024. 464 с.
19. Фетисенко О.Л. Столп Церкви или новый Копроним? (К.П. Победоносцев sub oculis Т.И. Филиппова и К.Н. Леонтьева) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: материалы Междунар. юбилейной науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева, Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. политехн. ун-та, 2007. С. 109–119.
20. [Победоносцев К.П. Уведомление] // Московские ведомости. 1892. 12 янв., № 12. С. 2.
21. История Православной Церкви до начала разделения церквей / [Изд. К.П. Победоносцева]. Изд. 2-е, испр. СПб.: Синодальная тип., 1892. [251] с.
22. Победоносцев К.П. История Православной Церкви до начала разделения церквей. URL: http://az.lib.ru/p/pobedonoscew_k_p/text_1891_tz_history.shtml [Дата обращения: 29.11.2024].
23. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. Э.Л. Радлова. Т. II. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. 368 с.
24. Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 728 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Bakhmeteva, A.N. *Rasskazy iz istorii Khristianskoy Tserkvi. Ch. 1–2* [Stories from the history of Christian Church. Part 1–2]. Moscow: Tipografiya [P.V.] Bakhmeteva, 1863. Part 1. 215 p. Part 2. 264 p.
2. Byrnes, R.F. *Pobedonostsev: His Life and Thought*. Indiana University Press. Bloomington; London, 1968. 495 p.
3. Pobedonostsev, K.P. (ed.) *Istoriya Pravoslavnoy Tserkvi do nachala razdeleniya tserkvey* [History of the Orthodox Church until the beginning of the division of churches]. Saint-Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1891.

4. Pobedonostsev, K.P. (ed.) *Istoriya Pravoslavnoy Tserkvi do nachala razdeleniya tserkvey* [History of the Orthodox Church until the beginning of the division of churches]. Saint-Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1892.

5. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1974. 350 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. [Bartenev, P.I.] A.N. Bakhmeteva. Dan' ee pamyati [A.N. Bakhmeteva. Tribute to her memory], in *Russkiy arkhiv*, 1901, issue 7, pp. 446–448.

7. E.E. Pamyati A.N. Bakhmetevoy [In memory of A.N. Bakhmeteva], in *Moskovskie vedomosti*, 1901, June 13, no. 160, p. 4.

8. Fetisenko, O.L. Stolp Tserkvi ili novyy Kopronim? (K.P. Pobedonostsev sub oculis T.I. Filippova i K.N. Leont'eva) [Pillar of the Church or new Copronym? (K.P. Pobedonostsev sub oculis T.I. Filippov and K.N. Leontiev)], in *Konstantin Petrovich Pobedonostsev: myslitel', uchenyy, chelovek* [Konstantin Petrovich Pobedonostsev: thinker, scientist, man]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo universiteta, 2007, pp. 109–119.

9. Ivanova, N.I. «Tonkiy khlad» plamennogo proroka: Ironiya v poezii Vladimira Solovieva [“A slight chill” of a fiery prophet: Irony in the poetry of Vladimir Solovyov], in *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki*, 2007, no. 12, pp. 50–57.

10. [Pobedonostsev, K.P. Notification], in *Moskovskie vedomosti*, 1892, January 12, no. 12, p. 2.

11. Poselyanin, E. [Pogozhev, E.N.] Pamyati dobroy truzhenitsy [In memory of a good worker], in *Moskovskie vedomosti*, 1901, June 10, no. 157, p. 4.

12. Rachinskiy, S. *Istoriya pravoslavnoy tserkvi do nachala razdeleniya tserkvey*. Izdanie K.P. Pobedonostseva [History of the Orthodox Church until the beginning of the division of churches. Publication by K.P. Pobedonostseva], in *Novoye vremya*, 1891, December 19, no. 5679, p. 4.

13. [Solov'ev, V.S.] Epigramma Vladimira Solov'eva na K.P. Pobedonostseva [Epigram by Vladimir Solovyov on K.P. Pobedonostsev], in *Osvobozhdenie*, 1902, Dec. 19 (1903. Jan. 1), no. 13, p. 214.

14. [Solov'ev, V.S.] Epigramma V.S. Solovieva na Pobedonostseva [Epigram by V.S. Solovyov on Pobedonostsev], in *Golos minuvshogo*, 1918, no. 1/3, p. 250.

15. [Soloviev, V.S.] *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. II* [Letters of V.S. Solovyov. Vol. II]. Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1909. 368 p.

16. [Solov'ev, V.S., Trubetskoy, S.N.] Epigramma na K.P. Pobedonostseva [Epigram on K.P. Pobedonostsev], in *Golos minuvshogo*, 1918, no. 4/6, p. 48.

17. Yurina, N.G. Zhanrovyy sostav shutochnoy liriki V.S. Solov'eva [Genre composition of comic lyrics by V.S. Solovyov], in *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2014, no. 1, vol. 1, pp. 30–39.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

18. Gumerov, Sh.A. Bakhmeteva Aleksandra Nikolaevna, in *Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian writers, 1800–1917: Biographical dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1989, vol. 1, pp. 181–182.

19. Fetisenko, O.L. (ed.) *Proroki Vizantizma: Peregiska K.N. Leont'eva i T.I. Filippova (1875–1891)* [Prophets of Byzantism: Correspondence between K.N. Leontiev and T.I. Filippov]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2012. 728 p.

20. Fetisenko, O.L. (ed.) *Sverkhshmatnyy uchenik: Peregiska S.A. Rachinskogo i I.L. Leont'eva (Ivana Shcheglova) (1891–1900)* [Supernumerary disciple: Correspondence between S.A. Rachinsky and I.L. Leontiev (Ivan Shcheglov)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2024. 464 p.

21. Firsov, S.L. (ed.) *K.P. Pobedonostsev: pro et contra: Lichnost', obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' i mirovozzrenie Konstantina Pobedonostseva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya* [K.P. Pobedonostsev: pro et contra: Personality, socio-political activities and

worldview of Konstantin Pobedonostsev in the assessment of Russian thinkers and researchers. An Anthology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 1996. 576 p.

22. Nikitin, V.A. Izdaniya K.P. Pobedonostseva i ego dukhovno-prosvetitel'skaya deyatelnost' [Publications by K.P. Pobedonostsev and his work in the field of spiritual enlightenment], in *Sbornik nauchnykh trudov «Kniga v Rossii: Iz istorii dukhovnogo prosveshcheniya»* [Collection of scientific works "Book in Russia: From the history of spiritual enlightenment"]. Saint-Petersburg: BAN, 1993, pp. 139–146.

23. Peshkov, A.I. «Kto razoryaet – mal vo tsarstvii Khristovom...» [“Anyone who destroys will be the least in the Kingdom of Christ...”], in Pobedonostsev, K.P. *Sochineniya* [Works]. Saint-Petersburg: Nauka, 1996, pp. 3–33.

(Electronic Resources)

24. Pobedonostsev, K.P. (ed.) *Istoriya Pravoslavnoy Tserkvi do nachala razdeleniya tserkvey* [History of the Orthodox Church until the beginning of the division of churches]. Available at: http://az.lib.ru/p/pobedonoscev_k_p/text_1891_tz_history.shtml [Date of access: 29.11.2024].

УДК 17.023.36
ББК 87.3(2)522-685

Валентин Валентинович Балановский

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института образования и гуманитарных наук, Россия, Калининград, e-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

Антихрист-технократ: опыт интерпретации двух смертей одного персонажа

Аннотация: Несмотря на то что произведение Вл.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» хорошо изучено, фрагмент этого труда «Краткая повесть об антихристе» до сих пор вызывает определенные вопросы у интерпретаторов. Так, не до конца прояснены причины отсутствия стиливого единства частей повести. Исследователи по-разному объясняют данный факт. В связи с этим исследуются причины стиливых особенностей произведения. В свете указанной проблемы представляется целесообразным снова обратиться к тексту «Краткой повести об антихристе» и посредством метода критической интерпретации, а также исходя из презумпции добросовестности автора (Соловьева) на ее материале попытаться прояснить, является ли отсутствие стиливого единства текста результатом некоего замысла или же следствием исторических особенностей создания произведения. Выдвигается гипотеза о том, что изменение стиля, тона повествования, некоторых характеристик главного героя повести связано с тем, что, исследуя природу зла, Соловьев фактически затрагивает два аспекта одного и того же феномена, названного антихристом: в первом случае Соловьев рассматривает индивидуально-психологическое измерение зла; во втором случае Соловьев изучает социальное измерение зла. Рассматривается позиция Г.Д. Гурвича и Б.П. Вышеславцева в отношении описанного Соловьевым феномена антихриста, который определяется Вышеславцевым как власть техники или техника власти, в которой он усматривает имманентное зло индустриальной культуры. На основе анализа художественных образов повести делается предположение том, что в конце жизни Соловьев испытывал повышенный интерес к протестантизму.

Ключевые слова: феномен антихриста, технократия, протестантизм, индустриальная культура, метод критической интерпретации

Valentin Valentinovich Balanovskiy

Immanuel Kant Baltic Federal University, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Higher School of Philosophy, History and Social Science, Leading Researcher, Institute for Education and Humanities, Russia, Kaliningrad, e-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

Antichrist the technocrat: a trial of interpreting two deaths of one character

Abstract. Despite the fact that V.S. Solovyov's work "Three Conversations" is well studied, a fragment of this work "Short Story of the Anti-Christ" still raises certain questions among interpreters. Thus, the reasons for the lack of stylistic unity of the parts of the story are not fully clarified. Researchers explain

this fact in different ways. In this connection, the reasons for the stylistic peculiarities of the work are investigated. In the light of this issue, it seems appropriate to turn again to the text of “Short Story of the Anti-Christ” and through the method of critical interpretation, as well as on the basis of the presumption of the author's (Solovyov) good faith, on the material of the story to try to clarify whether the lack of stylistic unity is the result of a certain plan or a consequence of the historical features of the creation of the work. The hypothesis is put forward that the change in style, tone of narration, and some characteristics of the main character of the story is connected with the fact that, studying the nature of evil, Solovyov actually touches upon two aspects of the same phenomenon called the Antichrist: in the first case Solovyov considers the individual-psychological dimension of evil; in the second case Solovyov studies the social dimension of evil. The position of G.D. Gurvich and B.P. Vysheslavtsev with regard to the phenomenon of the Antichrist described by Solovyov. This phenomenon is defined by Vysheslavtsev as the power of technology or the technique of power, in which he sees the inherent evil of industrial culture. On the basis of analyzing the artistic images of the story, it is suggested that at the end of his life Solovyov had a keen interest in Protestantism.

Key words: phenomenon of the Antichrist, technocracy, Protestantism, industrial culture, method of critical interpretation

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.029-042

Непреходящее значение идей Вл.С. Соловьёва может быть объяснено глубоким символизмом его творчества, поскольку символы своими корнями касаются вечности, а вечность – всегда современна. Яркую ремарку о значении символизма у Соловьёва можно найти у Б.П. Вышеславцева. Он пишет, что «современная философия и психология совершенно иначе смотрят на *мифы* и *символы*: в них лежит сокровенная мудрость тысячелетий, древнее воспоминание и пророческое предвидение»¹. Примером одного из таких «древних воспоминаний», которое в то же самое время есть и «пророческое предвидение» современной нам реальности, служит «Краткая повесть об антихристе» Вл.С. Соловьёва.

В этой повести обнаруживается не только воспоминание о конце времен, каким он виделся на рубеже XIX и XX вв., не только размышление о природе зла довольно точный прогноз о судьбах современной нам Европы², но и предчувствие появления наиболее распространенных форм и методов социальной инженерии XX и XXI вв., и это в годы, когда «Психология масс»³ Г. Лебона только-только вышла из печати, а до «Восстания масс»⁴ Х. Ортеги-и-Гассета и

¹ См.: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 227 [1].

² См.: Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьёв считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 15–16 [2].

³ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Изд-во АСТ, 2016. 320 с. [3].

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с. [4].

«Массовой психологии»⁵ Б.П. Вышеславцева оставалось несколько десятков лет. Причем по законам мифа эти инструменты воздействия на людей у Соловьева персонажируются и воплощаются в сверхъестественном существе – антихристе. Точнее, в одном из двух образов антихриста, которые встречаются в «Краткой повести...».

Повод говорить о том, что у Соловьева два антихриста, дает сам текст, его стилистика, сюжетные нестыковки. Об этих особенностях «Краткой повести...» подробно пишет И.И. Евлампиев⁶. Он предполагает, что разница в отношении Соловьева к антихристу и в тоне повествования свидетельствует о том, что разные части текста писались в разное время.

Действительно, в первой части повести антихрист описывается как верующий-спиритуалист⁷ и вся история подается в духе русского экзистенциализма с примесью ницшеанского мироощущения, а во второй части – как ученый-артиллерист, да еще и капиталист⁸, и повесть превращается в антиутопию с элементами памфлета. Есть и другие признаки, которые указывают на то, что между этими частями единство задается искусственно, как бы впопыхах. Но все же, может, стоит поверить Соловьеву, который в предисловии к «Трем разговорам...» отмечает, что «Краткая повесть...» появилась не раньше, а вместе с остальными разговорами?⁹ Более того, как утверждает автор, третий разговор похож на предыдущие два по стилю, но переписан по рекомендации первых критиков. Этим, возможно, и объясняются нестыковки сюжета и перемена тона.

Вместе с тем, несмотря на нестыковки сюжета и противоречия в описании антихриста, этот образ сохраняет внутреннее единство на протяжении всей повести. В частности, эти противоречия могут быть сняты, если в качестве прототипа для персонажа с такими характеристиками, в данном случае прототипа верующего-спиритуалиста и обеспеченного ученого-артиллериста, рассмотреть Л.Н. Толстого – ученого мужа, обеспеченного дворянина, служившего артиллеристом во время Крымской войны¹⁰, духовного лидера, против философии ненасилия которого во многом и направлены «Три разговора...». Личность, безусловно, противоречивая, но тем не менее реально существовавшая.

---

⁵ Vyschslavzeff B. The Problem of the Mass Movement and the Mass Psychology, of the Organisation and Education of the Masses, viewed from the Christian Standpoint // Boris Petrovich Vysheslavtsev Papers 1920–1954, Box 5. Bakhmeteff Archive, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York [5].

⁶ См.: Евлампиев И.И. Загадка «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 3(27). С. 12–30 [6].

⁷ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 740 [7].

⁸ Там же. С. 745.

⁹ Там же. С. 741.

¹⁰ Там же. С. 788.

Есть и другие качества, которые говорят о преемственности двух образов. Например, первый антихрист рассуждает следующим образом: «Я дам всем людям все, что нужно. Христос, как моралист, разделял людей добром и злом, я соединю их благами, которые одинаково нужны и добрым, и злым» [7, с. 741]. Здесь мы видим отсылку к принципам социализма и другим теориям, которые субстанцией социального считали экономику. Второй антихрист на деле воплощает замысел первого и делает так, чтобы «всякий стал получать по своим способностям и всякая способность – по своим трудам и заслугам»¹¹. Спустя десятилетия этот принцип почти дословно войдет в ст. 12 Конституции СССР: «в СССР осуществляется принцип социализма: “от каждого по его способности, каждому – по его труду”»¹².

Если признать, что «Краткая повесть...» – это единый текст, тогда возникает вопрос: в чем заключается причина разного способа репрезентации антихриста в разных частях повести? Одним из вероятных ответов на этот вопрос будет предположение, что изменение тона повествования продиктовано изменением самого предмета, о котором ведется речь в тексте. Таким образом, можно заключить, что антихрист из первой части текста (до попытки суицида) и из второй части (после сатанинского во-одушевления) – это один и тот же антихрист, символ реального зла, но рассмотренный в разных отношениях. Причем верующий-спиритуалист фактически погибает в момент суицида, а на его место заступает ученый-артиллерист.

Первый антихрист соответствует типу молодого интеллектуала конца XIX в., сочувствующего и нищезанятости концепции сверхчеловека, и идее насилия. Этому персонажу близок по духу князь из «Трех разговоров...», чем-то похожий на тургеневского Базарова, если бы тот в результате нигилистического пересмотра пришел бы к вере «вертидырников»¹³, или толстовцев. Первого антихриста по-библейски точно можно охарактеризовать как горделивого праведника¹⁴, по сути – фарисея нашего времени. Он заражен идеей прогресса и эгоистически полагает, что является его двигателем. Однако здесь следует пояснить, о каком именно прогрессе идет речь.

¹¹ См.: Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 746.

¹² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283 от 06.12.1936 [8].

¹³ Показательно, что Соловьёв начинает «Три разговора...» с рассуждений о последствиях стремления к максимальному упрощению религиозных представлений и практик, а также к построению «царства Божия на земле» и при этом в качестве иллюстрации приводит сообщения о вероучении «вертидырников», или «дыромоляев» (см.: Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 636–637).

¹⁴ Там же. С. 742.

Соловьев, будучи сторонником философского эволюционизма, полагал, что идея прогресса составляет сущность христианства. Для него прогресс заключается в постепенном приближении к совершенству, истине, Богу, к полноте «естественной человеческой жизни, соединяемой чрез Христа с полнотою Божества»¹⁵. Это стремление выражается в концепции царствия Божия, которое Соловьев определяет и как цель, и как эволюционный процесс, отмечая, что царствие Божие суть «совершенное в вечной божественной идее («на небесах»), потенциально присущее нашей природе» и «вместе с тем нечто, совершаемое для нас и чрез нас»¹⁶. Подчеркивая активное участие человека в приближении к высшей цели, Соловьев изобретает особую формулу прогресса – «спасающий спасется»¹⁷, в чем можно усмотреть явную отсылку к Спасителю как к Пути. При этом прогресс и традиция могут и должны находиться в органическом единстве, поэтому главная задача человека – «идти вперед, взяв на себя всю тяжесть старины»¹⁸. Но в этой ли парадигме пребывает антихрист?

Антихрист мнит себя Христом окончательным, совершенным. Как понимать такое самоопределение или самопредопределение? Как понять, что есть Христос окончательный и предварительный?¹⁹ Вероятнее всего, так, что в картине мира антихриста прогресс первее Христа, поэтому последний изменчив, раз его можно усовершенствовать. Но это явно противоречит символу веры. В этом суть дурного прогресса, сторонники которого, отрицая ценность традиции, пытаются улучшить совершенное, продлить жизнь вечному, распространить повсюду вездесущее.

Таким образом, разница прогресса благого и дурного заключается в том, что первый понимается как стремление к совершенству, второй – как преодоление совершенства, поскольку совершенство Христа «предварительного» оспаривается антихристом и воспринимается им лишь как некий этап на пути без конечной точки. Для Соловьева лишенный божественной цели и исключаящий действие высшей силы эволюционизм лишает жизни саму идею прогресса²⁰. Губительность этой идеи в какой-то мере находит выражение в том, что Соловьев буквально лишает жизни антихриста ровно в тот самый момент, когда прораствание идеи бесцельного прогресса в уме последнего достигает апогея, когда Христос исторический окончательно перестал быть для антихри-

---

¹⁵ См.: Соловьев В.С. О подделках // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 308–309 [9].

¹⁶ Там же. С. 309

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Тайна прогресса // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 557 [10].

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 741.

²⁰ См.: Соловьев В.С. О подделках. С. 313

ста Путем и Истиной, поскольку «сгнил в гробнице», «не воскрес»²¹, а значит, несовершенен.

Бесцельность и беспредметность становятся принципами, определяющими мысли и поступки антихриста в первой условно выделяемой части «Краткой повести...». В том числе, это выражается в его альтернативной концепции суда в конце времен. Антихрист размышляет следующим образом: «...суд мой будет не судом правды только, а судом милости. Будет и правда в моем суде, но не правда воздаятельная, а правда распределительная. Я всех различу и каждому дам то, что ему нужно» [7, с. 741]. Вместе с тем, несмотря на то, что антихрист толкует о различии каждого и воздаянии по потребностям, на поверку оказывается, что в конечном итоге он, в отличие от Христа, не будет никого и ничто разделять, а соединит всех – и добрых, и злых – благами²². Тем самым антихрист фактически планирует уравнивать добродетель и ее противоположность.

В антихристовой «правде распределительной»²³ угадывается отсылка к концепции распределяющей справедливости Канта²⁴ – справедливости в силу писаного закона, а не в силу универсального принципа нравственности. Но что это за закон, на основании которого антихрист желает творить свой суд милости, соединяя благами и добрых, и злых²⁵, а значит, не проводя между ними различия? Как он может дать то, что нужно каждому, если в распределяющем правосудии нельзя добиться равенства всех сторон, так как закон – это грань, которая разделяет правомерное и неправомерное, жертву и преступника, истца и ответчика. Кроме того, распределительной правдой зачастую недовольна ни одна сторона тяжбы – обвинителю кажется, что приговор слишком мягок, подсудимому – что слишком суров.

Возможное условие, при котором эта грань между добрыми и злыми исчезает, состоит в том, чтобы существовал только один закон – все равны. Нечто похожее на подобную манифестацию блага равной (не)значимости всего существующего можно встретить в буддизме. В связи с этим неслучайно в «Краткой повести...» ближайший сподвижник антихриста – великий чудодей – появляется из стана необуддистов²⁶. Здесь следует вспомнить главную претензию Соловьева к новым религиозным, с его точки зрения, псевдохристианским течениям – он их корит за христианство без Христа, за *беспредметную веру*²⁷, за выхолощенный формализм в разговоре с Богом.

---

²¹ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 742.

²² Там же. С. 741.

²³ Там же.

²⁴ См.: Кант И. Метафизика нравов // Кант. И. Соч. в 8 т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. С. 328 [11].

²⁵ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 741.

²⁶ Там же. С. 747.

²⁷ Там же. С. 637.

Формализм в философской системе Соловьева нередко сопровождается негативной коннотацией. Например, в гносеологии он противопоставляет формальную логику органической, механическое мышление – органическому²⁸, подлинную эволюцию – односторонне-механистической²⁹. В «Трех разговорах...» мы видим, как это отношение к формализму находит свое выражение в попытках ответить на вопрос: что есть зло? Реально ли зло? И выясняется, что оно для Соловьева вполне реально и имеет вид беспредметной веры, веры в благую весть, «без того *блага*, о котором стоило бы возвещать»³⁰, то есть без царствия Божия, весть о котором распространяет Спаситель³¹. В контексте такого видения беспредметной веры показательна риторика политика из «Трех разговоров...», у которого квинтэссенцией морали является вежливость³², и понимание блага у него сводится к множеству употребляемых им без всякой привязки к сути вопроса однокоренных слов – «благоумолчание», «благозабвение», «благоглаголание», «благорастворение»³³, а казенное христианство для него – «благоглаголание благопотребное»³⁴. Как тут не вспомнить второго антихриста, одна из главных целей которого – благоденствие, без которого никакой мир не красен³⁵.

Проблема беспредметной веры заключается в том, что она ничего не прибавляет ни в деле обретения истины, ни – если вспомнить, что концепция Соловьева является онтогносеологизмом – самому бытию. В философской системе Соловьева вера является первейшим актом сверхличного вдохновения³⁶, позволяющим индивиду прорваться из кокона своего эгоизма и беспредметного мышления к познанию мира вне его сознания, в конечном итоге – к самой истине³⁷. Без веры в саму возможность познания, в наличие предмета познания – действительно пребывающего, а не кажущегося – распадается бытие.

Переход от повествования о первом антихристе к рассказу о втором происходит в момент псевдовоскрешения или рождения обновленного антихриста, якобы спасенного от гибели сатанинским духом, который наставляет своего

---

²⁸ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 60–61, 91 [12].

²⁹ См.: Соловьев В.С. О подделках. С. 313.

³⁰ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 637.

³¹ См.: Соловьев В.С. О подделках. С. 308

³² См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 669.

³³ Там же. С. 649.

³⁴ Там же. С. 709.

³⁵ Там же. С. 746.

³⁶ См.: Соловьев В.С. Теоретическая философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 822 [13].

³⁷ Подробнее о роли веры в гносеологии Соловьева см.: Балановский В.В. Гносеология Владимира Соловьева как проявление особого типа рациональности // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 2(30). С. 125–126 [14].

сотворенного сына в ключе современной гуманистической педагогики: «Я ничего от тебя не требую, и я помогу тебе. Ради тебя самого, ради твоего собственного достоинства и превосходства и ради моей чистой, бескорыстной любви к тебе – я помогу тебе» [7, с. 743].

В процессе псевдовоскрешения распавшаяся личность верующего-спиритуалиста замещается личностью ученого-артиллериста, обладающего сверхъестественными способностями. Он создается в красоте и силе³⁸, с помощью которых обретает невиданную популярность и господство в мире сем. В этом описании можно усмотреть важную перемену, отличающую первого антихриста от второго. Соловьев делает акцент на сотворение в *красоте* и *силе*, в чем читается указание на неполноценность этого сверхъестественного существа, потому что в такой характеристике видится отступление от формулы подлинного блага, которое суть триединство добра, истины и красоты.

Другое указание на нечеловеческую и нехристианскую природу антихриста можно увидеть в развязке повести, где он со своей армией приспешников бесследно исчезает в жерле вулкана. Полное исчезновение во время страшного суда может свидетельствовать либо о том, что Соловьев был сторонником концепции воскресения в конце времен только лишь праведников, либо о том, что антихрист и его клика вообще не были людьми – ни праведниками, ни грешниками. Поэтому, когда подлинный Христос вернулся и мертвые воскресли³⁹, ученый-артиллерист не воскрес даже для того, чтобы предстать перед судом и быть обреченным на вечные муки. Если второй антихрист не был человеком, то кем же или, вернее, чем же он был?

Ответ на этот вопрос дают следующие поколения русских мыслителей, которые застали первые очевидные проявления грядущего антихриста. Особый интерес здесь представляет гипотеза Г.Д. Гурвича⁴⁰, поддержанная и развитая Вышеславцевым⁴¹. Первый предположил, что Соловьев в «Краткой повести...» описал будущую *технократическую тенденцию* индустриализма. Вышеславцев же напрямую называет антихриста технократом. Он пишет, что «антихрист Соловьева есть подлинный “технократ”, т.е. техник и властитель, он есть инженер-чудодей, поражающий мир техническими чудесами, и вместе с тем отец народов, властитель, вождь и гений во всех областях» [1, с. 226].

Причем технократы – это не только представители определенного рода деятельности, или, как их характеризовал Гурвич, класса⁴², – «директора про-

³⁸ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 743.

³⁹ Там же. С. 761.

⁴⁰ См.: Industrialisation et technocratie / Sous la dir. de G. Gurvitch. Paris: Librairie Armand Colin, 1949. P. 180 [15].

⁴¹ См.: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры... С. 226.

⁴² См.: Гурвич Ж. Диалектика и социология. Краснодар: Кубанский государственный университет; НИЦ «Регион-Юг», 2001. С. 170 [16].

изводства, инженеры, начальники мастерских, коммерческие и финансовые директора, бюрократы государственных учреждений, планификаторы, директора и секретари синдикатов, профессиональные военные, профессиональные политики и даже (в качестве специалистов и экспертов) ученые и профессора»⁴³. Технократы – это в большей степени не сами люди, а некие управленческие функции, инфраструктура, с помощью которой воплощается технократическая тенденция. Последнюю Вышеславцев характеризует как имманентное зло индустриализма⁴⁴. Сущность этого зла заключается «не в индустрии, а в «индустриализме», не в технике, а в «технократии», т.е. в абсолютной власти индустриально-технического аппарата над всей жизнью человека»⁴⁵. Если следовать формуле Вышеславцева, согласно которой «технократия есть техника власти и власть техники»⁴⁶, то выходит, что Соловьев за полвека до М. Хайдеггера озвучивает проблемы, о которых говорится в «Вопросе о технике»⁴⁷.

Притягательность технократической тенденции обуславливается тем, что технократия представляется ее сторонникам чем-то морально-нейтральным, совершенно далеким от этических проблем прошлого и современности. Потому что техника – это якобы всего лишь инструмент, а значение имеет только цель, для которой он используется. Отсюда всеядность идеологии технократа-антихриста. Соловьев отдельно подчеркивает, что ученому-артиллеристу важно быть принятым, поэтому он стремится быть приятным для всех⁴⁸. Причем лично приятным. Сегодня эта устремленность проявляется в многочисленных технологиях развития личного бренда, которыми антихрист Соловьева владел в совершенстве. В этом стремлении раскрывается и красота, и сила второго антихриста, в которых он сотворен своим создателем.

Главная сила антихриста состоит в его способности к тотальному синтезу. Казалось бы, такая устремленность вполне согласуется с духом русской философии, и ее можно было бы принять за благо или отнестись к ней нейтрально. На первый взгляд в этом с трудом угадывается вселенское имманентное зло. Однако у Соловьева синтез бывает не только благим и желанным, но и «злым».

Одно дело – синтез всеучастия, торжество всеобъемлющей братской и сестринской любви, другое дело – синтез безразличия, формальная эклектика. В качестве примера можно привести пересказанные Соловьевым положения

---

⁴³ См.: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм. С. 221.

⁴⁴ Там же. С. 213.

⁴⁵ Там же. С. 214.

⁴⁶ Там же. С. 221.

⁴⁷ Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 7. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000. S. 5–36 [17].

⁴⁸ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 744.

манифеста антихриста⁴⁹. Содержание этого труда представляется набором неконкретных противоречивых тезисов. Поэтому предлагаемый ученым-артиллеристом путь находит положительный отклик в умах людей, которым, чтобы принять точку зрения антихриста, не нужно жертвовать узостью своего мировоззрения⁵⁰, – если не воспринимать текст целостно, то каждый найдет в нем что-то, с чем индивид готов согласиться.

Эмоциональным «клеем», который придает прочность формально-эклетическому синтезу антихриста является *снисходительность*. В «Краткой повести...» мы не встретим положительной коннотации у этого понятия. Это становится очевидным, если вспомнить, что мать антихриста Соловьев называет особой «снисходительного поведения»⁵¹, в силу чего отец антихриста неизвестен.

Снисходительность – добродетель горделивого праведника, в то время как подлинный праведник исполнен милосердия. Снисходительность просвещивается в главной цели антихриста – не судить никого строго, воздать каждому то, в чем он нуждается, объединить все религии под своим началом, причем сделать это сиюминутно одним лишь воззванием «я такой же истинный православный и истинный евангелист, каков я истинный католик»⁵². Кроме того, мы узнаем об антихристе, что он сердобольный филантроп и философ⁵³, как бы сегодня сказали, зооактивист. Последняя характеристика оказалась крайне пронищательной. Сегодня мы видим, как популярность набирает имеющая остро критическую направленность по отношению к христианству философия известного современного философа П. Сингера, чью книгу «Освобождение животных»⁵⁴ можно считать «"библией" современного движения зоозащитников»⁵⁵.

Вместе с тем снисходительное безразличие, технократический подход ко всем сферам жизни человека и общества подобны нарастающей энтропии, которая приводит к коллапсу замкнутой системы, такой как общество при воцарении антихриста. По фабуле Соловьева последним очагом сопротивления этому равновесному состоянию духа стала кучка истинных хирстиан. Среди них особый интерес представляет лидер протестантов профессор Паули. Возможно, в этом образе можно отыскать ответ на вопрос, к какой в итоге точке

---

⁴⁹ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 743.

⁵⁰ Там же. С. 744.

⁵¹ Там же. С. 745.

⁵² Там же. С. 757.

⁵³ Там же. С. 746.

⁵⁴ См.: Singer P. Animal Liberation: The Definitive Classic of the Animal Movement. New York: Ecco, 2002. 324+xxxiii p. [18].

⁵⁵ См.: Коростиченко Е.И. Христианский взгляд на обращение с животными: критика П. Сингера // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 104. С. 47 [19].

зрения в деле установления свободной теократии тяготел Соловьев незадолго до смерти.

Дело в том, что из трех лидеров христианских конфессий именно Паули догадывается о том, что начинает сбываться пророчество о конце времен. Он не совершает спонтанных поступков, дает всему идти своим чередом в руки Спасителя, в чем видится проведение в жизнь концепции предопределения, которая, по мнению некоторых исследователей, является ключом к пониманию «Трех разговоров...» и взглядов позднего Соловьева⁵⁶. Следуя своей вере, Паули постановляет до развязки удалиться в пустыню, а в третьей части повести, пересказанной от лица г [-на] Z, преображается в апостола Павла, ведущего праведников вместе с Христом, Иоанном и Петром.

Уход Паули в пустыню заставляет вспомнить другого персонажа «Трех разговоров...» – отца Варсонофия. Этого старца Оптиной пустыни в миру звали Павлом Ивановичем Плиханковым⁵⁷. В тексте Соловьева Павел-Варсонофий показан как христианский праведник, не потерявший связь с миром дольным, дающий утешение живым и ведущий их ко спасению. Все это позволяет сделать допущение, что образ Павла, предстающий в «Трех разговорах...» трижды – сначала как Варсонофий, потом – как профессор Паули и в конце как апостол Павел, является сквозным для всего произведения. Из этого можно заключить, что в своих поисках основы для всехристианского органического синтеза в конце жизни Соловьев с особым вниманием относился к протестантизму.

Подытоживая сказанное, отметим, что антихрист Соловьева, несмотря на разницу в описании этого персонажа и его деяний, во многом остается одним и тем же феноменом, рассмотренным с двух точек зрения – индивидуально-психологической и социальной. В случае верующего-спиритуалиста прототипом антихриста мог служить молодой интеллеktуал, живущий на рубеже XIX и XX вв., зараженный беспредметной верой, прогрессивизмом и эгоизмом. В случае ученого-артиллериста в образе антихриста представлен некий социальный феномен – олицетворение технократической тенденции, которая под личиной нейтрального по отношению ко всему инструмента привела к катастрофам XX и XXI вв. В обоих антихристах Соловьев передает одно и то же объективно живущее в мире зло, которое вместе с тем не является непобедимым, поэтому «Три разговора...» никак нельзя назвать апофеозом историософского пессимизма⁵⁸. Наоборот, и в готовности Соловьева встать на точку зре-

---

⁵⁶ См.: Евлампиев И.И. Загадка «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева. С. 15.

⁵⁷ См.: Житие Преподобного Оптинского старца Варсонофия // Преподобный Варсонофий Оптинский: Духовное наследие. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 3 [20].

⁵⁸ См.: Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 51 [21].

ния героев своего произведения, и в развязке «Краткой повести...» читается не просто надежда на исправление мира, а твердая уверенность.

Вполне возможно, что образ антихриста-технократа, укорененный в душах христианских народов, послужил причиной какой-то сакральной ненависти к тем чудодеям, которых сегодня называют «эффективными менеджерами». Видимо, потому что бессодержательный менеджмент расчеловечивает даже сильных духом.

Список литературы

1. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 285 с.
2. Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьёв считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 7–19.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Изд-во АСТ, 2016. 320 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
5. Vyscheslavtzeff B. The Problem of the Mass Movement and the Mass Psychology, of the Organisation and Education of the Masses, viewed from the Christian Standpoint // Boris Petrovich Vysheslavtsev Papers 1920–1954, Box 5. Bakhmeteff Archive, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.
6. Евлампиев И.И. Загадка «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 3(27). С. 12–30.
7. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283 от 06.12.1936.
9. Соловьёв В.С. О подделках // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 305–316.
10. Соловьёв В.С. Тайна прогресса // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 556–557.
11. Кант И. Метафизика нравов // Кант. И. Соч. в 8 т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. С. 223–543.
12. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 3–172.
13. Соловьёв В.С. Теоретическая философия // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 757–831.
14. Балановский В.В. Гносеология Владимира Соловьёва как проявление особого типа рациональности // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 2(30). С. 117–134.
15. Industrialisation et technocratie / Sous la dir. de G. Gurvitch. Paris: Librairie Armand Colin, 1949. 214 p.
16. Гурвич Ж. Диалектика и социология. Краснодар: Кубанский государственный университет; НИЦ «Регион-Юг», 2001. 295 с.
17. Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 7. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000. S. 5–36.
18. Singer P. Animal Liberation: The Definitive Classic of the Animal Movement. New York: Ecco, 2002. 324+xxxiii p.

19. Коростиченко Е.И. Христианский взгляд на обращение с животными: критика П. Сингера // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 104. С. 46–67.

20. Житие Преподобного Оптинского старца Варсонофия // Преподобный Варсонофий Оптинский: Духовное наследие. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 3–7.

21. Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 50–82.

References

(Sources)

Collected Works

1. Heidegger, M. Die Frage nach der Technik, in Heidegger, M. Gesamtausgabe, Band 7. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000, pp. 5–36.

2. Kant, I. Metafizika nravov [Metaphysics of Morals], in Kant, I. *Sochineniya v 8 t., t. 6* [Writings in 8 vols., vol. 6]. Moscow: ChORO, 1994, pp. 223–543.

3. Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utverzhdena Postanovleniem Chrezvychaynogo VIII S'ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR of 05.12.1936)], in *Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. No. 283, 06.12.1936.

4. Solov'ev, V.S. Teoreticheskaya filosofiya [Theoretical Philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Writings in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 757–831.

5. Solov'ev, V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Reading about the God-Man], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Writings in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 3–172.

6. Solov'ev, V.S. O poddelkakh [About counterfeits], in *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Writings in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 305–316.

7. Solov'ev, V.S. Tayna progressa [The Secrete of the Progress], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Writings in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 556–557.

8. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii [Tree Conversations about War, Progress, and the End of History], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Writings in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 635–762.

Individual Works

9. Gurvitch, G. *Dialektika i sotsiologiya* [Dialectic and Sociology]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet; NITs «Region-Yug», 2001. 295 p.

10. Le Bon, G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of Nations and Masses]. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2016. 320 p.

11. Ortega y Gasset, J. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow: AST, 2002. 509 p.

12. Singer, P. *Animal Liberation: The Definitive Classic of the Animal Movement*. New York: Ecco, 2002. 324+xxxiii p.

13. Vyscheslavzeff, B. The Problem of the Mass Movement and the Mass Psychology, of the Organisation and Education of the Masses, viewed from the Christian Standpoint, in: Boris Petrovich Vysheslavtsev Papers 1920–1954, Box 5. Bakhmeteff Archive, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

14. Vysheslavtsev, B.P. *Krizis industrial'noy kul'tury: marksizm, neosotsializm, neoliberalizm* [Crisis of Industrial Culture: Marxism, Neosocialism, Neoliberalism]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2017. 285 p.

15. Zhitie Prepodobnogo Optinskogo startsa Varsonofiya [Life of the Venerable Optina Elder Barsonophy], in *Prepodobnyy Varsonofiy Optinskiy: Dukhovnoe nasledie*. Sergiev Posad: Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2005, pp. 3–7.

(Articles from Scientific Journals)

16. Balanovskiy, V.V. Gnoseologiya Vladimira Solov'eva kak proyavlenie osobogo tipa ratsional'nosti [Vladimir Solovyov's Gnoseology as a manifestation of a special type of rationality], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2011, issue 2(30), pp. 117–134.

17. Evlampiev, I.I. Zagadka «Kratkoy povesti ob antikhriste» Vl. Solov'eva [A mystery of V. Solovyov's «Short Tale of Anti-Christ»], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 3(27), pp. 12–30.

18. Gacheva, A.G. Filologiya na sluzhbe filosofii: Opyt analiza «Treh razgovorov» Vladimira Solov'eva [Philology in the service of philosophy: The experience of analyzing Vladimir Solovyov's «Three Conversations»], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 2(26), pp. 50–82.

19. Korostichenko, E.I. Khristianskiy vzglyad na obrashchenie s zhyvotnymi: kritika P. Singera [Christian view on treating animals: Theological criticism of P. Singer], in *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2022, no. 104, pp. 46–67.

20. Mezhev, B.V. «On videl osobuyu missiyu russkogo naroda» [He saw the special mission of Russian people], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 1(81), pp. 7–19.

(Monographs)

21. Gurvitch, G (ed.) *Industrialisation et technocratie*. Paris: Librairie Armand Colin, 1949. 214 p.

УДК 27:821.161
ББК 87.3(2)522-685

Наталья Юрьевна Грякалова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: natura3@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6003-3475>

«...сама по себе»: Поликсена Соловьева и «соловьевство»

Аннотация. Представлен литературный портрет писательницы Поликсены Соловьевой (Allegro) (1867–1924), младшей сестры знаменитого философа, в контексте рецепции наследия В.С. Соловьева в творчестве «младших» символистов и деятелей «неохристианского» движения. Отдельное внимание уделено повести «Небывалая» (1912 г.), которая является поздней полемической репликой на софиологию Соловьева и его религиозно-эротическую утопию с позиций модернистского жизнотворчества и саморефлексии. Подчеркнуто, что интерес к творчеству писательницы актуализировался на рубеже XX–XXI веков на волне популярности гендерной теории и феминистских концепций, когда важное место заняли исследования феноменов женского авторства и женского письма. Рассматриваются обстоятельства, связанные с выступлениями Соловьевой в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе, посвященными памяти философа: реакция ближайшего окружения, медийное освещение. Впервые публикуется полный текст доклада «Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве», с которым она выступила на собрании Религиозно-философского общества 19 января 1913 г. В научный оборот вводятся и другие архивные материалы, что позволяет восполнить существующие лакуны в творческой и личной биографии писательницы.

Ключевые слова: «младшие» символисты, модернистское жизнотворчество, рецепция творческого наследия В.С. Соловьева, религиозно-эротическая утопия, Санкт-Петербургское Религиозно-философское общество

Nataliya Jur'evna Gryakalova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: natura3@yandex.ru

“...by myself”: Poliksena Solovyova and “solovyevism”

Abstract. The article is devoted to the poetess and writer Poliksena Solovyova (Allegro) (1867–1924), the younger sister of the famous philosopher. Her literary portrait is presented in the context of the reception of V.S. Solovyov’s legacy by the “younger” generation of symbolists and the circle of figures of the “neo-christian” movement. Special attention is paid to Solovyova’s story “Unprecedented” (1912), which is, as shown in the article, a late polemical response to Solovyov’s sophiology and his religious and erotic utopia from the standpoint of modernist life-creation and self-reflection. It is emphasized that interest in the writer’s work was actualized at the turn of the 20th and 21st centuries on the wave of popularity of gender theory and feminist concepts, when an important place was occupied by studies of the phenomena of female authorship and women’s writing. The article examines the circumstances surrounding Solovyova’s speeches at the St. Petersburg Religious and Philosophical Society, dedicated to

the memory of the philosopher: the reaction of her immediate circle, media coverage. For the first time, the full text of the report “A Few Words about My Brother Vl. Solovyov”, which she delivered at a meeting of the Religious and Philosophical Society on January 19, 1913, is published. The author of the article also introduces other archival materials into scientific circulation, which fills the existing gaps in the writer’s creative and personal biography.

Key words: “younger” symbolists, modernist life-creation, reception of V.S. Solovyov’s creative heritage, religious and erotic utopia, Religious and Philosophical Society in Saint-Petersburg

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.043-056

16 августа 1924 года после длительной болезни и перенесенной тяжелой операции в московской больнице в возрасте 57 лет скончалась Поликсена Сергеевна Соловьева, самая младшая представительница многочисленной и одаренной талантами семьи историка С.М. Соловьева. И хотя в восприятии современников она была заслонена тенью своего знаменитого брата-философа, ей удалось не затеряться в многолюдье эпохи Серебряного века, более того – стать заметной фигурой литературной жизни Петербурга 1900–1910-х годов. Выступавшая в печати под псевдонимами Allegro и Алексей Меньшов, автор нескольких поэтических сборников и книги рассказов, переводчица, художник-график, детская писательница, издательница (совместно с Н.И. Манасеиной) первого художественного журнала для детей «Тропинка», Поликсена Соловьева внесла существенную лепту в развитие той «платонической» линии русской поэзии и прозы, по преимуществу символистской, которая напрямую восходит к метафизике В.С. Соловьева². Сходство со старшим братом во внешности, манере поведения, специфическом чувстве юмора (способность «неостро “острить”») – «общее место» словесных портретов Поликсены Соловьевой, воссозданных мемуаристами³. «По-соловьёвски страстная, скрытная – и прямая, она была религиозна как-то... непоколебимо и точно

² Подробную литературную биографию П.С. Соловьевой см.: Глебов Ю.И., Сапожков С.В. Соловьева Поликсена Сергеевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 759–762 [1]; см. также: Купченко В. «И где слагала стих Allegro...»: Крымские годы Поликсены Соловьевой // Крымский альбом: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия; М.: Коктебель, 1996. Вып. 1. С. 218–226 [2]; о Соловьевой как художнике-графике см.: Шапошников М.Б. Кочевники красоты. М.: Бослен, 2016. С. 37–71 [3].

³ См., например: Соловьёв С. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 71–73 [4]; Гиппиус З. Поликсена Соловьева // Гиппиус З. Собр. соч.: в 15 т. М.: Изд. «Дмитрий Сечин», 2012. Т. 13. С. 408–416 [5]; Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. История одной жизни / пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. С. 142 [6]. Подчеркнуто шаржированный портрет Поликсены Соловьевой (Сены) дан Андреем Белым (см.: Белый Андрей. Начало века. М.: Худож. лит., 1990. С. 150–154 [7]). Ср. эпиграмму Н.М. Минского, адресованную журналу «Вестник Европы», начало сотрудничества в котором Соловьевой (1900 г.) совпало со смертью философа: «Устроил с Богом ты невыгодную мену, / Владимира отдав и взявши Поликсену» (см.: Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л.: Сов. писатель, 1988. С. 457 [8]).

насквозь. Никогда о религиозных вопросах не говорила; даже о брате Владимире с этой стороны, – замечает, например, З. Гиппиус. – <...> У нее был тонкий литературный вкус и способность к легкому стихосложению... Владимир тоже обладал этой способностью. ...между ними было немало черт сходства, – полувнешних, у Поликсены смягченных: в склонности к юмору, к постоянным островам (хотя бы неудачным), даже громкий смех Поликсены чуть-чуть напоминал братнин» [5, с. 414, 415]⁴. С.М. Соловьев, племянник философа, его биограф и историограф соловьевского рода в нескольких поколениях, запечатлел более проникновенный образ «тети Сень»: «Во многом и существенном она более других членов семьи напоминала Владимира Соловьева: мужественным, мажорным характером, смехом, остроумием, каламбурами, а главное, проходящей сквозь все ее творчество верой, что "все, кружась, исчезает во мгле, неподвижно лишь солнце любви"» [10, с. 42]⁵.

Для «младших» символистов, к кругу которых в ранней юности принадлежал и будущий биограф философа, было значимо не столько кровное, сколько духовное родство Соловьевой с тем, кого они чтили как поэта-теурга, провозвестника грядущего преображения мира. Свою рецензию на второй поэтический сборник Аллегро «Иней» (1905 г.)⁶, претендующую на мистическую проникновенность, А. Блок завершал цитатой из «программного» для «соловьевцев» стихотворения «старшего» поэта «Июньская ночь на Сайме» (1896 г.), придавая преемству «по духу» медиумический смысл:

Знаю, – в утро осеннее, бледное,
Знаю, – в зимний закат ледяной
Прозвучит это слово победное
И его повторишь ты за мной! [11, с. 159]

На литературную родословную поэтессы, ее органичное «соловьевство» обратит внимание и Вяч. Иванов: он отметит «семейное сходство с музой Владимира Соловьева», правда, поначалу эта особенность оценивалась им скорее

---

⁴ Ср. автобиографическое свидетельство самой Соловьевой (1916 г.): «Вся моя семья была очень религиозна, начиная с отца. Религиозность матери моей была глубокая, горячая и жизненная... <...> Мои немногие разговоры с братом Владимиром, в которых вопрос шел о религии, производили на меня глубокое впечатление и запоминались навсегда. Чувствовалось ясно, что говоришь с человеком, не *верующим* только, но *знающим*» (см.: Соловьева П. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 503 [9]).

⁵ В «Воспоминаниях» (см. примеч. 2), написанных уже после смерти Поликсены, С.М. Соловьев усилил критические ноты в ее характеристике.

⁶ Всего у Соловьевой вышло в свет пять стихотворных сборников: «Стихотворения: С виньетками авт.» (СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1899); «Иней: Рисунки и стихи» (СПб.: Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1905); «Плакун-трава» (СПб.: [Б.и.], 1909); «Вечер» (СПб.: Тропинка, 1914); «Последние стихи: Рис. Н. Ушаковой» ([М.]: Госиздат, 1923) и повесть в стихах «Перекресток» (СПб.: Кн-во «Тропинка», 1913).

негативно, как «литературность» и «старомодность»⁷. Данный тезис будет впоследствии развит теоретиком реалистического символизма уже в иной тональности, с вниманием к рецепции соловьевского наследия – литературного, философского, духовного. В апологетической статье «Поликсена Соловьева (Allegro) в песне и думе» (1916 г.), образце художественного анализа творчества поэтессы с символистских позиций, «соприродность лирического самочувствия» поэта-философа и его младшей сестры критик концептуализировал следующим образом: «... отчетливое различие в переживаемом преходящего и сущего, в личности – “души” и “духа”, созерцание жизни, как “горного пути”, сознание своей “неизменности” в деле духовного восхождения, при изначальной решимости идти ввысь, невзирая на смертельную усталость, – исповедание единой неколебимой веры-верности, эротический пафос столь же неуклонной, как эта вера, любви и, наконец, платоническое углубление последней, ее возрастание из психологической сферы в онтологическую...» [13, с. 509]. Адепту «нового Эроса» близка «лирическая проповедь» теургической цели любовного союза, как и жизнотворческая установка Поликсены Соловьевой на «преображение личной любви в гранях личной жизни»⁸, в чем, опять-таки, видится унаследованная связь с воззрениями философа, с его учением о «смысле любви». Наиболее убедительную иллюстрацию этого сродства мирозерцаний критик находил в повести «Небывалая», оценивая ее в ряду достижений русской прозы.

Прозу Поликсены Соловьевой – корпус ее невелик: повесть и пять рассказов⁹ – отличает удивительная «однострунность». Автор, выступая под мужской или гендерно нейтральной повествовательной маской и тем самым моделируя свой «пограничный» статус как субъекта повествования, развивает одну единственную тему – «любви небывалой», ее «тайной правды». Неосуществимость «третьего пути» в любви в границах соловьевской метафизики – центр идеологической концепции повести «Небывалая», заглавие которой манифестирует символистскую устремленность к тому, «чего нет на свете». Повесть является поздней полемической репликой на софиологию Соловьева, уже с позиций модернистского жизнотворчества и саморефлексии, беллетризацией ее

⁷ Рецензия на сборник «Иней», настойчиво предлагавшаяся журналу «Весы», в нем так и не появилась, поскольку был опубликован отзыв В. Брюсова, более критичный (Весы. 1905, № 8); впервые: Обатнин Г.В. Заметки комментатора // Новое литературное обозрение. 1994. № 10 (Историко-литературная серия. Вып. 1: Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / сост. Н.В. Котрелев). С. 293 [12].

⁸ См.: Иванов Вяч. Поликсена Соловьева (Allegro) в песне и думе // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 2004. С. 506 [13].

⁹ Соловьева П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. СПб.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1912 [14]. Рассказы ранее печатались в символистской периодике, повесть, работа над которой была начата в 1903 г., публиковалась впервые в письме к А.М. Калмыковой от 21 апреля 1912 г. Соловьева подчеркивала «выношенность» повести, кровную, «материнскую» связь с ней: «“Небывалая” выношена мною не девять месяцев, а девять лет, и я не могу отделить себя от нее» (см.: Соловьева П.С. Письма к А.М. Калмыковой // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 13 об.–14 [15]).

отдельных положений с проекцией на религиозно-эротическую утопию философа в целом¹⁰. Обратим внимание, что интерес к творчеству Поликсены Соловьевой актуализировался на рубеже XX–XXI веков. В те годы на волне популярности гендерной теории и феминистских концепций важное место заняли исследования феноменов женского авторства и женского письма, а также механизмов конструирования идентичностей в разные периоды истории культуры. Неординарная творческая личность эпохи *fin de siècle*, смело нарушающая общественные табу, прежде всего гендерные стереотипы – от дресс-кода до сферы личной жизни, избравшая маскулинные формы авторской презентации, стала вдохновляющим объектом для целого ряда исследований¹¹. Однако указанный подход, будучи востребованным в ситуации постмодерна, не исключает и других интерпретационных возможностей, открывающихся при обращении к историко-литературному контексту и новым биографическим материалам.

Но вернемся к повести. Протагонист рассказанной Поликсеной Соловьевой истории, Александр Петрович Границын, – фигура прототипическая, подчеркнута аллюзийная. Реминисценции, биографические и литературные, легко считываются и выстраиваются в сюжетную последовательность, которая коррелирует с «текстом жизни» философа. Границын – сын известного и уважаемого профессора, философ идеалистического направления, его статьи «Голод», «Страх и свобода»¹² оживленно обсуждаются в обществе, своими публицистическими выступлениями и полемикой с позитивистами он «нажил себе множество врагов»¹³. Он склонен к визионерству, переживает «кошмары наяву», погружен в

¹⁰ Подробнее о «декадентском утопизме» и влиянии на него воззрений Вл. Соловьева см.: Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008 [16]. О прозе Поликсены Соловьевой в данном аспекте см.: Cooper N.L. Secret Truths and Unheard-of Women: Poliksena Solovyova's Fiction as Commentary on Vladimir Solovyov's Theory of Love // *The Russian Review*. 1997. Vol. 56, № 2. P. 178–191 [17].

¹¹ См., например, остающуюся единственной монографию (диссертация) швейцарской исследовательницы: Binswanger Ch. Seraph, Carevič, Narr: Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Polixena Solowjowa (Allegro). Bern [et al.]: Peter Lang Verlag, 2003. (Slavica Helvetica; Bd. 68) [18], а также диссертационное исследование К. Эконен, где (жизне)творчество писательницы, в том числе повесть «Небывалая», анализируется с точки зрения символистской гендерной эстетики с акцентом на категории «фемининного»: Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. Univ. of Tampere, 2009. С. 266–297 [19] (перезд.: М.: НЛЮ, 2011); см. также: Спендель Д. Строительницы струн: женщина, творчество, литература. СПб.: Петербург-XXI век, 2007. С. 39–53 [20].

¹² Статей с такими названиями у Соловьева нет, однако аллюзии очевидны: философ откликнулся несколькими печатными выступлениями («Наш грех и наша обязанность», «Народная беда и общественная помощь», «Враг с Востока», «Мнимые и действительные меры к подъему народного благосостояния», «Кто прозрел?») на катастрофическую ситуацию, вызванную неурожаем лета 1891 г., упрекая русское общество в пассивности при ликвидации его последствий и предлагая меры по организации помощи голодающим; проблема свободы воли – одна из важнейших в метафизических построениях и этических воззрениях философа. В тексте есть также отсылки к циклу статей «Смысл любви» и «Жизненной драме Платона», о чем см.: Cooper N.L. Op. cit. P. 183–185.

¹³ См.: Соловьева П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. С. 92.

мысли о «вечных вопросах», о поисках «третьего пути» в любви, что предполагает отказ от аскетизма, но также и от «темного сладострастия», он противник прокреативного брака («рождения в смерть») и проповедник преображенного Эроса: «В любви рабство, падение, проклятие; и в ней же, именно в ней – освобождение, воскресение и спасение. Поймите, каждый может принять участие в пересоздании любви. И, пересоздав ее теперешнее безобразие в красоту, мы изменим всю жизнь» [14, с. 94–95]. Образный строй его речей метафоричен и насыщен мифологемами (борьба с драконом, искусы неверия, исходящие от беса: «серый, бесформенный», с «отвратительным смешком») ¹⁴. Он делит свою жизнь между Петербургом и Москвой, а приезжая туда, останавливается не иначе как в «Славянском базаре» (в этой гостинице, как известно, Соловьев провел свою последнюю ночь в Москве). Границын пишет теоретическую статью «О любви», и по мере ее создания, возникает и развивается платонический роман с Софией Александровной Кунде (ср. нем. *Kunde* – известие, весть; *kundig* – сведущий, знающий, осведомленный). Она замужем, пережила смерть ребенка, отношение к ней героя повествования порой окрашивается скрытой «огненной радостью» чувственной любви, что служит причиной внутренней дисгармонии между персонажами, поскольку противоречит провозглашаемой Границыным концепции «новой любви». Статья, с фрагментами которой он знакомит возлюбленную, формирует метатекст сюжета: когда статья завершена, София бесследно исчезает, оказываясь галлюцинацией Границына. Или фантазмом творческого воображения, проекцией умозрительной – софийной – метафизической конструкции. Вместе с Софией Кунде исчезают и локусы, отмеченные ее присутствием, что коррелирует с общим дискурсом утопии (место, которого нет). Инструментарий символистской поэтики поддерживает иллюзию «двоемирия», в том числе за счет семантического потенциала метафор «завесы», «сквожения», «прозрачности» (ср.: образы сгущающихся сумерек, метели, миражных петербургских пространств, вуаль и жемчужно-серые оттенки струящихся одежд Софии). «Грани» между двумя планами повествования – реальным, миметически воспроизводящим действительность, и ирреальным, репрезентирующим фантомы сознания, – взаимопроницаемы и не поддаются верификации.

Развернутого мемуарного повествования о брате Поликсена Соловьева не оставила, в отличие от сестры, М.С. Безобразовой, опубликовавшей в 1908 г. в журнале «Минувшие годы» свои воспоминания. На них откликнулся Д.С. Мережковский известной статьей «Немой пророк» (1908 г.), отметив ценность биографического свидетельства на фоне «нищенской скудости сведений о жизни и личности покойного писателя» ¹⁵. При жизни брата Поликсена в публичном дискурсе избегала демонстрации родственных связей и впервые подробно рассказала о роли братьев в своем литературном становлении только в 1911 г.,

¹⁴ См.: Соловьева П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. С. 93, 136,

¹⁵ См.: Мережковский Д.С. Немой пророк // Мережковский Д.С. В тихом омуте. СПб., 1908. С. 259 [21].

в автобиографии, написанной для предпринятого Ф.Ф. Фидлером издания «Первые литературные шаги»¹⁶. До этого направляя, например, 27 февраля 1900 г. краткую автобиографическую заметку (от третьего лица) А.Н. Сальникову для «врезки» в составляемую им поэтическую антологию, она ограничилась лишь упоминанием отца («дочь историка С.М. Соловьева») и скупым замечанием: «Стихи начала писать с раннего детства, и первое стихотворение было напечатано в "Ниве" в 1885 г.» [23, л. 7]¹⁷ – именно эти эпизоды получают в дальнейшем повествовательное развитие¹⁸. В репрезентативной антологии по праву занял свое место и Соловьев-поэт, что же касается портрета, то его получению способствовала Поликсена, о чем свидетельствует ее письмо к тому же корреспонденту – характерный «штрих» к повседневному образу философа.

17 марта <1900 г.>

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Посылаю Вам свой портрет, снятый у Здобнова. Все находят, что он необыкновенно удачен. Что касается брата, то я, каждый раз как вижу его, напоминаю ему, чтобы он снялся, и он каждый раз отвечает: «Неприменно снимусь». Вероятно, увижу его сегодня вечером и опять напомню. – До свиданья.

П. Соловьева¹⁹.

Вероятно, в тот период Поликсена не осознавала всего масштаба личности философа, иначе как можно объяснить столь недалекое отношение к адресованным ей письмам брата, в чем она с сожалением признавалась в 1907 г. Э.Л. Радлову, приступившему к собранию и изданию обширнейшей эпистолярной части наследия мыслителя:

<На бланке журнала «Тропинка»>
Ноября 9 дня 1907 г.

Многоуважаемый
Эрнест Львович,

Конечно, я не могу ничего иметь против издания писем моего брата и готова всячески Вам содействовать в этом деле, но Вы вероятно знаете, что наследником его является мой племянник, Сергей Михайлович Соловьев.

¹⁶ Поликсена Сергеевна Соловьева (Allegro) // Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / сост. Ф.Ф. Фидлер. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 91–94 [22].

¹⁷ Биографическая заметка была опубликована в изложении составителя и, в соответствии с общей структурой издания, предваряла подборку стихов (см.: Русские поэты за сто лет (с пушкинской эпохи до наших дней) в портретах, биографиях и образцах: сборник лучших лирических произведений русской поэзии (с 119 портретами) / сост. А.Н. Сальников. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1901. С. 441–443 [24]).

¹⁸ Ср. особенно: Соловьева П. Автобиографическая заметка. С. 500–504.

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 5. Ед. хр. 109. Л. 5–5 об.

Я думаю, что надо к нему обратиться с этим вопросом. Адрес его: Москва, Мертвый переулок, дом Александрова-Дольник.

У меня, к сожалению, не сохранилось ни одного письма брата: я имела прежде обыкновение уничтожать все письма «по принципу», как говорила одна дама. Теперь очень об этом сожалею.

До свиданья, повторяю, что сделаю все возможное и с большим удовольствием, чтобы помочь Вам.

П. Соловьёва²⁰.

Отсутствие публикаций мемуарного характера Поликсена Соловьёва отчасти компенсировала устными выступлениями. Такая возможность представилась в десятую годовщину смерти философа. По этому поводу в Петербурге состоялись два памятных вечера. Один был организован Литературным фондом и прошел 14 декабря 1910 г. в концертном зале Тенишевского училища. Газета «Речь» опубликовала его программу: «По случаю недавно случившегося десятилетия со дня кончины нашего знаменитого писателя-философа Владимира Сергеевича Соловьёва литературный фонд устраивает вечер 14 декабря, в концертном зале Тенишевского училища. Вступительное слово скажет Ф.Д. Батюшков, Вячеслав Иванов сделает доклад о Владимире Соловьёве как религиозном мыслителе, “Несколько слов о Вл. Серг. Соловьёве” скажет сестра покойного философа П.С. Соловьёва (Allegro), “Воспоминания о Вл. Соловьёве” сообщит академик Н.А. Котляревский, А.А. Блок прочтет свое произведение “Рыцарь-монах”, посвященное Вл. Соловьёву. Затем будут прочитаны артистами и артистками Императорского Александринского театра стихотворения Вл. Соловьёва» [26, с. 4]²¹. Все анонсированные участники выступили, кроме заболевшего Н.А. Котляревского. Общую атмосферу вечера передает меланхоличная зарисовка Блока в письме к матери: «Соловьёвский вечер прошел вяло, так что лучше бы его не было. Нагнали актрис, а потом сами жалели. Я демонстративно ушел от чтения Мусиной из первого ряда, и Ведринскую не стал слушать. Я начал второе отделение, думал все время, как бы выпить чаю и промочить горло. Публика, встретившая и проводившая хлопками, не понимала или пряталась в себя, так что я стал сокращать. Единственно хороша была Поликсена Сергеевна» [27, с. 106]²².

²⁰ См.: Соловьёва П.С. Письма к Э.Л. Радлову // РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Ед. хр. 1488. Л. 5–6 [25]. В следующем письме от 11 декабря 1907 г. она предлагала свое содействие: «Как дела с письмами брата? У моей сестры, я знаю, хранится переписка брата с А.Ф. Аксаковой. Если хотите я напишу и узнаю о ней» (Там же. Л. 7–7 об.). Речь идет о М.С. Безобразовой.

²¹ По-видимому, Соловьёва колебалась в формулировке темы доклада, например, в более ранней корреспонденции указывалось: «...сестра покойного П.С. Соловьёва изложит теорию любви Вл<адимира> Серг<евича>» (см.: Речь. 1910. 5 (18) дек. № 334).

²² См. доклад Блока «Рыцарь-монах» и комментарии к нему: Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). М.: Наука, 2010. С. 136–142 и 427–433 [28].

По газетным отчетам можно отчасти реконструировать содержание выступления Соловьевой, взявшей слово сразу после Блока. Поскольку текст ее доклада неизвестен, имеет смысл привести краткое резюме анонимного хроникера: «...сестра покойного философа П.С. Соловьева говорила о взглядах Владимира Сергеевича на смерть и любовь. Для Соловьева жизнь и смерть были только различным стадиями существования, ведущего к одной цели. Для него смерть была священным актом, переходом в новое радостное состояние.

Он как-то пророчески предчувствовал смерть близких людей. Насильственную смерть Вл. Соловьев осуждал всеми силами своей души, на смертную казнь он смотрел как на величайшее кощунство. Он находил, что человек не имеет права лишать жизни не только другого, но и себя.

Г-жа Соловьева прочитала два стихотворения Вл. Соловьева, в которых наиболее ярко вылились его мысли о смерти и любви: «На смерть А. Майкова» и «Не по воле судьбы» [29, с. 5].

19 января 1911 г. прошло закрытое заседание Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества (РФО), членом которого Соловьева являлась. Было заслушано четыре сообщения: Блок, Вяч. Иванов и П. Соловьева повторили свои декабрьские выступления, Б.Ф. Кутыловский высказался об отношении философа к национальному вопросу, что, судя по реплике С.П. Каблукова, секретаря РФО, было воспринято публикой неоднозначно²³. Сообщение Соловьевой (на этот раз оно было названо «О взглядах Соловьева на любовь и смерть») прошло незамеченным²⁴, и только племянник, уже ретроспективно, отметит данный эпизод: «Когда на заседании Петроградского религиозно-философского общества, посвященно<м> памяти Владимира Соловьева, по случаю десятилетия со дня его кончины, Поликсена Сергеевна прочла доклад о смысле любви в учении своего брата, многие были потрясены. Излагая учение Вл. Соловьева, Поликсена Сергеевна только произнесла свое заветное credo» [10, с. 42].

Следующее (и последнее) выступление Поликсены Соловьевой в РФО – «Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве» – состоялось 19 января 1913 г. на годовом (закрытом) собрании, кстати, почти совпавшем с 60-летием с дня рождения философа. В повестке оно анонсировалось как сообщение по поводу доклада Д.В. Философова «О принципе единства в Церкви», зачитанного 20 декабря 1912 г., где докладчик продолжил полемику с П.Б. Струве об отношениях православия и самодержавия, начатую в газете «Речь»²⁵. Соловьева

²³ См.: Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 109–110 [30].

²⁴ Так, хроникер «Нового времени», весьма критически оценив содержание трех докладов, ни словом не обмолвился о выступлении Соловьевой; обзор завершался риторическим вопросом: «Почему богоскатели, постоянно кричащие об единственном самобытном русском философе, не в состоянии хотя легкими штрихами очертить эту фигуру?» (см.: <Б.п.> Памяти Влад. Соловьева // Новое время. 1911. 22 янв. (4 февр.). № 12523. С. 14 [31]).

²⁵ См.: Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. С. 134–135.

присоединилась к позиции Философа–Мережковских, рассматривавших соотношение власти и Церкви в России как проявление цезарепапизма. Она поддерживала религиозно-реформаторские идеи триумvirата, которые, как она подчеркивала далее, были предвосхищены экуменическими воззрениями ее брата, мечтавшего о соединении церквей в Церкви Вселенской. Но лишь предвосхищены, потому что чаемая цель «неохристиан» «не соединение, слияние того, что есть и что временно, но возникновение новой церкви, вечного христианства с Небесным Самодержцем по главе». Последовавшее затем бурное обсуждение, спровоцированное не столько докладом, который был прочитан, как писали в прессе, «с чувством, искренностью и выразительной простотой»²⁶, сколько сумбурным выступлением очередного оратора, Е.П. Иванова, запутавшегося в доказательствах своей излюбленной идеи – существования в православии «двоеверия», подробно описано в газетных отчетах и обстоятельно реконструировано В.Г. Белоусом²⁷. В статье, предваряющей недавнюю публикацию писем З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьёвой, эта речь была рассмотрена в контексте отношений сестры философа с кругом деятелей «нового религиозного сознания»²⁸. Сближение Соловьёвой с Мережковскими, наметившееся еще во второй половине 1890-х годов, Вл. Соловьёв, по свидетельству племянника, решительно не одобрял, как и «увлечение младшей сестры новыми течениями»²⁹. Сам же С.М. Соловьёв, с юности критически настроенный к проявлениям модернистского жизнотворчества, что, безусловно, усилилось с его воцерковлением и принятием священнического сана, считал влияние Мережковских на Поликсену искусительным как в идеологическом, так и в нравственном смысле. «Близость с З.Н. Гиппиус, – писал он в своей мемуарной книге, – растлевающе подействовала на ее мирозерцание, она была временно отравлена ее безжизненными схемами... И только в последние годы, отрешаясь от чуждых влияний, она явилась передо мной в ярком свете добра и подлинной, живой поэзии» [4, с. 71–72].

²⁶ Жилкин И. Около религии // Русская молва. 1913. 21 янв. № 41. С. 2 [32].

²⁷ См.: Белоус В. Об одном инциденте в Петербургском Религиозно-философском обществе и его последствиях // На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 55–69 [33].

²⁸ См.: Письма З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьёвой (1901–1914) / вступ. статья, подгот. текста и примеч. О.А. Блиновой // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 865 [34]. Подписав вместе с Мережковскими и Философовым «Письмо в редакцию» газеты «Речь» (1911. 22 окт. № 12783) против антисемитских выступлений в прессе, Соловьёва оказалась вовлечена в публичную полемику с В.В. Розановым (см. его фельетон «Отюди, сатана»), который некорректно использовал имя философа в контексте рассуждений о «нации» и «национализме». Это послужило поводом к общественной обструкции Розанова и сомнениям в праве считать его членом РФО (см.: Ермичев А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. С. 118–119).

²⁹ См.: Соловьёв С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. С. 42. Нелицеприятный портрет Вл. Соловьёва периода их петербургского знакомства дан З. Гиппиус в мемуарном очерке, посвященном его младшей сестре (см.: Гиппиус З. Поликсена Соловьёва. С. 408–410).

Похоронена Поликсена Сергеевна в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с могилами братьев и отца.

Ниже публикуется полный текст доклада П.С. Соловьевой «Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве» по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 723 (архив П.С. Соловьевой). Ед. хр. 3. Л. 2-9 (обороты листов не заполнены).

Рукопись вложена в картонную обложку, на лицевой ее стороне (Л. 1) справа вверху монограмма и дата: ПС. 19¹²/₁13, посередине – заглавие «Несколько слов о моем брате Вл. Соловьеве», далее пояснение: «Было прочтено в собрании Религиозно-философского Общества в Петербурге / 19-го января 1913 года / (Единственный экземпляр)»; под текстом – подпись: «П. Соловьева». В архиве сохранились также два карандашных портрета философа работы П.С. Соловьевой (Ф. 723. Ед. хр. 67)³⁰.

Список литературы

1. Глебов Ю.И., Сапожков С.В. Соловьева Поликсена Сергеевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 759–762.
2. Купченко В. «И где слагала стих Allegro...»: Крымские годы Поликсены Соловьевой // Крымский альбом: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия; М.: Коктебель, 1996. Вып. 1. С. 218–226.
3. Шапошников М.Б. Кочевники красоты. М.: БОСЛЕН, 2016. 240 с.
4. Соловьев С. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 496 с.
5. Гиппиус З. Поликсена Соловьева // Гиппиус З. Собр. соч.: в 15 т. М.: Изд. «Дмитрий Сечин», 2012. Т. 13. С. 408–416.
6. Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. История одной жизни / пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. 411 с.
7. Белый Андрей. Начало века. М.: Худож. лит., 1990. 712 с.
8. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л.: Сов. писатель, 1988. 784 с.
9. Соловьева П. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 500–504.
10. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. М.; Берлин: Ди-рек-Медиа, 2019. 599 с.
11. Блок А.А. П. Соловьева (Allegro). Иней // Блок А.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). М.: Наука, 2003. С. 157–159.
12. Обатнин Г.В. Заметки комментатора // Новое литературное обозрение. 1994. № 10 (Историко-литературная серия. Вып. 1: Вячеслав Иванов: Материалы и публикации / сост. Н.В. Котрелев). С. 292–294.
13. Иванов Вяч. Поликсена Соловьева (Allegro) в песне и думе // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 504–511.
14. Соловьева П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. СПб.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1912. 148 с.
15. Соловьева П.С. Письма к А.М. Калмыковой // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Ед. хр. 126.

³⁰ Воспроизведены в книге: Смирнов М. Последний Соловьев. М.: Прогресс-Традиция, 2014 [35].

16. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 396 с.
17. Cooper N.L. Secret Truths and Unheard-of Women: Poliksena Solovyova's Fiction as Commentary on Vladimir Solovyov's Theory of Love // *The Russian Review*. 1997. Vol. 56, № 2. P. 178–191.
18. Binswanger Ch. Seraph, Carevič, Narr: Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Polixena Solowjowa (Allegro). Bern [et al.]: Peter Lang Verlag, 2003. 437 s. (Slavica Helvetica; Bd. 68).
19. Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. Univ. of Tampere, 2009. 445 с.
20. Спендель Д. Строительницы струн: женщина, творчество, литература. СПб.: Петербург – XXI век, 2007. 210 с.
21. Мережковский Д.С. Немой пророк // Мережковский Д.С. В тихом омуте. СПб., 1908. С. 257–282.
22. Поликсена Сергеевна Соловьёва (Allegro) // Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / сост. Ф.Ф. Фидлер. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 91–94.
23. Соловьёва П.С. Письма к А.Н. Сальникову // РО ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 5. Ед. хр. 109.
24. Русские поэты за сто лет (с пушкинской эпохи до наших дней) в портретах, биографиях и образцах: Сборник лучших лирических произведений русской поэзии (с 119 портретами) / сост. А.Н. Сальников. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1901. 600 с.
25. Соловьёва П.С. Письма к Э.Л. Радлову // РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Ед. хр. 1488.
26. <Б. п.> Вечер памяти Вл.С. Соловьёва // Речь. 1910. 13 (26) дек. № 342.
27. Письма Александра Блока к родным: в 2 т. Т. 2. М.: Academia, 1932. 547 с.
28. Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Полное собр. соч.: в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). М.: Наука, 2010. С. 136–142.
29. <Б. п.> Чествование памяти Вл.С. Соловьёва // Речь. 1910. 15 (28) дек., № 344.
30. Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб. Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 326 с.
31. <Б. п.> Памяти Влад. Соловьёва // Новое время. 1911. 22 янв. (4 февр.). № 12523.
32. Жилкин И. Около религии // Русская молва. 1913. 21 янв. № 41.
33. Белоус В. Об одном инциденте в Петербургском Религиозно-философском обществе и его последствиях // На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.: НЛЮ, 2009. С. 55–69.
34. Письма З.Н. Гиппиус к П.С. Соловьёвой (1901–1914) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. О.А. Блиновой // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 858–888.
35. Смирнов М. Последний Соловьёв. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 304 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. *Russkaya epigramma (XVIII – nachalo XX veka)* [Russian epigram (XVIII – early XXth century)]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1988. 784 p.
2. Sal'nikov, A.N. (ed.) *Sbornik luchshih liricheskikh proizvedenij russkoj poezii (s 119 portretami)* «Russian poets for a long time (s pushkinskoy epohi do nashih dnei) v portretah, biografiiyah i obrazcah» [Collection of the best lyrical works of Russian poetry (with 119 portraits) “Russian poets for a long time (from the Pushkin era to our days) in portraits, biographies and images”]. Saint-Petersburg: Izdanie V.I. Gubinskogo, 1901. 600 p.

Individual works

3. Belyy, Andrey. *Nachalo veka* [Beginning of the century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 712 p.
4. Blok, A.A. P. Solov'eva (Allegro). Iney [P. Solovyova (Allegro). Rime rice], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 7: Proza (1903–1907)* [Complete works and letters in 20 vols., vol. 7: Prose (1903–1907)]. Moscow: Nauka, 2003, pp. 157–159.
5. Blok, A.A. Rytsar'-monakh [Knight Monk], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 8: Proza (1908–1916)* [Complete works and letters in 20 vols., vol. 8: Prose (1908–1916)]. Moscow: Nauka, 2010, pp. 136–142.
6. <B. p.> Chestvovanie pamyati Vl.S. Solov'eva [Honoring the memory of Vl.S. Solovyov], in *Rech'*, 1910, 15 (28) Dec, № 344.
7. <B. p.> Vecher pamyati Vl.S. Solovyova [Evening in memory of Vl.S. Solovyov], in *Rech'*, 1910, 13 (26) Dec., no. 342.
8. <B. p.> Pamyati Vlad. Solov'eva [In memory of Vlad. Solovyov], in *Novoe vremya*, 1911, 22 Janv. (4 Febr.), no. 12523.
9. Gippius, Z. Poliksena Solov'eva [Polixena Solovyova], in Gippius, Z. *Sobranie sochineniy v 15 t., t. 13* [Collected works in 15 vols., vol. 13]. Moscow: Izdatel'stvo «Dmitriy Sechin», 2012, pp. 408–416.
10. Ivanov, Vyach. Poliksena Solov'eva (Allegro) v pesne i dume [Polixena Solovyova (Allegro) in song and thought], in *Russkaya literatura XX veka. 1890–1910* [Russian Literature of XXth century]. Moscow: Respublika, 2004, pp. 504–511.
11. Merezkovskiy, D.S. Nemoy prorok [The Silent Prophet], in Merezkovskiy, D.S. *V tihom omute* [A Still Pool]. Saint-Petersburg, 1908, pp. 257–282.
12. *Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym: v 2 t., t. 2* [Letters of Alexander Blok to his relatives: in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Academia, 1932. 547 p.
13. Pis'ma Z.N. Gippius k P.S. Solov'evoy (1901–1914) [Letters of Z. Gippius to P. Solovyova (1901–1914)], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 106. Epistol'yarnoe nasledie Z.N. Gippius. V 2 kn. Kn. 1* [Literary Heritage. Vol. 106. Epistolary heritage of Z.N. Gippius. In 2 books. Book 1]. Moscow: IMLI RAN, 2018, pp. 858–888.
14. Poliksena Sergeevna Solov'eva (Allegro) [Polixena Solovyova (Allegro)], in *Pervye literaturnye shagi: avtobiografii sovremennykh russkikh pisateley* [First literary steps: autobiographies of modern Russian writers]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina, 1911, pp. 91–94.
15. Solov'ev, S. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 496 p.
16. Solov'ev, S.M. *Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva* [The life and creative evolution of Vladimir Solovyov]. Moscow; Berlin: Direk-Media, 2019. 599 p.
17. Solov'eva, P. Avtobiograficheskaya zametka [Autobiographical note], in *Russkaya literatura XX veka. 1890–1910* [Russian Literature of XXth century]. Moscow: Respublika, 2004, pp. 500–504.
18. Solov'eva, P.S. Pis'ma k A.M. Kalmykovoy [Letters to A. Kalmykova], in *RGALI. F. 258. Op. 3. N 126*.
19. Solov'eva, P.S. Pis'ma k E.L. Radlovu [Letters to E. Radlov], in *Manuscripts Dept. of IRLI. F. 252. Op. 2. N 1488*.
20. Solov'eva, P.S. Pis'ma k A.N. Sal'nikovu [Letters to A. Sal'nikov], in *Manuscripts Dept. of IRLI. F. 357. Op. 5. N 109*.
21. Solov'eva, P. (Allegro). *Taynaya pravda i drugie rasskazy* [The Secret Truth and Other Stories]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "Tovarishchestvo M.O. Vol'f", 1912. 148 p.
22. Voloshina, M. (Sabashnikova, M.V.). *Zelenaya Zmeya. Istoriya odnoy zhizni* [Green Snake. The Story of One Life]. Moscow: Enigma, 1993. 411 p.
23. Zhilkin, I. Okolo religii [Near the Religia], in *Russkaya molva*, 1913, 21 Janv., no. 41.

(Articles from Scientific Journals)

24. Cooper, N.L. Secret Truths and Unheard-of Women: Poliksena Solovyova Fiction as Commentary on Vladimir Solovyov's Theory of Love, in *The Russian Review*, 1997, vol. 56, no. 2, pp. 178–191.

25. Obatnin, G.V. Zаметки комментатора [Commentator's Notes], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 292–294.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

26. Belous, V. Ob odnom intsidente v Peterburgskom Religiozno-filosofskom obshchestve i ego posledstviyakh [About one incident in the St. Petersburg Religious-Philosophical Society and its consequences], in *Sbornik «Na rubezhe dvukh stoletiy» v chest' 60-letiya Aleksandra Vasil'evicha Lavrova* [Collection “At the Turn of Two Centuries” in Honor of the 60th Anniversary of Alexander Vasilyevich Lavrov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 55–69.

27. Glebov, Yu.I., Sapozhkov, S.V. Solov'eva Poliksena Sergeevna [Polixena Solovyova], in *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'. T. 5* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary. Vol. 5]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2007, pp. 759–762.

28. Kupchenko, V. «I gde slagala stikh Allegro...»: Krymskie gody Polikseny Solov'evoy [“And where composed the verse Allegro...”: The Crimean years of Polixena Solovyova], in *Krymskiy al'bom: istoriko-kraevedcheskiy i literaturno-khudozhestvennyy al'manakh. Vyp. 1* [Crimean Album: Historical, Regional and Literary-Artistic Almanac, iss. 1]. Feodosiya; Moscow: Koktebel', 1996, pp. 218–226.

(Monographs)

29. Binswanger, Ch. *Seraph, Carevič, Narr: Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Polixena Solowjowa (Allegro)*. Bern [et al.]: Peter Lang Verlag, 2003. 437 p. (Slavica Helvetica; Bd. 68).

30. Ekonen, K. *Tvoret's, sub"ekt, zhenshchina: strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies of Female Writing in Russian Symbolism]. Univ. of Tampere, 2009. 445 p.

31. Ermichev, A.A. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge (1907–1917): Khronika zasedaniy* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (1907–1917): Chronicle of meetings]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 326 p.

32. Matich, O. *Eroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic Utopia: New Religious Consciousness and fin de siècle in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 396 p.

33. Shaposhnikov, M.B. *Kochevniki krasoty* [Nomads of the beauty]. Moscow: BOSLEN, 2016. 240 p.

34. Smirnov, M. *Posledniy Solov'ev* [The Last Solovyov]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2014. 304 p.

35. Spendel', D. *Stroitel'nitsy strun: zhenshchina, tvorchestvo, literature* [String Builders: Woman, Creativity, Literature]. Saint-Petersburg: Petersburg–XXI vek, 2007. 210 p.

УДК 141:82(47)
ББК 87.3(2)522-685:83.3(2=411.2)52

Наталья Юрьевна Грякалова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: natura3@yandex.ru

П.С. Соловьёва.
Несколько слов о моем брате Вл. Соловьёве.
Было прочтено в собрании Религиозно-философского
Общества в Петербурге 19-го января 1913 года

Публикация и примечания Н.Ю. Грякаловой

Nataliya Jur'evna Gryakalova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: natura3@yandex.ru

P.S. Solovyova.
A few words about my brother Vladimir Solovyov.
It was read at the meeting of the Religious-Philosophical Society
in St. Petersburg on January 19, 1913

Publication and notes by N.Y. Gryakalova

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.057-063

Спор Мережковского и Струве на последнем заседании¹ произвел на меня тягостное впечатление. Я так ясно помню заседание в память Толстого два

---

¹ Речь идет о закрытом собрании РФО 20 декабря 1912 г., где был заслушан доклад Д.В. Философова «О принципе единства в Церкви», вызвавший полемику между Д.С. Мережковским и П.Б. Струве о соотношении православия и исторических форм государственного устройства, т.е. аспектов церковных и политических. Основной пункт разногласий Мережковский определил так: «Православие для Струве не столько религиозная, сколько культурная и политическая ценность – предпосылка “Великой России”. Он понимает, что без внешнего церковного общения не обойтись государству; но для него самого, как для идеалиста чистейшей воды, церковь – явление того “бого-материализма” (выражение Вл. Соловьёва), который кажется ему кошунственным. ...От религиозного идеализма к религиозному реализму у Струве нет путей» (см.: Мережковский Д.С. Два отречения // Русское слово. 1912. 20 дек. № 293 [1]). См. также: Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 134–135, также с. 129–130 (материалы, относящиеся к заседанию 12 ноября) [2].

года тому назад². Тогда Струве говорил удивительно хорошо, и было ясно, что это человек, способный на глубокое религиозное чувство. В тот вечер, наверное, Мережковский был родным братом Струве. На последнем заседании они говорили на разных языках, точно два брата попали на Вавилонское столпотворение.

Мне кажется, что Мережковский верно нашел причину этого взаимного непонимания, сказав, что в православии и самодержавии есть огромный соблазн, соблазн влюбленности, через который надо пройти, чтобы понимать и чувствовать неразрывность этих двух явлений³.

Струве через соблазн не прошел, не чувствует, как затянут роковой узел православия и самодержавия и с легкостью равнодушия говорит о том, что узел можно развязать. А его можно только разрубить.

Еще Струве говорит, что нельзя смешивать, соединять два явления, из которых одно временное, а другое вечное⁴.

Но он жестоко ошибается: православие явление вековое, а не вечное. Как все, созданное людьми, хотя и по образу Божию, оно изменяющееся, переходящее и проходящее. Как все, что отъединяет, обособляет, – оно вечным быть не может.

В самом зарождении своем на Руси оно слилось, срослось воедино с самодержавием. Если даже отбросить легенду о принятии нового вероисповедания от греков князем Владимиром, то все-таки остается неоспоримым, что православие утверждалось не столько волей народной, вечем, сколько волей самодержавных князей с дружиной⁵. Ясно, что для русских князей мало было соблазна в принятии католичества, где их неограниченная власть сразу могла бы прийти в столкновение с властью папы. Христос не небе, папа, Его наместник,

---

² Имеется в виду закрытое заседание РФО 16 ноября 1910 г. «Памяти Льва Толстого». П.Б. Струве выступил с докладом «Жизнь и смерть Льва Толстого» (вместе с докладами З.Н. Гиппиус «Слово Толстого» и С.Л. Франка «Памяти Льва Толстого» опубли.: Русская мысль. 1910. Кн. 12), выступление Д.С. Мережковского напечатано в газете «Речь» (1910. 20 нояб. № 319). См.: Ермичѳв А.А. Указ. соч. С. 105–107.

³ Д.С. Мережковский в книге «Не мир, но меч» неоднократно проводит мысль о «религиозном соблазне», «который заключен для народа в идее самодержавия, именно в кровной связи самодержавия с православием» (см.: Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. С. 81 и др. [3]). Почти вся первая половина доклада П.С. Соловьевой является парафразом отдельных положений книги.

⁴ П.Б. Струве отвергал мысль сторонников «нового религиозного сознания» о внутренней, мистической связи православия и самодержавия и отстаивал ценность православия как основы русской национальной культуры и в этом смысле явления «вечного», не зависящего от «преходящих» форм государственной власти. Об эволюции его идейно-политических взглядов см.: Колеров М.А. П.Б. Струве в русском идейно-политическом и литературном процессе: новая биография // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник: 2012–2014 / под ред. М.А. Колерова. М.: Издатель Модест Колеров, 2015. С. 191–375 [4].

⁵ Об этом подробно повествуется в труде С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» (т. 1, гл. 7).

на земле. И папа может отлучить от церкви светского владыку, может наложить на него эпитимью <так в тексте> за грех или ослушание.

Нет, Бог на небе, – князь на земле, а позднее царь, самодержавный властитель церкви, народа, всей земли⁶.

Царь и церковь, церковь и царь – всегда это шло вместе, сливалось воедино.

Царь – помазанник Божий, существующий по воле Бога. Бог наставляет его на всех путях его, а потому воля царя – от Бога. Слушаться царя – слушаться Бога. Красота жизни, праздник жизни, блеск, подъем духа, умиление, влюбленность, восторг, сладостные слезы – все это в церкви и все это в царе. Соединение небесного с земным, которого сознательно или бессознательно жаждет каждая человеческая душа, – тут осуществлялось. Православный царь, царь-батюшка, как Христос – Царь небесный, Небесный Отец.

Церковь для народа всегда была прикрыта золотой царской ризой, а царь – всегда прикрыт благословением церкви. Поэтому, если царь совершал ужасные дела, – народ и церковь безмолствовали. А если и начинал говорить народ, хотя бы в лице своих юродивых, то церковь никогда не смела громко повторить самодержавному земному царю вечные слова Царя Небесного.

Было одно роковое, всевластное слово, которое парализовало всякое движение разума и сердца церкви и народа. Это слово – помазанник Божий. В этом слове ключ к истории православия, к истории самодержавия, ко всей русской истории.

Чтобы это слово утратило свою магическую силу, надо было, с одной стороны, довести самодержавие до крайней точки, дальше которой идти некуда, а, с другой стороны, парализовать православие в той его огромной области, которой оно примыкает и неразрывно связано с самодержавием.

Это дело совершил Петр Великий.

Когда он учредил синод, отдал чиновникам дела церкви, – народ назвал его антихристом, а церковь покорилась.

Ослепленный негодованием, народ не рассмотрел великой любви Петра к России, не понял, что, умеющий так любить, антихристом быть не может. Народ не понял правды Петра. Петр не понял правды народа. Самодержавие впервые оскорбило самую заветную мечту народа, его жажду слияния небесного с земным.

До Петра отношение русских царей к церкви было благоговейное. «Я сильнее, но ты выше», – вот что чувствовалось в поведении царей. Еще отец Петра, Алексей Михайлович во время «шествия на осляти» вел под уздцы осла, на котором сидел патриарх, олицетворяя собою Христа⁷. Петр одним ударом дубинки

---

⁶ Здесь и далее – пересказ ряда положений книги Д.С. Мережковского «Не мир, но меч» (см. примеч. 3).

⁷ Чин «шествия на осляти» совершался, начиная с середины XVI в., в православных церквях в праздник Вербного воскресенья и символизировал вход Господень в Иерусалим. Царь вел за

разрушил вдребезги всю церковную символику. Живое и горячее заключил в проволочную сетку холодной официальнойности <так в тексте>. На церковь он смотрел, как на одно из не самых важных явлений жизни государства. Оковал все государство железом самодержавия, а кстати скрепил им и церковь. Самодержавие процвело, а православие захирело. От удара дубинки его разбил паралич. И в этом параличе его оставляли более двух веков. А известно, что если не применять своевременно энергичного леченья, то паралич ведет к смерти.

Но и процветание самодержавия было временно и непрочно. Слово «антихрист», произнесенное оскорбленным народом, не могло не пошатнуть всевластного слова: «помазанник Божий». А кроме того, самодержавие достигло такого развития, что дальше и двигаться некуда. А без движения – нет жизни.

Оба явления вековые, но не вечные, разрушатся вместе и падут в один и тот же день. Останется вековой ствол живого дерева народной веры, нужный для нового строительства. То, что в православии есть чисто-христианского, пребудет вовеки и вольтется, как одна из многочисленных рек, в далекий, грядущий океан вселенской церкви.

Вселенская церковь была всегдашней мечтой моего брата, Владимира Соловьева⁸. Этой мечтой объясняю я себе его временный переход в католичество⁹. Умер он православным¹⁰.

Меня часто спрашивали, действительно ли мой брат переходил в католичество. До сих пор я отвечала: «Нет, не переходил». Теперь я знаю, что это было. Отрицала я этот факт потому, что брат никогда ни слова о нем не сказал ни мне, и никому из нашей семьи. Это, во-первых, а во-вторых, я сама прошла через соблазн православия, родилась и воспитывалась в нем, и мне страшно было даже подумать о переходе в другое вероисповедание. Теперь мне не страшно

узду осла, на котором сидел Патриарх, что означало смирение Царя земного перед Царем небесным. Вышел из обрядовой практики в связи с упразднением патриаршества Петром I и созданием Синода.

⁸ Основополагающие труды В.С. Соловьева по вопросу соединения церковей относятся к середине и второй половине 1880-х гг., к так называемому теократическому периоду: цикл статей «Великий спор и христианская политика» (1883–1885), работы «Догматическое развитие церкви в связи с вопросом о соединении церковей» (1886 г.), «История и будущность теократии» (1887 г.), «Россия и Вселенская Церковь» (опубл. в 1889 г. на франц. яз.; в переводе на рус. яз. в 1911 г.).

⁹ Известен факт причащения В.С. Соловьева 18 февраля 1896 г. во второе воскресенье Великого поста в домовую церковь Лурдской Божией Матери в Москве у католика-униата о. Николая Толстого. По свидетельству присутствовавших при обряде Д. Невского и кн. Е. Долгоруковой, «В.С. перед обедней прочитал Тридентский символ веры – с *Filioque*. К символу добавил еще и личное исповедание веры...» (см.: Василенко Л. Вл. Соловьев: православный или католик? // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 139 [5]), однако более в католических таинствах не участвовал.

¹⁰ Перед смертью 18 июля 1900 г. В.С. Соловьев причастился Св. Тайн у о. Сергия Беляева в присутствии С.Н. и П.В. Трубецких (см.: Трубецкой С.Н. Смерть Соловьева. 31 июля 1900 г. // Вестник Европы. 1900. Т. V. Сентябрь. С. 412–420 [6], а также письмо свящ. Н. Колосова к издателю «Московских ведомостей»: Об исповедании В.С. Соловьева // Письма В.С. Соловьева Т. III / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. «Обществ. польза», 1911. С. 215–217. (Собр. соч. В.С. Соловьева. Письма и Приложение. Фототипич. изд. Bruxelles: Изд. «Жизнь с Богом», 1970 [7]).

больше: я понимаю, почему брат это сделал. Главной, всепоглощающей мечтой его жизни была – вселенская церковь. Он делал все возможное и готов был сделать казавшееся для других невозможным, чтобы хотя отчасти осуществить свою мечту, чтобы хотя немного приблизиться к ней. Это была страсть, огненная жажда, которая его сжигала.

Чем светлее была мечта, тем чернее вокруг. Жизнь зло смеялась над мечтою, и в этом злом смехе брат мой ясно ощущал присутствие дьявола. Верил в его реальное существование, видел его, слышал. И поэтому бывал иногда так мрачен, в те дни и часы, когда дьявольская тень заслоняла свет мечты. И поэтому во всем его существе, рядом с детским и радостным, было что-то бесконечно жуткое.

Видел дьявола и старался уйти от него, взобраться повыше, в горы. С вершины смотрел в даль. Видел то, чего не видят живущие в долине. Но многого не мог рассмотреть ясно: мешала дымка расстояния, туманы. Далекая мечта ослепляла пламенем. Он не мог рассмотреть ясно ее очертаний, измерить расстояние, которое его отделяло от нее во времени.

Он ошибся, как ошибается каждый в горах, когда думает, что снежная вершина, находящаяся за десятки верст, – совсем близко, вот тут, стоит пройти четверть часа и достигнешь подножия. Так и брат мой думал, что вселенская церковь близко, что исполнились сроки, что надо только соединить, слить воедино все существующие вероисповедания. Поэтому его переход в католичество не был оскорбителен для православия. Это не была измена или увлечение¹¹. Здесь не было меня одного на другое, предпочтения одного другому. Это был подвиг человека, глубоко страдающего от разлуки мечты с жизнью.

Томясь одиночеством, сгорая нетерпеливой жаждой единения, перешел он в католичество, остался православным, умирая, молился за евреев¹² и до последнего мгновения был «верен сладостной мечте»¹³. Вера моего брата была такая подлинная, такая огненная, что переходила в знание. Поэтому много людей зажигало, зажигает и будет зажигать свои светильники от его лампы.

Я знаю, что брат мой в жизни ошибся, но знаю, что не ошибся в самой последней, самой далекой, но самой светлой и торжественной мечте своей. Одинок он был в жизни, но в этой мечте – не был одинок. Именно в ней он был истинным сыном своего народа. Последняя, высшая мечта русского народа – это вселенская церковь. Не уния, не соединение, слияние того, что есть и что временно, но возникновение новой церкви, вечного христианства с Небесным Самодержцем по главе.

---

¹¹ Далее несколько слов густо зачеркнуты и не прочитываются.

¹² Об этом пишет, например, С.Н. Трубецкой: «Раз он сказал моей жене: “Мешайте мне засыпать, заставляйте меня молиться за еврейский народ, мне надо за него молиться”, – и стал громко читать псалом по-еврейски. Те, кто знал Владимира Сергеевича и его глубокую любовь к еврейскому народу, поймут, что эти слова не были бредом» (Трубецкой С.Н. Смерть Соловьева. С. 412).

¹³ Цитата из стих. А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829 г.).

Для русского народа главное, чтобы человек был одарен религиозным чувством вообще. Если есть у него бранное слово: «нехристь», то высшее свое осуждение народ выражает словами: «Бога в тебе нет».

В низших слоях жизни народ может быть нетерпим, может устраивать погромы и совершать зверства, но в высших слоях жизни он живет мечтою о далеком, но возможном вселенском единении.

Есть у народа одна пословица и одна легенда. Пословица говорит: «Жид, лях и собака – вера однака»¹⁴. А легенда рассказывает, как собрались умершие люди всех существующих на земле вероисповеданий у райских врат. Апостол Петр с ключами не пускает их в рай. Каждому говорит: «пожджди». Они ждут и томятся. Тогда первый заговорил еврей: «Братья, тяжело нам проводить эти долгие минуты в молчании. Разве не все мы дети Единого Бога? Восхвалим же вместе Его святое Имя». Все запели молитву, а Петр апостол сказал: «Ну, давно бы так. Идите все в рай»¹⁵.

Пословица сложилась в минуту обостренной злобы и нетерпимости. Легенда – в час просветления мечтой. Пословица – православная, временная, легенда – христианская, вечная. Пословица исчезнет, легенда останется вовеки.

Кто первый осуществит мечту, кто первый призовет всех людей ко всеобщей молитве? Не знаю. И не хочу говорить о миссии русского народа. Но знаю, что от временного православия надо идти к вечному вселенскому христианству. И повторяя стихи моего брата, мне хочется изменить их и прочесть так:

«И до полуночи неробкими шагами
Все будем *мы* идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Нас всех дождетса *наш* заветный храм»¹⁶.

Список литературы

1. Мережковский Д.С. Два отречения // Русское слово. 1912. 20 дек. № 293.
2. Ермичѳв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 326 с.
3. Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. 208 с.

¹⁴ Речение относится к эпохе гайдамацкого бунта на Правобережной Украине в середине XVIII в., приводится С.М. Соловьевым в главе 4 исторического труда «История падения Польши» (впервые опублик.: 1863 г.) (см.: Соловьев С.М. История падения Польши // Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. XVI: Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 455–456 [8]).

¹⁵ Источник цитируемого текста не выявлен.

¹⁶ Цитируется с изменениями последняя строфа стихотворения В.С. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» (1886 г.). Слова, выделенные курсивом, в рукописи подчеркнуты волнистой линией.

4. Колеров М.А. П.Б. Струве в русском идейно-политическом и литературном процессе: новая биография // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник: 2012–2014 / под ред. М.А. Колерова. М.: Издатель Модест Колеров, 2015. С. 191–375.

5. Василенко Л. Вл. Соловьёв: православный или католик? // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 133–145.

6. Трубецкой С.Н. Смерть Соловьёва. 31 июля 1900 г. // Вестник Европы. 1900. Т. V. Сентябрь. С. 412–420.

7. Колосов Н., свящ. Об исповедании В.С. Соловьёва // Письма В.С. Соловьёва Т. III / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. «Обществ. польза», 1911. С. 215–217. (Собр. соч. В.С. Соловьёва. Письма и Приложение. Фототипич. изд. Вхuxelles: Изд. «Жизнь с Богом», 1970).

8. Соловьёв С.М. История падения Польши // Соловьёв С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. XVI: Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. 744 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, S.M. Istoriya padeniya Pol'shi [History of Poland's fall], in Solov'ev, S.M. *Sochineniya v 18 kn., kn. XVI: Raboty raznykh let* [Works in 18 books, book XVI: Works of different years]. Moscow: Mysl', 1995. 744 p.

Individual works

2. Kolosov, N., svyashch. Ob ispovedanii V.S. Solov'eva [About the confession of V.S. Solovyov], in *Pis'ma V.S. Solov'eva, t. III* [Letters by V.S. Solovyov, vol. III]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Obshchestvennaya pol'za», 1911, pp. 215–217. (Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva. Pis'ma i Prilozhenie. Fototipichnoe izdanie Bruxelles: Izdanie «Zhizn' s Bogom», 1970).

3. Merezhkovskiy, D.S. Dva otrecheniya [Two renunciations], in *Russkoe slovo*, 1912, 20 dec., no. 293.

4. Merezhkovskiy, D.S. *Ne mir, no mech. K budushchey kritike khristianstva* [Not Peace, but a Sword. Towards a Future Critique of Christianity]. Saint-Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova, 1908. 208 p.

5. Trubetskoy, S.N. Smert' Solov'eva. 31 iyulya 1900 g. [Solovyov's Death. July 31, 1900], in *Vestnik Evropy*, 1900, vol. V, pp. 412–420.

(Articles from Scientific Journals)

6. Vasilenko, L. Vl. Solov'ev: pravoslavnyy ili katolik? [Vl. Solovyov: Orthodox or Catholic?], in *Vestnik RKhD*, 2000, no. 181, pp. 133–145.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Kolerov, M.A. P.B. Struve v russkom ideyno-politicheskom i literaturnom protsesse: novaya biografiya [P.V. Struve in the Russian ideological-political and literary process: a new biography], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: Ezhegodnik: 2012–2014* [Studies on the History of Russian Thought: Yearbook: 2012–2014.]. Moscow: Izdatel' Modest Kolerov, 2015, pp. 191–375.

(Monographs)

8. Ermichev, A.A. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge (1907–1917): Khronika zasedaniy* [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (1907–1917): Chronicle of meetings]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 326 p.

УДК 111.1:140.8

ББК 87.3(2)522-685

Вячеслав Иванович Моисеев

Российский университет медицины, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, биомедицины и гуманитарных наук, Россия, Москва, e-mail: vimo@list.ru

Ольга Михайловна Коломиец

Первый Московский государственный университет имени И.М. Сеченова, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и медицинской психологии Института психолого-социальной работы, директор Международного института профессионального развития педагога, Россия, Москва, e-mail: olga9104545604@mail.ru

Третья сила бытия

Аннотация. Рассматривается тема развития как процесса восхождения к всеединству в работах В.С. Соловьёва и ряда представителей отечественной науки, в первую очередь в исследованиях основателя культурно-исторической школы в психологии Л.С. Выготского и в современном мыследеятельностном подходе к образованию. В статье В.С. Соловьёва «Три силы» развитие определяется как процесс восхождения ко всеединству (многоединству), действие третьей силы истории, интерпретируется как движение от уловного к менее условному виду бытия на основе снятия ограничивающих условий с более полного и богатого источника бытия. С использованием строгих средств новой формальной аксиоматической системы языка – Проективно Модальной Онтологии, демонстрируются единые структуры восхождения ко многоединству как в исследованиях В.С. Соловьёва, так и в концепции развития значения слова у Л.С. Выготского и в организации процесса образования как мыследеятельностного многоединства. Восхождение ко всеединству у В.С. Соловьёва рассматривается на примере его работы «Критика отвлеченных начал», где последовательность смены отвлеченных начал в критике соответствует движению от все более условных ко все более безусловным началам, что выражает процесс развития. В общем случае идея развития оказывается центральной в философии всеединства, поскольку развитие есть становление всеединства (многоединства) во времени, в рамках Становящегося Абсолютного. Предположение о подобной архетипичности идеи развития в истории отечественной науки иллюстрируется на примере работы Л.С. Выготского «Мышление и речь», где идеи развития применяются к значению слова и его становлению в ряду развития понятийного мышления. Аналогичная методология восхождения ко всеединству (многоединству) просматривается и в современном мыследеятельностном подходе в образовании. Делается вывод о едином архетипическом понимании «развития» во всех определениях отечественной философско-научной мысли, наиболее органично представляющей путь России как выразителя третьей силы истории и бытия.

Ключевые слова: всеединство, многоединство, Проективно Модальная Онтология, культурно-историческая школа, мыследеятельностный подход

Vyacheslav Ivanovich Moiseev

Russian University of Medicine, PhD in Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy, Biomedetics and Hu-manitarian Sciences, Russia, Moscow, e-mail: vimo@list.ru

Olga Mikhailovna Kolomiets

First Moscow State University named after I.M. Sechenov, Doctors of Pedagogy, Professor, Department of Pedagogy and Medical Psychology, Institute of Psychological and Social Work, Director, International Institute for Professional Development of Educators, Russia, Moscow, e-mail: olga9104545604@mail.ru

The third force of being

Abstract. The article deals with the theme of development in the works of V.S. Solovyov and a number of representatives of Russian science, primarily in the studies of the founder of the cultural-historical school in psychology L.S. Vygotsky and in the modern thought-action approach to education. Development is defined as a process of ascent to all-unity (multiunity), the action of the third force of history, according to the definitions of the three forces of history in V.S. Solovyov's article "Three Forces", which in turn is interpreted as a movement from a more to a less conventional kind of being on the basis of the removal of limiting conditions from a fuller and richer source of being. The means of a new formal axiomatic system, Projective Modal Ontology, are used to express such movement precisely. Using the rigorous means of the PMO language, the unified structures of the ascent to all-unity are shown both in V.S. Solovyov's research and in L.S. Vygotsky's concept of the development of word meaning, as well as in the organization of the educational process as a thought-activity all-unity. V.S. Solovyov's ascent to all-unity is considered on the example of his work "Critique of abstract principles", where the succession of abstract principles in the critique corresponds to the movement from more and more conditional to more and more unconditional principles, which expresses the process of development. In general, the idea of development turns out to be central to the philosophy of the All-Unity, since development is the becoming of the All-Unity (multitunity) in time, within the framework of the Old World.

Key words: all-unity, many-unity, Projective Modal Ontology, cultural-historical school, thought-action approach

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.064-079

Идея развития у В.С. Соловьева

В настоящей работе мы хотели бы коснуться проблемы развития как процесса восхождения к всеединству в философии В.С. Соловьева и соотношения его трактовки с более поздними ее вариациями в отечественной науке, в частности у представителей культурно-исторической психологической школы и ее продолжателей в современном направлении науки об образовании.

Тема развития – одна из центральных как в русской философии всеединства, так и в истории отечественной науки. В то же время она недостаточно, как можно предполагать, представлена в историко-философских и научных исследованиях и потому требует дополнительного внимания для своего более явного и адекватного освещения.

В частности, в философии В.С. Соловьева идея развития как становления всеединства во времени центральна, особенно ярко она представлена в идее

Становящегося Абсолютного, когда само время, по сути, задается ростом мирового всеединства, так что мера всеединства и мера времени сливаются в этом случае в одно единое состояние.

Когда, например, В.С. Соловьев обходит последовательность теоретических или нравственных отвлеченных начал в «Критике отвлеченных начал»², то делает он это неслучайно, но поэтапно переходя от более отвлеченных ко все менее отвлеченным началам, намечая своего рода путь развития в их последовательности (рис. 1, 2).

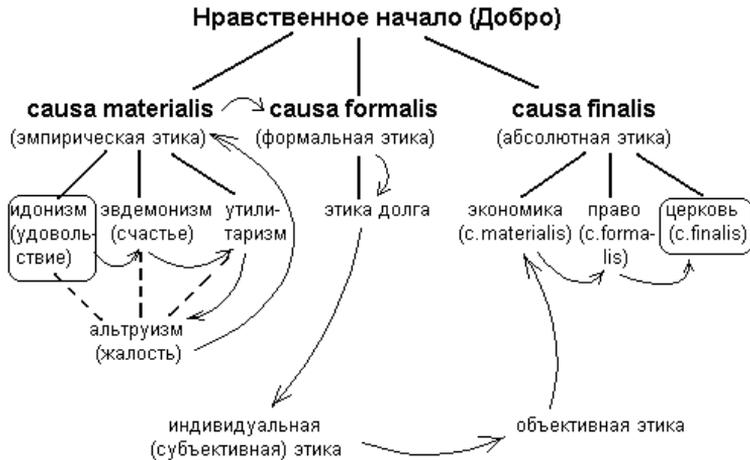

Рис. 1. Последовательность нравственных отвлеченных начал в «Критике отвлеченных начал»

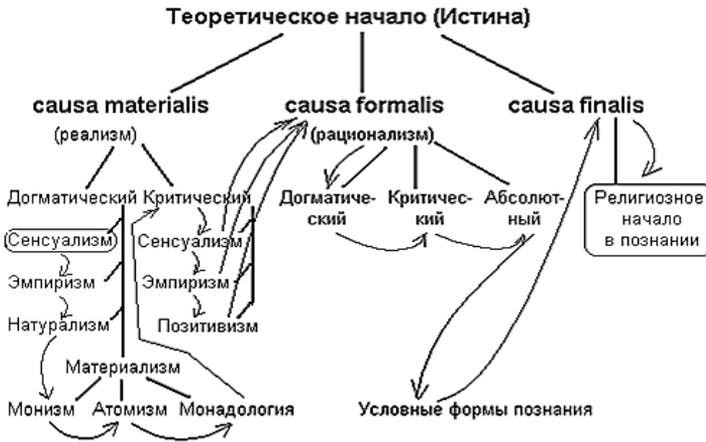

Рис. 2. Последовательность теоретических отвлеченных начал в «Критике отвлеченных начал»

² См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // [Соч.] Владимира Соловьева. М.: Унив. тип., 1880. XIV, С. 3–435 [1].

При этом философ активно использует деление на виды причин из философии Аристотеля: причина материальная (*causa materialis*), формальная (*causa formalis*) и целевая (*causa finalis*), где последующая причина в большей мере выражает определения всеединства, чем предыдущая, т.е. более развита. Это же деление лежит в основании так называемого «закона развития» мировой истории, который прописывается Соловьевым в «Философских началах цельного знания». Подробный анализ этого закона был дан в монографии В.И. Моисеева «Логика всеединства»³, для более строгого выражения которого использовался язык *Проективно Модальной Онтологии* (ПМО). Элементы этого языка были представлены в статье этого же автора «Русская философия всеединства как прообраз интегральной науки»⁴, а основательное изложение получили в других его работах⁵.

Выражение идеи развития средствами Проективно Модальной Онтологии (ПМО)

Если говорить кратко, в основе ПМО лежит представление о некоторых источниках синтеза (*модусах*) и их аспектах (*модах*), так что каждая мода модуса получается в некоторых ограничивающих условиях (*моделях*), налагаемых на модус. В качестве операции ограничения используется двухместный функтор, который можно обозначить символом $\downarrow$ и назвать *проектором*. В целом получаем соотношение:

(1) $B = A \downarrow C$ – B есть мода модуса A в модели C.

Предполагается, что мода модуса не больше, чем ее модус, т.е.

(2) $B \leq A$,

где $\leq$ – отношение нестрогого порядка, подобное таковому на числах, но связанное с отношением моды и модуса. Отсюда следует, что любой модус имеет сам себя в качестве своей тождественной моды и что мода моды модуса является модой модуса.

³ Моисеев В.И. Логика всеединства. М.: ПЕР СЭ, 2002. 415 с. [2].

⁴ Моисеев В.И. Русская философия всеединства как прообраз интегральной науки // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 38–48 [3].

⁵ См.: Моисеев В.И. От логики всеединства к философии неовсеединства // Материалы международной научной конференции «Философия В.С. Соловьёва в межкультурной коммуникации: к 110-летию со дня смерти В.С. Соловьёва и 20-летию праведной кончины протоиерея Александра Меня», 23–25 сентября 2010 г. Иваново, 2010. С. 86–90 [4]; Он же. Логика открытого синтеза: в 2 т. Т. 1. Структура. Природа. Душа. Кн.1. СПб.: ИД «Мирь», 2010. 744 с. [5]; Он же. Логика открытого синтеза: в 2 т. Т. 1. Структура. Природа. Душа. Кн. 2. СПб.: ИД «Мирь», 2010. 743 с. [6]; Он же. Человек и общество: образы синтеза. В 2 т. Т. 1. М.: ИД «Навигатор», 2012. 711 с. [7]; Он же. Человек и общество: образы синтеза. В 2 т. Т. 2. М.: ИД «Навигатор», 2012. 759 с. [8]; Он же. Очерки по философии неовсеединства: Опыт математического прочтения философии. Аксиология. Логика. Феноменология. М.: ЛЕНАНД, 2018. 632 с. [9].

Наряду с формулой (1), может быть записана двойственная формула, выражающая восхождение от моды к модусу на основе некоторых расширяющих условий (*модуля*) и обратного функтора $\uparrow$ (*сюръектора*):

$$(3) \quad A = B \uparrow E - A \text{ есть модус моды } B \text{ в модуле } E.$$

Используя эти простые соотношения, мы уже можем более строго выразить идею развития. Обоснование этой возможности в отношении к философским исследованиям В.С. Соловьёва и вообще русской философии всеединства подробно представлено в «Логике всеединства». Здесь же позволим себе дать лишь итоговую сводку данных разработок.

В конечном итоге развитие можно представить как переход от более условного к менее условному бытию. В языке ПМО это можно выразить переходом от моды к модусу, т.е. переходом от $A \downarrow C$ к A , где $A \downarrow C$ – условное бытие A , т.е. бытие A при условии C . И когда мы переходим от такого условного бытия A к самому A , то снимаем ограничение условием C и переходим к более безусловному состоянию. Такой переход и есть развитие.

Например, когда в своей работе «Три силы»⁶ В.С. Соловьёв рассматривает первую и вторую силы истории как выражение единого без многого (первая сила) и многого без единого (вторая сила), то обе эти силы являются условными видами бытия третьей силы – силы многоединого (всеединого), и каждая из этих условных сил ограничена только своими условиями, за пределами которых она рано или поздно начинает самоуничтожаться. На той же логике основана и критика отвлеченных начал. Каждое отвлеченное начало – это условное бытие Абсолютного, и когда то или иное начало гипостазируется, то рано или поздно начинает приходить в противоречие с самим собой и самоотрицаться, отсылая к следующему началу.

Пусть A – Абсолютное и $A \downarrow C_1$ – некое первое ограничение (условное бытие) Абсолютного, $A \downarrow C_1 \downarrow C_2$ – второе ограничение Абсолютного, ..., $A \downarrow C_1 \downarrow \dots \downarrow C_n$ – n -е ограничение Абсолютного. В этом случае критика отвлеченных начал движется от наиболее условных (самых ограниченных) начал $A \downarrow C_1 \downarrow \dots \downarrow C_{n-1} \downarrow C_n$ к менее ограниченным началам $A \downarrow C_1 \downarrow \dots \downarrow C_{n-1}$ и т.д., пока не взойдет к Абсолютному A . Искусство мыслителя в этом случае состоит в том, чтобы упорядочить отвлеченные начала по степени условности и затем суметь переходить от более условного начала к менее условному, снимая ограничивающие условия. Владимир Соловьёв был настоящим профессионалом в этом деле.

Заметим также, что, переходя от более условного состояния $A \downarrow C$ к менее условному A , мы совершаем восхождение от моды к модусу, т.е.

$$\begin{aligned} &\text{если } B = A \downarrow C, \text{ и } A = B \uparrow E, \\ &\text{то (4) } A = (A \downarrow C) \uparrow E. \end{aligned}$$

⁶ См.: Соловьёв В.С. Три силы: Публ. чтение Владимира Соловьёва. М.: Унив. тип., 1877. 16 с. [10].

Каждое снятие стрелки вниз основано на применении стрелки вверх, так что операция расширения $\uparrow E$ отменяет действие операции сужения $\downarrow C$.

Таким образом, развитие в терминах ПМО есть постоянное восхождение «вверх» от мод к модусам, от более условного бытия к более безусловному.

К Абсолютному А как синтезу отвлеченных начал можно восходить не только последовательно, но и параллельно – сразу от нескольких условных форм бытия А, если все эти формы независимы друг от друга, т.е. ни одна из них не является условным бытием другого.

Например, даны два вида условного бытия А: $A\downarrow C_1$ и $A\downarrow C_2$, и ни один из них не может быть представлен как условное бытие другого, т.е. нет такого ограничивающего условия C_3 , чтобы было верно равенство $A\downarrow C_1 = A\downarrow C_2\downarrow C_3$ или $A\downarrow C_2 = A\downarrow C_1\downarrow C_3$.

В этом случае мы можем подняться к А от $A\downarrow C_1$ и $A\downarrow C_2$ независимо или параллельно, подбирая соответствующие расширяющие условия:

$$(5) (A\downarrow C_1)\uparrow E_1 = A;$$

$$(6) (A\downarrow C_2)\uparrow E_2 = A.$$

В общем случае в восхождении ко всеединству могут присутствовать как последовательные, так и параллельные восхождения (синтезы).

Таким образом, опираясь на идеи русской философии всеединства, был впервые предложен достаточно простой в своей основе язык ПМО как язык анализа и синтеза. Его средствами можно выражать процесс развития как тот или иной вид восхождения от мод к модусам.

С этой точки зрения как В.С. Соловьев, так и другие представители русской философии всеединства всегда делают примерно одно и то же, только на разном содержательном материале – онтологии, гносеологии, этики, истории, психологии и т.д. Приступая к тому или иному содержательному материалу, они в конечном итоге пытаются представить множество начал $V_1, \dots, V_m$, которые выделяются в этом материале как те или иные виды условного бытия Абсолютного, очертив для каждого начала V_j , $j=1, \dots, m$, свои ограничивающие условия C_j , где $V_j = A\downarrow C_j$, и затем упорядочить эти начала по степени и видам условности. Особенной систематичностью в такой методологии, кроме Соловьева, отличался, пожалуй, только А.Ф. Лосев. Но элементы этой методологии, хотя не всегда четко систематизированные, есть у всех представителей русской философии всеединства. Во многом эта методология возведения начал ко всеединству и была детально прослежена и представлена в «Логике всеединства».

Идея развития в работе Л.С. Выготского «Мышление и речь»

Прояснив в некоторой мере вопрос с процессом развития и используя его первые выражения средствами ПМО, обратимся к элементам философии и логики развития в истории отечественной науки. Тема, конечно, необъятная, и

для начала рассмотрим одну из школ, а именно, так называемую культурно-историческую психологическую школу, представленную именами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и др. В определенном смысле эту школу удобно исследовать в связи с тем, что тема и идея развития была для нее центральной. Используя универсальный язык ПМО, постараемся показать параллели в методологиях развития школы и русской философии всеединства. Пока ограничимся преимущественно исследованиями Л.С. Выготского, особенно его работой «Мышление и речь»⁷.

В своем исследовании Выготский ставит следующие задачи:

«1) экспериментальное установление того факта, что значения слов развиваются в детском возрасте, и определение основных ступеней в их развитии;

2) раскрытие своеобразного пути развития научных понятий ребенка по сравнению с его спонтанными понятиями и выяснение основных законов этого развития;

3) раскрытие психологической природы письменной речи как самостоятельной функции речи и ее отношения к мышлению;

4) экспериментальное раскрытие психологической природы внутренней речи и ее отношения к мышлению» [11, с. 38].

Таким образом, центральная тема этой работы – *развитие* мышления и речи. Об этом говорит и сам автор: «Объединяющим моментом всех этих отдельных исследований является идея развития, которую мы пытались применить в первую очередь к анализу и изучению значения слова как единства речи и мышления» [11, с. 38].

Общая структура работы представляется Выготским следующим образом:

1) разбор теории швейцарского психолога Жана Пиаже как наиболее продвинутой теории в данной области, критика этой теории;

2) представление своей теории в разных аспектах: «вторая часть нашего исследования посвящена теоретическому анализу основных данных о развитии мышления и речи в филогенетическом и онтогенетическом плане. <...> Центр нашего исследования занимает экспериментальное изучение развития понятий в детском возрасте, которое распадается на две части»⁸:

2.1) «в первой – мы рассматриваем развитие экспериментально образованных, искусственных понятий»;

2.2) «во второй – пытаемся изучить развитие реальных понятий ребенка»⁹;

3) представление своей теории в целом: «в заключительной части нашей работы мы пытаемся подвергнуть анализу на основе теоретических и экспери-

⁷ Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Изд-во АСТ: Кладезь, 2023. 576 с. [11].

⁸ Там же.

⁹ Там же.

ментальных исследований строение и функционирование процесса речевого мышления в целом»¹⁰.

Признавая заслуги теории Пиаже в создании науки о развитии мышления ребенка, Выготский в то же время отмечает и множество ее недостатков, главным из которых является, с его точки зрения, неправильная трактовка Пиаже феномена эгоцентрической речи ребенка – для самого себя, когда в речи он обращается не к другим, а к себе. Если Пиаже рассматривает эгоцентрическую речь как промежуточный этап перехода от аутистической к социальной речи, то Выготский видит в феномене эгоцентрической речи переход к формированию внутренней речи ребенка и приводит для этого множество обоснований.

В общем случае это достаточно широкая тема, требующая самостоятельного исследования. Пока же отметим ту главную методологию, которую использует Выготский для выражения развития.

Во-первых, Выготский выделяет в качестве главной единицы исследования мышления и речи *значение слова*. Это особое образование, которое является минимальным делением мыслящей речи, еще сохраняющим все ее особенности. В нем мысль и речь образуют некое дифференцированное единство – подобно молекуле воды, когда есть единство атомов водорода и кислорода, но уже обладающее принципиально иными качествами, чем эти отдельные атомы.

Во-вторых, Выготский ставит и во многом решает задачу обоснования и демонстрации *развития* значения слова. Последнее не есть застывшая конструкция, но динамическое образование, находящееся в становлении и развитии.

Как и Соловьев, Выготский проводит в определенной мере критику отвлеченных начал представлений предшествующих ему школ о связи слова и значения. Он выделяет такие школы, как ассоциативную, Вюрцбургскую школу и новую, в то время структуралистскую школу. В каждой из них он находит свои особенности: в выражении связи слова и значения и в ограниченности такого выражения. В ассоциативной школе эта связь чисто внешняя (как между пальто и человеком, кому оно принадлежит). Вюрцбургская школа разрывает вообще связь слова и значения, понимая последнее как платоновскую идею. В структуралистской школе делается шаг вперед в утверждении связи слова и значения как связи структурной, но эта структурность понимается слишком неспецифично – как структурная связь двух вещей, например банана и палки, которой обезьяна пытается достать этот банан. И все эти подходы одинаково ограничивают развитие значения слова моментом его образования – начало развития оказывается здесь его же концом, и подлинного развития не получается.

Л.С. Выготский пишет: «Открытие непостоянства и неконстантности, изменчивости значений слов и их развития представляет собой главное и основное открытие, которое одно только и может вывести из тупика все учение о мышлении и речи. Значение слова неконстантно. Оно изменяется в ходе развития ре-

¹⁰ См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. С. 576.

бенка. Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли. Оно представляет собой скорее динамическое, чем статическое образование. Установление изменчивости значений сделалось возможным только тогда, когда была определена правильно природа самого значения. Природа его раскрывается прежде всего в обобщении, которое содержится как основной и центральный момент во всяком слове, ибо всякое слово уже обобщает» [11, с. 481].

Выготский приходит к выводу, что все три школы отрицают значение слова как обобщения. Обозначим условие этого отрицания как O^* , а значение слова как модус через Z . Тогда все три школы берут модус Z как его моду $Z \downarrow O^*$, и потому все три отрицают не только значение слова, но и его развитие. В то же время каждая школа добавляет свою модальность в моду $Z \downarrow O^*$, порождая моды второго порядка. Ассоциативная школа утверждает простую формальную связь между словом и его значением. Обозначив условие понимания связи слова и его значения как чисто формальную связь в виде Φ , получим понимание значения слова у ассоцианистов как моды второго порядка $Z \downarrow O^* \downarrow \Phi$. Для Вюрцбургской школы получим моду $Z \downarrow O^* \downarrow И$, где $И$ – условие понимания значения слова как платоновской идеи. Наконец, в структуралистской школе имеем моду второго порядка $Z \downarrow O^* \downarrow Н$, где $Н$ – условие понимания связи слова и значения как неспецифической структурности.

Обнажая все эти модальности второго порядка, Выготский показывает, что них для всех одинаково присуща мода первого порядка $Z \downarrow O^*$ – отрицания значения слова как обобщения, и свою заслугу он видит в понимании значения слова именно как обобщения, причем обобщения динамического и способного к развитию в переходе к противоположной моде $Z \downarrow O$. Моды $Z \downarrow O^*$ и $Z \downarrow O$ являются в данном случае не последовательными, а параллельными.

Таким образом, хотя и с некоторыми особенностями, но и у Выготского, как у Соловьева, мы видим близкие к критике отвлеченных начал процедуры восхождения от более условных состояний к более безусловным состояниям того или иного начала, а также порождение одних начал другими. Только Соловьев работает с началами высокого уровня общности (Абсолютное и его модальности), в то время как Выготский реализует свой подход на более эмпирическом и частном материале, но, как видим, с использованием той же универсальной методологии.

Итак, главное – понять, что значение слова есть тот или иной вид обобщения и это обобщение может развиваться, принимая все более развитые формы. Посмотрим теперь, какие же этапы развития значения слова выделяет Выготский. Конечно, это также достаточно широкая тема, остановимся здесь только на одной зарисовке.

Л.С. Выготский пишет: «Известно, что внешняя сторона речи развивается у ребенка от слова к сцеплению двух или трех слов, затем к простой фразе и к сцеплению фраз, еще позже – к сложным предложениям и к связной, состоя-

щей из развернутого ряда предложений речи. Ребенок, таким образом, идет в овладении фазической стороной речи от частей к целому. Но известно также, что по своему значению первое слово ребенка есть целая фраза – односложное предложение. В развитии семантической стороны речи ребенок начинает с целого, с предложения, и только позже переходит к овладению частными смысловыми единицами, значениями отдельных слов, расчлняя свою слитную, выраженную в однословном предложении мысль на ряд отдельных, связанных между собой словесных значений. Таким образом, если охватить начальный и конечный момент в развитии семантической и фазической сторон речи, можно легко убедиться, что это развитие идет в противоположных направлениях. Смысловая сторона речи развивается от целого к части, от предложения к слову, а внешняя сторона речи идет от части к целому, от слова к предложению» [11, с. 484].

Таким образом, Выготский выделяет фазическую и смысловую (семантическую) стороны речи, развитие которых идет в противоположных направлениях: если фазическая сторона развивается индуктивно – от частей к целому, то семантическая – дедуктивно, от целого к частям. Но и в первом случае части сохраняются в составе растущего целого, и во втором случае целые продолжают сосуществовать наряду со все более дифференцированными частями.

Целое – это вид единого E , части – вид многого M . В обоих случаях развитие идет в сторону целого с частями, т.е. в направлении единства единого и многого, т.е. многоединого ME . Многое M – условное бытие многоединого ME , что можно обозначить в следующем виде:

$$M = ME \downarrow_m,$$

где m – условия ограничения многоединого до многого.

Аналогично, единое E – условное бытие многоединого ME :

$$E = ME \downarrow_e,$$

где e – условия ограничения многоединого до единого.

В итоге фазическая сторона речи развивается в направлении от M к ME , что можно представить в виде

$$ME = M \uparrow_{m^*},$$

где m^* – условия расширения многого до многоединого.

Семантическая сторона речи, наоборот, развивается от единого к многоединому:

$$ME = E \uparrow_{e^*},$$

где e^* – условия расширения единого до многоединого.

В итоге на этом примере мы видим случай развития как восхождения от более условного бытия к более безусловному. Язык ПМО позволяет нам единообразно выразить как методологию синтеза в русской философии всеединства, так и методологию развития в конкретной работе и исследованиях Л.С. Выготского. Можно предполагать, что аналогичные структуры развития мы найдем не только у основателя культурно-исторической школы, но и у его

последователей. Это, конечно, направление целой научно-исследовательской программы, далее ограничимся только одной иллюстрацией в обосновании этой гипотезы.

Мыследеятельностный подход в образовании как выражение идеи развития

Один из авторов данной статьи развивает деятельностный подход в новой научной области – образовании, опираясь на принципы и идеи культурно-исторической школы. В частности, впервые представлена целостная модель деятельности субъекта и условия развития у него деятельностного мышления, его мыследеятельности, разработанные в контексте психологической теории деятельности и культурно-исторической концепции усвоения субъектом социального опыта, которые были созданы классиками отечественной психолого-педагогической школы XX века (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин и др.) в МГУ имени М.В. Ломоносова. Они выступили методологической основой разработанной концепции развития отечественного образования, в соответствии с концептуальными положениями которой описаны характеристики, структура и содержание любой выполняемой человеком деятельности; показана связь внешней деятельности с мыслительной деятельностью и отличие мыследеятельности от мыслительного процесса; раскрыты знаково-символические средства моделирования мыслительной деятельности; представлены технология и психолого-дидактические средства развития деятельностного мышления; описаны оценочные средства диагностики у субъекта деятельностного мышления; представлены примеры моделей деятельностного мышления субъекта на материале разных сфер деятельности человека¹¹.

В психологической теории деятельности выделяются следующие компоненты в структуре деятельности: *деятельность – действие – операция*¹².

Деятельность – это система действий, отвечающих определенному мотиву. *Действие* является структурной единицей деятельности. Каждое действие направлено на достижение отчетливо осознаваемого промежуточного результата, т. е. *цели*. Если *мотив* отвечает на вопрос, *ради чего* осуществляется деятельность, то *цель* отвечает на вопрос, *что должно быть получено* в ходе конкретного акта. Итак, мотив побуждает деятельность, а цель направляет ее. *Операция* – это структурная единица действия, способ его осуществления. То или иное действие может быть реализовано разными операциями. Вместе с тем одна и та же операция может входить в разные действия.

¹¹ См.: Коломиец О.М. Концепция преподавательской деятельности в контексте компетентностно-деятельностного подхода // Вестник Московского педагогического государственного университета. 2017. № 1. С. 82–92 [12].

¹² См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с. [13].

Системный и деятельностный подходы к образованию открывают новое видение структуры и содержания деятельности. Любая деятельность, выполняемая человеком (за исключением строго «исполнительской»? по инструкции или предписанию), имеет всеобщие основы – свои структурные этапы и содержание, которые можно описать понятийными аппаратами деятельностного и системного подходов¹³.

Структурные этапы деятельности – это ориентировочный, планирующий, исполнительский этапы, затем – этапы самоконтроля, самооценки, самокоррекции и рефлексии.

Компоненты содержания деятельности включают в себя определение цели, построение предмета, подбор технологии, методов и способов, средств, форм деятельности, выделение в ней действий и операций, определение продукта и результата деятельности.

В итоге возникают как бы два измерения структуры и содержания деятельности – по этапам и компонентам, что удобно представить в виде таблицы, строки которой выражают этапы, а столбцы – компоненты содержания деятельности (рис. 3). Перед совершением деятельности во «внешнем материальном плане» субъект сначала проектирует ее в «умственном, психическом плане»¹⁴, формируя осознанное совершение деятельности, более глубоко постигая и реализуя ее структуру. Подобное структурное погружение субъекта в деятельность и должно лежать в основе мыследеятельностного подхода к обучению.

Например, на первом, *ориентировочном* этапе субъект проводит ориентировку в условиях предстоящей деятельности на основе анализа социально-профессиональной ситуации. Первым действием он выявляет известные данные. Вторым действием он выявляет искомое и ставит перед собой **цель** – найти это искомое. В третьем действии субъект переходит к построению **предмета** деятельности, который представляет собой *целостность всех факторов, на которую субъект должен постоянно ориентироваться «в уме» в процессе выполнения деятельности*. Построение **предмета** деятельности выполняется на основе установления всевозможных *связей* между искомыми, известными данными и скрытыми условиями. В случае, когда исходная ситуация (бытовая, учебная, социальная и др.) скудна по количеству данных, этот процесс может выполняться в два этапа: на первом этапе начинается построение **предмета** деятельности на основе связей между искомыми и известными, на втором этапе достраивается новыми связями между искомыми и скрытыми, а также известными и скрытыми¹⁵.

¹³ См.: Коломиец О.М. Модель преподавательской деятельности в контексте психологической теории усвоения социального опыта // Педагогический журнал. 2018. № 2. С. 24–255 [14].

¹⁴ См.: Коломиец О.М. Развитие деятельностного мышления у субъекта образовательного процесса: учеб. пособие. М.: ИД «Развитие образования», 2020. 134 с. [15].

¹⁵ Там же.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мотив субъекта деятельности

Компоненты содержания	Цель	Предмет	Метод. способ, технология, методика	Средства			Формы	Другие условия	Действия и операции	Продукт		Результат
				техническое	дидактическое	методическое				целевой - побочный	идеальный: знания, умения, навыки	
Структурные этапы												
I	ОРИЕНТИРОВОЧНЫЙ											
II	ПЛАНИРУЮЩИЙ											
III	ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ											
IV	САМОКОНТРОЛЬ											
V	САМООЦЕНКА											
VI	САМОКОРРЕКЦИЯ											
VII	РЕФЛЕКСИЯ											

Рис. 3. Форма таблицы, выражающей основные этапы и сдержательные компоненты деятельности

Аналогично выстраиваются и другие этапы деятельности, раскрывая тем самым ее полную подробную структуру как некоторого *мыследеятельностного многоединства*, восстанавливаемого субъектом в процессе самоорганизации новой деятельности в новых условиях ее основных элементов. Это позволяет субъекту обучения гораздо более глубоко и самостоятельно погрузиться в структуру осваиваемой деятельности, прожить и промыслить ее изнутри и извне, осмыслить, прочувствовать и отрефлексировать, включая все активные ресурсы личности.

И в этом проявляется все тот же метод восхождения ко всеединству, который являлся центральным в философии всеединства и так ярко прозвучал в методологии Л.С. Выготского.

Средствами ПМО представленная табличная структура деятельности может быть выражена следующим образом.

Двум измерениям таблицы сопоставляем два вида ограничивающих условий (моделей) – этапные Э (строки) и компонентные К (столбцы). Этими условиями ограничивается деятельность Д как многоединство (деятельностное многоединство), т.е. получаем $D \downarrow \mathcal{E}$ – строки таблицы, $D \downarrow K$ – ее столбцы.

Далее более тонкая дифференциация этапов может быть обозначена, например, римскими цифрами: $D \downarrow \mathcal{E}_I$ – этап ориентировки, $D \downarrow \mathcal{E}_{II}$ – планирующий этап и т.д.

4. Моисеев В.И. От логики всеединства к философии неовсеединства // Материалы междунауч. науч. конф. «Философия В.С. Соловьёва в межкультурной коммуникации: к 110-летию со дня смерти В.С. Соловьёва и 20-летию праведной кончины протоиерея Александра Меня», 23–25 сентября 2010 г. Иваново, 2010. С. 86–90.
5. Моисеев В.И. Логика открытого синтеза: в 2 т. Т. 1. Структура. Природа. Душа. Кн. 1. СПб.: ИД «Мирь», 2010. 744 с.
6. Моисеев В.И. Логика открытого синтеза: в 2 т. Т. 1. Структура. Природа. Душа. Кн. 2. СПб.: ИД «Мирь», 2010. 743 с.
7. Моисеев В.И. Человек и общество: образы синтеза. В 2 т. Т. 1. М.: ИД «Навигатор», 2012. 711 с.
8. Моисеев В.И. Человек и общество: образы синтеза. В 2 т. Т. 2. М.: ИД «Навигатор», 2012. 759 с.
9. Моисеев В.И. Очерки по философии неовсеединства: Опыт математического прочтения философии. Аксиология. Логика. Феноменология. М.: ЛЕНАНД, 2018. 632 с.
10. Соловьёв В.С. Три силы: Публ. чтение Владимира Соловьёва. М.: Унив. тип., 1877. 16 с.
11. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Изд-во АСТ : Кладезь, 2023. 576 с.
12. Коломиец О.М. Концепция преподавательской деятельности в контексте компетентностно-деятельностного подхода // Вестник Московского педагогического государственного университета. 2017. № 1. С. 82–92.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
14. Коломиец О.М. Модель преподавательской деятельности в контексте психологической теории усвоения социального опыта // Педагогический журнал. 2018. № 2. С. 242–255.
15. Коломиец О.М. Развитие деятельностного мышления у субъекта образовательного процесса: учеб. пособие. М.: ИД «Развитие образования», 2020. 134 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Critics of abstract principles], in *Sochineniya Vladimira Solov'eva* [The writings of Vladimir Solovyov]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1880, XIV, pp. 3–435.

Individual Works

2. Kolomiets, O.M. *Razvitiye deyatel'nostnogo myshleniya u sub'ekta obrazovatel'nogo protsessa* [The development of activity-based thinking in the subject of the educational process]. Moscow: ID "Razvitiye obrazovaniya", 2020. 134 p.
3. Leont'ev, A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p.
4. Solov'ev, V.S. *Tri sily: Publichnoe chtenie Vladimira Solov'eva* [Three Forces: A Public Reading by Vladimir Solovyov]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1877. 16 p.
5. Vygot'skiy, L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: AST: Kladez', 2023. 576 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. Kolomiets, O.M. Model' prepodavatel'skoy deyatel'nosti v kontekste psikhologicheskoy teorii usvoeniya sotsial'nogo opyta [The model of teaching activity in the context of the psychological theory of assimilation of social experience], in *Pedagogicheskiy zhurnal*, 2018, no. 2, pp. 242–255.

7. Moiseev, V.I. Russkaya filosofiya vseedinstva kak proobraz integral'noy nauki [The Russian Philosophy of Allunity as a prototype of integral Science], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 3(83), pp. 38–48.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

8. Kolomiets, O.M. Kontsepsiya prepodavatel'skoy deyatelnosti v kontekste kompetentnostno-deyatelnostnogo podkhoda [The concept of teaching in the context of a competence-based approach], in *Vestnik Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 1, pp. 82–92.

9. Moiseev, V.I. Ot logiki vseedinstva k filosofii neovseedinstva [From the logic of allunity to the philosophy of neo-allunity], in *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Filosofiya V.S. Solov'eva v mezhdunarodnoy kommunikatsii: K 110-letiyu so dnya smerti V.S. Solov'eva i 20-letiyu pravednoy konchiny protoiereya Aleksandra Menya»* [Materials of the international scientific conference “Philosophy of V.S. Solovyov in intercultural communication: To the 110th anniversary of the death of V.S. Solovyov and the 20th anniversary of the righteous death of Archpriest Alexander Men’ ”]. Ivanovo, 2010, pp. 86–90.

(Monographs)

10. Moiseev, V.I. *Ocherki po filosofii neovseedinstva: Opyt matematicheskogo prochteniya filosofii. Aksiologiya. Logika. Fenomenologiya* [Essays on the philosophy of Neo-AllUnity: The experience of mathematical reading of philosophy. Axiology. Logic. Phenomenology]. Moscow: LENAND, 2018. 632 p.

11. Moiseev, V.I. *Chelovek i obshchestvo: obrazy sinteza v 2 t., t. 1* [Man and society: images of synthesis in 2 vols., vol. 1]. Moscow: ID «Navigator», 2012. 711 p.

12. Moiseev, V.I. *Chelovek i obshchestvo: obrazy sinteza v 2 t., t. 2* [Man and society: images of synthesis in 2 vols., vol. 2]. Moscow: ID «Navigator», 2012. 759 p.

13. Moiseev, V.I. *Logika otkrytogo sinteza: v 2 t. T. 1. Struktura. Priroda. Dusha. Kn. 1* [The logic of open synthesis in 2 vols. Vol. 1. Structure. Nature. Soul. Book 1]. Saint-Petersburg: ID «Mir"», 2010. 744 p.

14. Moiseev, V.I. *Logika otkrytogo sinteza: v 2 t. T. 1. Struktura. Priroda. Dusha. Kn. 2* [The logic of open synthesis in 2 vols. Vol. 1. Structure. Nature. Soul. Book 2]. Saint-Petersburg: ID «Mir"», 2010. 743 p.

15. Moiseev, V.I. *Logika vseedinstva* [Logic of Allunity]. Moscow: PER SE, 2002. 415 p.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

УДК 93/94:14
ББК 87.3(2)61-718

Василий Львович Черноперов

Ивановский государственный университет, Институт гуманитарных наук, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Россия, Иваново, e-mail: vlchernoperov@rambler.ru

Сергей Михайлович Усманов

Ивановский государственный университет, Институт гуманитарных наук, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Россия, Иваново, e-mail: orvozi@rambler.ru

К истории одной неудачи: о сборнике евразийцев «Россия и латинство»

Аннотация. Рассматриваются замысел, история появления и содержание сборника евразийцев «Россия и латинство». Отмечается, что данное издание, хотя и не привлекает к себе значительного внимания исследователей, представляет собой очень показательный и поучительный опыт самоопределения евразийцев между Востоком и Западом. С использованием подходов философской компаративистики, истории идей историко-генетического метода и элементов когнитивно-семантического анализа изучается история идей евразийцев. Выделяются практические мотивы Николая Трубецкого и других организаторов евразийского движения в подготовке сборника, их заинтересованность в противодействии плану Римско-католической Церкви в России. Выявляются два основных слоя в смысловом наполнении сборника: первый из них составляют полемические антилатинские тексты П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского и Н.С. Трубецкого; второй – справочно-аналитические тексты П.М. Бицилли, Г.В. Вернадского, А.В. Карташева, Г.В. Флоровского и В.Н. Ильина. Первая группа авторов рассматривается как полемисты, вторая – как комментаторы. Значительное внимание уделяется рецензии на сборник евразийцев известного философа Зарубежья И.А. Ильина, а также выяснению причин столь благожелательного отношения философа к данному сборнику. Констатируется как практическая, так и концептуальная неудача сборника «Россия и латинство», поскольку в оптике евразийцев профиль «латинства» оказался очень смутным. В качестве причин этой неудачи указываются не только поспешность в подготовке сборника, связанная с конъюнктурными мотивами, но и недостаточная готовность евразийцев к изучению и интерпретации духовного и культурного опыта христианского Запада.

Ключевые слова: русское зарубежье, евразийство, латинство, философская компаративистика

Vasily Lvovich Chernoperov

Ivanovo State University, Institute of Humanities, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Universal History and International Relations, Russia, Ivanovo, e-mail: vlchernoperov@rambler.ru

Sergey Mikhailovich Usmanov

Ivanovo State University, Institute of Humanities, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Universal History and International Relations, Russia, Ivanovo, e-mail: orvozi@rambler.ru

Towards a Story of one Failure: about the collection of Eurasians “Russia and Latinism”

Annotation. The idea, the history of the appearance and the content of the collection of Eurasians “Russia and Latinism” are considered. It is noted that this publication, although it does not attract significant attention from researchers, is a very revealing and instructive experience of self-determination of Eurasians between East and West using approaches of philosophical comparative studies, the history of ideas of the historical-genetic method and elements of cognitive-semantic analysis, the history of ideas of Eurasians is studied. The author highlights the practical motives of Nikolai Trubetskoy and other organizers of the Eurasian movement in preparing the collection, as well as their interest in countering the plans of the Roman Catholic Church in Russia. Two main layers in the semantic content of the collection are identified: the first of them consists of polemical anti-Latin texts by P.N. Savitsky, P.P. Suvchinsky and N.S. Trubetskoy; the second is the reference and analytical texts by P.M. Bitsilli, G.V. Vernadsky, A.V. Kartashev, G.V. Florovsky and V.N. Ilyin. The first group of authors is considered as polemicists, the second – as commentators. Considerable attention is paid to the review of the collection of Eurasians by the famous philosopher Abroad I.A. Ilyin, as well as to the clarification of the reasons for such a favorable attitude of the philosopher to this collection. Both the practical and conceptual failure of the collection “Russia and Latinism” is stated, since in the optics of the Eurasians the profile of “Latinism” turned out to be very vague. The reasons for this failure include not only the haste in preparing the collection due to opportunistic motives, but also the lack of willingness of Eurasians to study and interpret the spiritual and cultural experience of the Christian West.

Key words: Russian diaspora, Eurasianism, Latinism, philosophical comparativism

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.080-093

Введение

Евразийство представляет собой крупное интеллектуальное и общественно-политическое явление Русского зарубежья после Первой мировой войны. Его опыт самоопределения между Востоком и Западом вызвал многочисленные отклики в русской эмиграции. Мало того, наследие евразийцев до сих пор оказывает влияние на социально-политические трансформации, происходящие на постсоветском пространстве.

Между тем в развитии данного движения существует один немаловажный этап, который не очень хорошо известен и недостаточно исследован.

Мы имеем в виду такой проект евразийцев, как сборник «Россия и латинство»². Он вышел в Берлине на русском языке в 1923 г. Это было издание, подготовленное евразийцами, хотя таковым оно и не было обозначено. Отчасти и по этой причине книга «Россия и латинство» нечасто упоминается исследователями евразийства.

Только совсем недавно самарский исследователь В.Ю. Быстряков выпустил статью, специально посвященную сборнику «Россия и латинство»³. Как он отмечает, этот сборник оказался в итоге у евразийцев единственным изданием, посвященным религиозным вопросам, несмотря на то что и для движения в целом, и для отдельных евразийцев они имели достаточно важное значение. Для сборника характерна ярко выраженная антикатолическая позиция, в отличие от манифестов евразийцев 1926 и 1927 гг., где основное внимание было уделено религиозному развитию собственно Евразии, а не противостоянию католицизму⁴. Самарский исследователь делает вывод: «Два ключевых тезиса лежали в основе евразийской идеологии – это антизападничество и особый путь России-Евразии. На заре существования движения контуры и границы евразийской цивилизации еще только формировались, поэтому в интеллектуальном поле преобладал первый из них. Сборник стал ярким воплощением антизападнического вектора евразийства, однозначно заявив о негативной роли важнейшего признака западной цивилизации – Католической Церкви» [2, с. 229–230].

В контексте нашей темы заслуживают внимания также некоторые наблюдения и соображения петрозаводского исследователя А.В. Антощенко об участии в евразийских сборниках А.В. Карташова и П.М. Бицилли. Как полагает ученый из Петрозаводска, Карташев был связан с представителями эмиграции, которые имели модернистский подход к православной традиции, в то время как евразийцы имели в этом плане охранительные устремления⁵. Что же касается участия в том же сборнике П.М. Бицилли и отчасти Г.В. Флоровского, это, по мнению А.В. Антощенко, было обусловлено их общими представлениями об индивидуальном, личном творчестве как главном двигателе развития культуры. Взгляды Бицилли оказались близки взглядам Флоровского, разошедшего со своими бывшими не столько единомышленниками, сколько близкими по «катастрофическому мироощущению» друзьями, в работах которых, говоря словами Флоровского, была «правда вопросов», но не оказалось «правды ответов»⁶.

Очень высоко оценивал сборник «Россия и латинство» умерший в 2003 г. петербургский литературовед Ю.К. Герасимов: «По значимости и

² Россия и латинство. Берлин: Склад изд. Книготорговое АО Логос. 1923. 218 с. [1].

³ Быстряков В.Ю. Сборник «Россия и латинство» в истории евразийского движения // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 1. С. 210–235 [2].

⁴ Там же. С. 211.

⁵ См.: Антощенко А.В. А.В. Карташев и евразийцы // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 122 [3].

⁶ См.: Антощенко А.В. П.М. Бицилли и евразийцы: разные взгляды на культуру // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 80 [4].

уровню обсуждения этих вопросов (отношений между христианами Запада и Востока – В.Ч., С.У.) сборник “Россия и латинство” может быть поставлен следом за такими явлениями национального самосознания, как “Россия и Европа” Н.Я. Данилевского и “Европа и Человечество” Н.С. Трубецкого. По направленности сборник глубоко полемичен в отношении к российским прокатолическим критикам православия, в первую очередь к Вл. Соловьеву и его продолжателям. Сборник, в частности, явился ответом на замысел Вл. Соловьева (лишь частично выполненный) критически рассмотреть антикатолическую мысль XIX века. Однако в открытую полемику с Вл. Соловьевым евразийцы вступали редко, при том, что их отдельные принципиальные замечания говорили о проводившейся евразийской мыслью переоценке наследия Вл. Соловьева» [5, с. 165].

Среди зарубежных ученых-исследователей евразийства стоит выделить работу Марлен Ларюэль⁷. В своей книге о евразийстве французская исследовательница отмечает в сборнике «Россия и латинство» узнаваемые положения негативного отношения Православной Церкви к католицизму.⁸ Рассматривая ту же проблематику, швейцарский лингвист Патрик Серио подчеркивает своеобразие именно мышления евразийцев. По его наблюдениям, в основе концепции культуры евразийцев лежит великая метафора, восходящая к немецкому романтизму: нации подобны человеческим личностям. Именно этот параллелизм нации и личности позволяет отказаться от любой универсальной культуры. В связи с этим П. Серио считает закономерным, что евразийцы не выступали за какую-либо передачу духовных и культурных ценностей: в сборнике «Россия и латинство» Николай Трубецкой не предлагает проповедовать православие католикам, он только утверждает естественный (исторический) характер противостояния между этими двумя сторонами христианства, причем вплоть до Страшного Суда⁹.

Как видим, мнения исследователей о сборнике «Россия и латинство» очень неоднозначны и по ним непросто составить определенное представление о данном начинании евразийцев.

Замысел и подготовка сборника

Насколько можно судить по имеющимся данным, сборник «Россия и латинство» не был каким-то основательным проектом руководителей евразийского движения. Замысел этого сборника возник спонтанно как ответ на определенные политические события. Весной 1922 г. в ходе Генуэзской конференции стало известно о контактах Ватикана с представителями Советской власти.

⁷ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. 287 с. [6].

⁸ Там же. С. 80.

⁹ См.: Seriot Patrick. La double vie de Troubetzkoy, ou la clôture des systems // Le Gré des langues. 1993. № 5. P. 92 [7].

Влиятельные круги российской эмиграции сразу же увидели в этом не только прямую угрозу интересам той будущей России, которая восстановится после падения большевиков, но и возможный ущерб для Православной Церкви. Так что бывший министр вероисповеданий Временного правительства Антон Владимирович Карташев по этому поводу даже подписал открытое письмо от имени возглавляемого им Русского национального комитета Римскому папе Пию XI, в котором осуждались контакты Святого престола с большевиками¹⁰.

Такого рода сведения вызвали озабоченность и у евразийцев. И они решились составить сборник, направленный против римо-католиков.

Не вызывало сомнений участие в сборнике лидеров и основателей евразийцев – Николая Трубецкого, Петра Савицкого и Петра Сувчинского. Конечно, ожидалось и обсуждалось сотрудничество Георгия Флоровского. Но с возможностями участия других авторов возникали сложности. А такие участники были нужны, поскольку Трубецкой был по своей подготовке лингвистом, Савицкий – географом, Сувчинский – музыковедом, а Флоровский – историком философии (богословом он станет позднее). Следовательно, евразийцам, чтобы полемизировать с римо-католиками, были нужны богословы и церковные историки. Историка они приобрели в лице Георгия Владимировича Вернадского, сына известного ученого Владимира Ивановича Вернадского, приехавшего в Прагу в 1922 г. Куда сложнее было с богословами. В итоге состав и содержание планируемого сборника оказались не такими, как первоначально планировались.

В частности, П.Н.Савицкий договорился об участии в сборнике А.В. Карташева. Был также приглашен и медиевист Павел Михайлович Бицилли, уже печатавшийся в евразийском сборнике «На путях» (1922 г.). Наконец, у евразийцев появился еще один сотрудник, Владимир Николаевич Ильин, который и позднее печатался в изданиях евразийцев.

Впрочем, подготовка сборника шла нелегко. Князь Н.С. Трубецкой и Г.В. Флоровский сомневались в соответствии текста А.В. Карташева замыслу сборника¹¹. Возникли проблемы и со статьей В.Н. Ильина. Как писал П.П. Сувчинский Г.В. Флоровскому, он отредактировал эту статью по замечаниям Савицкого, Трубецкого и Флоровского, но за ее «научность» все-таки не ручается¹². Были трудности в подготовке своего текста и у Флоровского. 1 февраля 1923 г. он сообщал Н.С. Трубецкому, что отправил П.П. Сувчинскому свою статью «Два Завета», которую окончил «с превеликим надрывом» и то только «в порядке послушания»¹³.

¹⁰ См.: Антощенко А.В. О соединении Церквей: тезисы А.В. Карташева // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2020. Т. 7, № 3(27). С. 150 [8].

¹¹ См.: Переписка Н.С. Трубецкого с Г.В. Флоровским / публ. А.Е. Климова и М. Байссвенгера // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2011–2012. Т. 37. С. 97 [9].

¹² См.: Письма П.П. Сувчинского Г.В. Флоровскому / публ. А.Е. Климова и М. Байссвенгера // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2011–2012. Т. 37. С. 183 [10].

¹³ См.: Переписка Н. С. Трубецкого с Г.В. Флоровским. С. 99–100.

Как бы то ни было, в начале 1923 г. сборник был закончен и под при-
смотром П.П. Сувчинского напечатан в Берлине эмигрантским книготорговым
акционерным обществом «Логос». Деньги на издание были получены от одно-
го из представителей русской эмиграции барона Александра Владимировича
Меллера-Закомельского. Заметим, что по предложению Г.В. Вернадского в
названии сборника слово «католичество» было заменено на «латинство», так
как термин «кафолический» имеет значение «вселенский», которое соотносит-
ся к Православной Церкви¹⁴.

Обличители и комментаторы

По своему содержанию и стилю сборник «Россия и латинство» довольно
отчетливо распадается на два слоя, две хорошо отличимые группы. Первая
группа – это вступительная статья П.Н. Савицкого, а также статьи
П.П. Сувчинского и Н.С. Трубецкого. Эти авторы являлись основателями
евразийского движения, тесно общавшимися между собой. И по своей тональ-
ности статьи лидеров евразийцев очень похожи, так как представляют собой
антилатинские памфлеты.

Вторая группа – это все остальные статьи (П.М. Бицилли, Г.В. Вернад-
ского, А.В. Карташева, Г.В. Флоровского и В.Н. Ильина). По форме они более
сдержанны. Пожалуй, более всего они напоминают комментарии к поставлен-
ной основателями евразийцами теме. Такие комментарии кажутся подчас жи-
выми и весьма выразительными, как у Г.В. Вернадского, иногда же – несколько
избыточными, как у П.М. Бицилли и В.Н. Ильина. А статья Г.В. Флоровского
зачастую приближается по форме к старомодной проповеди.

Вводная статья П.Н. Савицкого имеет отчасти пояснительный характер и
содержит указания на то, что догматически-богословские и специально-
исторические задачи не входят в число «заданий сборника»¹⁵. В этой связи ав-
тор предисловия убеждает читателей: «Не многомудрием учености, не избыт-
ком знаний, тяготеющих к внешнему выражению, не новизною теорий и по-
строений – *но движением сердца* внушена мысль предлагаемого собрания ста-
тей» [1, с. 10]¹⁶. Тут же П.Н. Савицкий называет главными противниками Пра-
вославной Церкви в России большевизм и латинство, которые в историческом
и эмпирическом отношении «суть соратники и союзники» (с. 11). Впрочем, он
признавал, что «религиозно и внутренне» латиняне не тождественны с больше-
виками. Тем не менее стремление к «соединению церквей» есть для них «под-
линный *соблазн* единения». И все же, продолжает П.Н. Савицкий, «вся мера
заблуждений латинян не может помешать нам посылно стремиться к едине-

¹⁴ См.: Быстряков В.Ю. Сборник «Россия и латинство» в истории евразийского движения. С. 222.

¹⁵ См.: В.Н. Ильин. Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 10.

¹⁶ Далее в тексте статьи ссылки на этот источник даются в круглых скобках с указанием только страниц.

нию с ними во Христе» (с. 12–13). Завершается вступительная статья весьма определенным выводом: «Знаем и верим: в соотношении Православия и латинства, не внешнее благополучие латинства, но страстной путь Православия есть знак предстоящего, по произволению Божию, благодатного и великого просветления...» (с. 14–15).

Пространная статья П. Сувчинского выделяется в сборнике своей риторичностью. В ней немало витиеватых мыслей и довольно тяжеловесных формулировок («борствующая Россия», «позвоночник Духа», «религиозное самонахождение России», «период обновленного основоположения будущей культуры» и т.д.). Автор исходит из того, что «в настоящее время во всей силе приложены к России идеи, принципы и методы Запада, и в том числе господство духа слепой человеческой гордыни» (с. 32). В этих условиях «усилившаяся католическая пропаганда может рассчитывать в России на успех, ибо нынешняя русская возбужденность духа и религиозная растерянность – носят характер болезненной восприимчивости» (с. 33). Поэтому П.П. Сувчинский очень определенно заключает: «Веры в бескорыстие Католичества – у православных нет и, до перерождения самой сущности и всей практики Западной Церкви, – доверия к нему обнаружено быть не может» (с. 34).

Н.С. Трубецкой исходил из того, что существование нескольких христианских Церквей являлось величайшим соблазном для верующих, тем более что враги Церкви, а особенно социалисты, стараются использовать в своих интересах разделение христиан.

Н.С. Трубецкой стремился опровергнуть довольно распространенное мнение о том, что «разделения церквей никогда не было, а произошла лишь ссора римского папы с цареградским патриархом на почве уязвленного честолюбия и властолюбия» (с. 127). На самом деле, пишет Н.С. Трубецкой, «разделение церквей есть непререкаемый факт. Для существования единой Церкви недостаточно одного умопостигаемого единства, нужна реальная общая жизнь. А этой общей жизни нет» (с. 127–128). Переходя к обсуждению возможного объединения христиан, автор утверждает, что соединение Церквей с помощью капитуляции или компромиссов может привести только к унии, то есть созданию еще одной Церкви, наряду с которой продолжат свое существование и старые конфессии, создание унии увеличит «многоцерковность» и ослабит христианство: «Истинное соединение Церквей не может быть достигнуто только человеческими средствами, а должно совершиться путем Божественного Промысла в порядке чуда» (с. 137).

Таков был настрой «обличителей». Теперь рассмотрим статьи «комментаторов».

Статья П.М. Бицилли представляет собой огромную справку в шести главах об истории Римской Церкви и ее состоянии в начале XX века. Все же она сгодилась для сборника, свидетельство чему – последнее ее предложение, имеющее критический характер по отношению к «латинству»: «офици-

альная католическая Церковь утратила способность различения того, что живо, от того, что мертво и значит умерла не только “для мира”, но и для самой себя» (с. 79).

Объемной является и статья Г.В. Вернадского об опыте заключения унии Римской Церкви и православных. Историк начинает с констатации факта так называемого «разделения Церквей» в XI столетии. Далее Г.В. Вернадский продолжает: «Церковь единая, конечно, существует и после этого до сего дня – невидимо для всех, но видимо для ее членов, которые верят, что она будет существовать до скончания века» (с. 80). Однако, «каким образом вновь достигнуть видимого всем несомненного, единства Церкви? Так стоит большой для верующего христианина вопрос. На этот вопрос не один раз в истории люди пытались дать посильный ответ. Ответ этот – “соединение церквей” или *уния*» (с. 80). Далее Г.В. Вернадский подробно рассматривает имеющийся опыт заключения таких уний. Вывод историка совершенно неутешительный и однозначный: «Нигде уния не была действительным “соединением” церквей; она почти всюду была или вынужденной и неискренней, или простою подготовительной ступенью для перехода в латинство» (с. 120).

Секулярную культуру Запада, увенчанную отнюдь не «христианской идиллией», а «большевистским ужасом», подчеркивает А.В. Карташев: таков плод богоотступничества и отрыва от Церкви. Вот почему время думать о «новых усилиях исторической миссии Вселенской Церкви». Вместе с тем А.В. Карташев осуждает исторический опыт уний, в том числе Флорентийской, Брест-Литовской, Сирийской, так как они «тяжелыми, саднящими и до сих пор не заживающими рубцами» прошли по телу восточной Церкви: «Вся униональная *сотериология* рождена на почве уже помраченного церковно-богословского сознания, удаленного от золотого века вселенской *эклезиологии*» (с. 143). При всем том автор утверждает, что в «подпочве духовного мира» – «Церковь невидимая», а в ней нет и никогда не было никаких разделений: «В этом глубинном единстве уже существует благодатное единство и тех “феноменов” католической Церкви, которые, по грехам человеческим и попущению Божию еще, не сподобились (а по вольному своему недостоинству могут быть и никогда не сподобиться) видимого воссоединения» (с. 147). При этом А.В. Карташев отвергает «возведение в абсолют» внешней истории не только Католической, но и Православной Церкви с исключением и той и другой из «лона католичности». Все же он признавал, что в деле соединения Церквей невозможны сговоры и акты дипломатии, поэтому все западные унии являются «безблагодатными завоеваниями церковного империализма». Они только затрудняют путь к истинному единству. И потому к объединению Церквей необходимо идти помимо уний (с. 149–151).

В сущности о том же, но в более риторическом ключе писал и Г.В. Флоровский. Он считал нужным не внешнее объединение и коалиции всех христиан, а «глубинное и преискреннее слияние в единстве веры» (с. 165). Как отме-

чает Г.В. Флоровский (и это уже было ближе к замыслу сборника), «католицизм есть обмирщенное христианство по самому духу своему и это проистекает не из слабости воли, а от искривления религиозного сознания» (с. 172). В результате, по его словам, «ветхий закон, царствовавший до благодати, остался не преодоленным в католицизме» и вера в латинстве извратилась в «лжеименный гнозис», в доказательную систему, в кодекс юридических норм (с. 172). Довершая обличение католицизма, автор, по существу, противопоставляет два Завета – закон и благодать. Первый ближе католицизму: «Замысел принудительной, автоматически-благотворной, магически-безошибочной организации во внешнем послушании общезначимой, отвлеченной норме». Второй – «завет “единства духа в союзе мира”, личного подвига и свободного дерзновения» – он относит к православию (с. 175).

О различиях католичества и православия рассуждает на материале литургии В.Н. Ильин. Его статья также очень объемная и состоит из десяти глав. Суть его подхода очень ясно показывают ключевые положения последней, десятой главы: «В самое последнее время папством, в видах пропаганды среди замученного народа русского и в стремлении использовать дело социалистической интеллигенции, обескровившей и связавшей Церковь Христову, было выдвинуто “католичество восточного обряда”. Этой гальванизацией униатского принципа оно очевидно рассчитывает пожать плоды в сфере религиозной эстетики подобно тому, как раньше (впрочем, конечно, и теперь) заставляло служить на себя мамону в его различных видах и воплощениях. Нового тут, конечно, нет ничего, и в своей политике Католицизм остается неизменно верен самому себе» (с. 218). Казалось бы, эту статью тоже можно было бы отнести к числу «обличительных», а не заносить в разряд «комментариев». Однако дело в том, что ее подавляющую часть составляют как раз изыскания и комментарии о взаимосвязи догмата, мифа и культа, причем последнему отводится основное место. Хотя, конечно, антилатинские мотивы и тут проявляют себя.

Обращает на себя внимание и то, как авторы сборника относились к работам своих предшественников по изучению поставленной ими темы. Авторами мало учитывался имеющийся опыт интерпретации избранной евразийцами проблематики. Собственно, значимых упоминаний в сборнике такого рода можно выделить только два.

Первым можно было бы назвать попытку А.В. Карташева подкрепить свой акцент на «уничуженное, немощное и греховно-человеческое» в опыте «исторических церквей»: он ссылается на «эпигона славянофильства Н.П. Аксакова», рекомендовавшего богословам «не застилать себе глаза догматом о непогрешимости Церкви, а думать больше лишь о ее “неодоленности” вратами ада» (с. 148–149).

Вторым весьма значимым упоминанием является критика Г.В. Флоровским концепции теократии Вл.С. Соловьёва. «На мирских благах, на реках млека и меда, которые потекут в мессианском царстве, делает ударение Соло-

вьев в своей униональной проповеди», – утверждает он и делает вывод, что в этом «эротическом обмане, в подсознательном предпочтении человеческого божескому корень и его латинофильства, – а не наоборот, *не в латинстве* корень его теократического замысла» (с. 168–169).

Оба суждения – и А.В. Карташева, и Г.В. Флоровского – мягко говоря, очень спорные (не так легко узнать, например, во Владимире Соловьеве певца земного благополучия и материальных благ). И это само по себе не совсем убедительное свидетельство о том, насколько успешно авторы сборника смогли учесть опыт своих предшественников.

Отклики на сборник в среде русской эмиграции

Сборник «Россия и латинство», конечно, вызвал интерес в кругах русской эмиграции. Но очень мало было серьезного анализа этого издания евразийцев. Собственно, тут есть только одно исключение, но немаловажное. В 1923 г. И.А. Ильин еще с большим интересом относился к евразийцам и тогда даже стремился к сотрудничеству с ними. Он сам выразил пожелание откликнуться на сборник «Россия и латинство», о чем писал П.П. Сувчинский П.Н. Савицкому и Г.В. Флоровскому 9 апреля 1923 г.: «И.А. Ильин в Страстной четверг подошел ко мне в церкви и просил дать ему экземпляр “России и латинства”, т.к. считает для себя нужным написать о нас в “Русской мысли” (“если Ваш третий сборник будет предметным и у меня с Вами будет малейшее соприкосновение”») [10, с. 183].

И действительно, вскоре в журнале «Русская мысль» такая рецензия И.А. Ильина появилась, но с весьма резким примечанием главного редактора журнала Петра Бернгардовича Струве: «Печатаемая настоящую рецензию, я должен оговориться, что некоторые уклоны мысли, обнаружившиеся в разбираемом сборнике, представляются мне уродливыми и опасными и с религиозно-церковной, и с государственной точки зрения» [11, с. 402]. Думается, такая резкость П.Б. Струве вполне объяснима, учитывая антилатинскую и отчасти антизападную направленность сборника евразийцев.

Рецензия И.А.Ильина была выдержана совсем в ином тоне. В целом сборник получил высокую оценку философа, поскольку, по его мнению, замысел сборника «зрелый и значительный, проблема определенная и центральная; ответ мужественный и верный, хотя и чисто отрицательный, воинственно-отвергающий»¹⁷. И главное преимущество сборника, по мнению И.А. Ильина, состояло в том, что «в настоящее время» нет никаких оснований для соединения церквей – православной и католической. Само обсуждение этого вопроса

---

¹⁷ См.: Ильин И.А. Россия и латинство. Сборник статей. Берлин. 1923 г. // Ильин И.А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. С. 118–119 [12].

является «лицемерием со стороны католика» и «малодушием со стороны православного», так как обе стороны «ищут нерелигиозного единения и потому обманывают друг друга и сами себя»¹⁸. Так что «настоящий сборник является актом необходимой религиозной и национально-религиозной самообороны. Пришла пора восстановить многовековые окопы, ограждавшие русскую православную церковь от в высшем смысле беспредметных и, следовательно, противорелигиозных посяганий католичества»¹⁹.

Но в рецензии И.А. Ильин высказал в адрес авторов и немало замечаний. Наверное, самое существенное из них следующее: «Авторы настоящего сборника поставили перед собою только отрицательную задачу. От этого их работа и выиграла, и проиграла. Она выиграла в определенности, воинственности и остроте, она проиграла в философической глубине, национальной и конфессиональной апологетической зоркости. Неприемлемость “унии” вскрыта и установлена, но обреченность традиционного католицизма, но преимущественная правота православия, но историческая – религиозная, государственная и жизненно-бытовая – мудрость русского православия остались незатронутыми и необнаруженными» [12, с. 121].

Более критическими были отзывы других представителей русской эмиграции. Так, Н.А. Бердяев в своей статье о евразийцах 1925 г. в журнале «Путь» патетически восклицал: «Миром овладевает антихрист, русское царство перестало быть христианским, стало очагом антихристового духа, а евразийцам все еще мерещатся польские ксендзы и иезуиты, действительно совершающие иногда и доныне действия предосудительные, но обладающие очень малым весом в мировой катастрофе» [13, с. 108–109].

Заключение

Итак, рассмотренные нами история появления сборника евразийцев «Россия и латинство», само его содержание и отклики на него позволяют сделать вполне определенные выводы. Прежде всего, данное начинание отнюдь нельзя считать успехом евразийцев. Собственно, они и сами были вынуждены признать это. Наиболее показательным письмом князя Николая Трубецкого Петру Сувчинскому (не датировано, но написано в ноябре или декабре 1923 года): «Мои впечатления от “России и латинства” несколько двоятся. Откровенно говоря, нельзя считать сборник удачным. Статья Карташева положительно слаба, статья Бицилли тоже, но главное, это совсем не то, что требовалось» [14, с. 250–251]. Мы обнаруживаем в письме только ощущение неудачи, а не основательный анализ ее причин. На это у лидеров евразийцев не было ни времени, ни сил. Вечная спешка, общественно-политические мотивы конъюнктуры

¹⁸ См.: Ильин И.А. Россия и латинство. Сборник статей. Берлин. 1923 г. С. 119.

¹⁹ Там же. С. 120.

ного характера, материальные и организационные трудности были постоянными проблемами, на которые они сетовали. При всем том им так и не удалось их преодолеть.

Но это были, очевидно, не главные причины неудачи сборника. Дело в том, что сам его проект оказался недостаточно веским и убедительным. В этом контексте нельзя согласиться ни с похвалами И.А. Ильина, ни с куда более поздней апологетикой сборника евразийцев в статье литературоведа Ю.К. Герасимова. В качестве аргумента можно использовать тот факт, что ни одна из статей авторов сборника не вошла в число их самых удачных, самых оригинальных сочинений. Даже внешняя форма этих статей, стиль изложения не подходили для обычного читателя, разве что за исключением все-таки довольно цельной статьи князя Николая Трубецкого. Остальное – либо не очень глубокая публицистика Савицкого и Сувчинского, либо большей частью довольно тяжеловесные комментарии Бицилли, Вернадского, Карташева, Владимира Ильина и Флоровского. Всем этим текстам далеко до лучших работ Чаадаева, Тютчева, Герцена, Хомякова, Данилевского, Достоевского, Юрия Самарина, Константина Леонтьева, Владимира Соловьева о взаимосвязях России и Запада (а не только «латинства» в узком смысле слова). Кстати, понятие «латинство» так и не получило в сборнике сколько-нибудь развернутого и доказательного определения. В результате в оптике евразийцев профиль «латинства» оказался очень смутным, без глубины и многомерности, которые никак нельзя отрицать у западной христианской традиции.

Конечно, все эти трудности были у евразийцев и их временных соратников не случайными. Они оказались недостаточно подготовленными к анализу поставленной ими темы. Да, Россия вынесла много скорбей от Римской Церкви и ее духовных чад. И об этом кое-что существенное в сборнике было высказано (но многое и упущено). Но было ли возможное наступление «латинства» главной угрозой для России, тогда проистекавшей с Запада? А как обстояло дело с протестантами? И, что еще важнее, – как можно было оценить угрозы западных сил антихристианской направленности? Об этом в сборнике сказано очень мало. Поэтому мы не согласимся с теми исследователями, которые охотно повторяют более поздний тезис Г.В. Флоровского: дескать, евразийство – это правда вопросов, но неправда ответов. Данный тезис и сам по себе сомнителен, и уж никак не подходит к сборнику «Россия и латинство», поскольку дело не столько в том, что его «ответы» были «неправдой» (строго говоря, «ответов» там было маловато и далеко не всегда они были «неправдой»), сколько в том, что там было поставлено мало «вопросов», да и то подчас не слишком удачно.

Мы полагаем, что история сборника «Россия и латинство» – это история неудачи, и притом – весьма поучительная.

Список литературы

1. Россия и латинство. Берлин: Склад изд. Книготорговое АО Логос, 1923. 218 с.
2. Быстрыков В.Ю. Сборник «Россия и латинство» в истории евразийского движения // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 1. С. 210–235.
3. Антощенко А.В. А.В. Карташев и евразийцы // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 112–123.
4. Антощенко А.В. П.М. Бицилли и евразийцы: разные взгляды на культуру // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 70–85.
5. Герасимов Ю.К. Религиозная позиция евразийства // Русская литература. 1995. № 1. С. 159–176.
6. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287 с.
7. Seriot Patrick. La double vie de Troubetzkoy, ou la clôture des systems // Le Gré des langues. 1993. No. 5. P. 88–115.
8. Антощенко А.В. О соединении Церквей: тезисы А.В. Карташева // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2020. Т. 7, № 3(27). С. 150–154.
9. Переписка Н.С. Трубецкого с Г.В. Флоровским / публ. А.Е. Климова и М. Байсвенгера // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2011–2012. Т. 37. С. 31–145.
10. Письма П.П. Сувчинского Г.В. Флоровскому (1921–1923) / публ. А.Е. Климова и М.Э. Байсвенгера // Записки Русской академической группы в США. 2012. Т. 37. С. 146–199.
11. Ильин И.А. Россия и латинство. Сборник статей. Берлин. 1923 г. // Русская мысль. Прага; Берлин, 1923. Кн. III–V. С. 402–406.
12. Ильин И.А. Россия и латинство. Сборник статей. Берлин. 1923 г. // Ильин И.А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. С. 118–126.
13. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С.134–139.
14. Из переписки евразийцев. 1921–1928 // Глебов С. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М., 2010. С. 177–620.

References

(Sources)

Collected Works

1. Iz perepiski evraziyitsev. 1921–1928 [From the correspondence of Eurasians. 1921–1928], in Glebov, S. *Evraziystvo mezhdru imperiei i modernom: istoriya v dokumentakh* [Eurasianism between Empire and modernity: history in documents]. Moscow, 2010, pp. 177–620.
2. *Rossiia i latinstvo* [Russia and Latin]. Berlin: Warehouse Publishing House. Logos Bookselling JSC, 1923. 218 p.

Individual Works

3. Berdyayev, N.A. *Evraziytsy* [The Eurasians], in *Put'*, 1925, no. 1, pp. 134–139.
4. Il'in, I.A. *Rossiia i latinstvo*. *Sbornik statey*. Berlin. 1923 g. [Russia and Latin. Collection of articles. Berlin, 1923], in *Russkaya mysl'*. Prague; Berlin, 1923, book III–V, pp. 402–406.
5. Il'in, I.A. *Rossiia i latinstvo*. *Sbornik statey*. Berlin, 1923 g. [Russia and Latin. Collection of articles. Berlin, 1923], in Il'in, I.A. *Sobranie sochineniy: Stat'i. Leksii. Vystupleniya. Retsenzii (1906–1954)* [Collected Works: Articles. Lectures. Performances. Reviews (1906–1954)]. Moscow: Russkaya kniga, 2001, pp. 118–126.

6. Klimov, A.E., Baysvenger, M.E. Pis'ma P.P. Suvchinskogo G.V. Florovskomu (1921–1923) [Letters of P.P. Suvchinsky to G.V. Florovsky (1921–1923)], in *Zapiski Russkoy akademicheskoy gruppy v SShA*, 2012, vol. 37, pp. 146–199.

7. Klimov, A.E., Bayssvenger, M. Peregiska N.S. Trubetskogo s G.V. Florovskim (1921–1923) [Letters of P.P. Suvchinsky to G.V. Florovsky (1921–1923)], in *Zapiski Russkoy akademicheskoy gruppy v SShA*, 2012, vol. 37, pp. 31–145.

(Articles from Scientific Journals)

8. Antoshchenko, A.V. P.M. Bitsilli i evraziytsy: raznye vzglyady na kul'turu [P.M. Bicilli and Eurasians: different views on culture], in *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2023, vol. 70, pp. 70–85.

9. Antoshchenko, A.V. A.V. Kartashev i evraziytsy [A.V. Kartashev and the Eurasians], in *Dialog so vremenem*, 2020, issue 70, pp. 112–123.

10. Antoshchenko, A.V. O soedinenii Tserkvey: tezisy A.V. Kartasheva [On the unification of Churches: theses of A.V. Kartashev], in *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, 2020, vol. 7, no. 3(27), pp. 150–154.

11. Bystryukov, V.Yu. Sbornik «Rossiya i latinstvo» v istorii evraziyskogo dvizheniya [Collection “Russia and Latin” in the history of the Eurasian movement], in *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*, 2023, no. 1, pp. 210–235.

12. Gerasimov, Yu.K. Religioznaya pozitsiya evraziystva [The religious position of Eurasianism], in *Russkaya literatura*, 1995, no. 1, pp. 159–176.

13. Seriot, Patrick. La double vie de Troubetzkoy, ou la clôture des systems [The double life of Troubetzkoy, or the closure of systems], in *Le Gré des langues*, 1993, no. 5, pp. 88–115.

(Monographs)

14. Laryuel', M. *Ideologiya russkogo evraziystva, ili Mysli o velichii imperii* [The ideology of Russian Eurasianism, or Thoughts about the Greatness of the Empire]. Moscow: Natalis, 2004. 287 p.

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА**PHILOSOPHY AND LITERATURE**

УДК 93/94:13

ББК 87.3(2)521-05

Егор Дмитриевич Иванов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, магистрант кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Россия, Нижний Новгород, e-mail: 79209292041@yandex.ru

Максим Викторович Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Россия, Нижний Новгород, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

В.Ф. Одоевский и славянофилы в 1850–1860-е гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений князя В.Ф. Одоевского и славянофилов в 1850–1860-е гг. Определяются точки идеологического отторжения и сопряжения между ними. В качестве точек отторжения указываются характерные для В.Ф. Одоевского защита человеческой личности, апология реформ Петра I и Александра II, приветствие западного просвещения, исторические взгляды славянофилов, их преклонение перед народом, теория «общества». В качестве точек сопряжения отмечается солидарность В.Ф. Одоевского с представителями славянофилов по целому ряду вопросов: защита русской общины, земской и остзейский вопросы, защита православной церкви и обличение иезуитства, христианское понимание сущности свободы, аполитизм в оценках идеологических подходов. Все это позволяет скорректировать точку зрения современных исследователей, рассматривающих отношения Одоевского и славянофилов через призму безусловного антагонизма.

Ключевые слова: общественно-политические взгляды В.Ф. Одоевского, исторические взгляды славянофилов, теория «общества» И.С. Аксакова, христианское понимание сущности свободы, русская община, Великие реформы

Egor Dmitrievich Ivanov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Master's student, Department of Information Technologies in Humanitarian Research, Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: 79209292041@yandex.ru

Maksim Viktorovich Medovarov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Department of Information Technologies in Humanitarian Research, Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

V.F. Odoevsky and the Slavophiles in the 1850s–1860s

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relationship between the prince V.F. Odoevsky and the Slavophiles in the 1850–1860s. The points of ideological rejection and conjugation between them are determined. The points of rejection include V.F. Odoevsky's characteristic defense of the human personality, apology for the reforms of Peter I and Alexander II, greeting Western enlightenment, historical views of the Slavophiles, their admiration for the people, and the theory of "society". The points of conjugation include V.F. Odoevsky's solidarity with representatives of the Slavophiles on a number of issues: the defense of the Russian community, the zemstvo and Ostsee issues, the defense of the Orthodox Church and the denunciation of Jesuitry, the Christian understanding of the essence of freedom, and apoliticality in assessing ideological approaches. All this allows us to correct the point of view of modern researchers who consider the relationship between Odoevsky and the Slavophiles through the prism of unconditional antagonism.

Key words: socio-political views of V.F. Odoevsky, historical views of the Slavophiles, the theory of "society" of I.S. Aksakov, Christian understanding of the essence of freedom, Russian community, Great reforms

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.094-104

Взаимоотношения В.Ф. Одоевского и славянофилов в 1830–1840-е гг., идеологические расхождения и симпатии между ними в данный период времени хорошо изучены. Научных имен А. Валицкого¹, М.И. Медового², А.П. Пушкарева³ достаточно, на наш взгляд, для утверждения о чрезвычайно высоком уровне проработки проблемы. Что касается 1850–1860-х гг., то здесь не все выводы выглядят абсолютно бесспорными. Анализируя эволюцию взглядов Одоевского в эпоху Великих реформ, дореволюционный автор Н.Ф. Сумцов пришел к выводу о безусловном антагонизме князя и славянофилов в данный период времени: «В 50-х и 60-х годах Одоевский совершенно оставил свои славянофильские мнения. Он преклонился перед богатой европейской культурой, сделался поклонником Запада, всецело перешел в лагерь западников» [5, с. 43]. Принять «западную гражданственность» в новую эпоху ему помогли, по мнению Н.Ф. Сумцова, апология Петра I, европеизм, признание ценности «человеческого достоинства». Более сложной была оценка советского исследователя Б.П. Козьмина, опубликованного в 1935 г. дневник князя за 1859–1869 гг. «Отношение Одоевского к славянофилам было очень сложно и противоречиво», – замечает он в комментариях к дневнику [6, с. 288]. Но в чем была эта «сложность» и «противоречивость»,

¹ См.: Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 109, 118–119 [1].

² См.: Медовой М.И. Меморандум В.Ф. Одоевского // Хомяковский сборник. Т. I. Томск: Водолей, 1998. С. 45–66 [2]; Переписка В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым / публ. Б.Ф. Егорова, М.И. Медового // Ученые записки Тартуского университета. 1970. № 251. С. 335–349 [3].

³ См.: Пушкарев А.П. В.Ф. Одоевский: между славянофильством и западничеством // Вестник Московского университета. Сер. Политические науки. 2007. № 6. С. 106–112 [4].

осталось совершенно неясным. Работавший в рукописном отделе Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина Б.П. Козьмин приводит обильные выдержки из архивных документов Одоевского, где тот обличает славянофилов, но ничего не говорит о его симпатиях в их адрес. Такая неоднозначность объясняется, на наш взгляд, тем, что он был знаком и с другими рукописными документами, где князь выступал союзником славянофилов. Да и в опубликованном им тексте дневника Одоевский выступал в качестве апологета Ю.Ф. Самарина. Тем не менее раскрыть глубже эту проблему Б.П. Козьмин не решился. По существу, на таких же позициях остаются и современные исследователи, в частности, В.Н. Греков, продолжающий рассуждать об отношении Одоевского к К.С. Аксакову, но ничего не говорящий о А.И. Кошелеве и Ю.Ф. Самарине⁴.

Цель исследования заключается, таким образом, в определении идеологических точек отторжения и соприкосновения между князем В.Ф. Одоевским и славянофилами в 1850–1860-е гг.

В качестве источников исследования выбраны записные книжки, публицистика Одоевского, а также его переписка с великой княгиней Марией Павловной и славянофилами.

Начнем с идеологической конфронтации. Восторженный апологет буржуазных реформ Александра II, Одоевский с усмешкой наблюдал за славянофилами, оценивавшими либеральные преобразования через призму своей консервативной утопии. Восставшие против воли Петра I «стрельцы», закостенелые «патриархи» – вот какими представлялись ему они. «Татарщина не хочет отстать от нелепого старого, лени, беспечности, – писал В.Ф. Одоевский в статье «Стрелецкое толкование о всеобщем растлении», – и перейти к разумному новому, учению и движению» [8, л. 276]. Потерявшие допетровское «политическое бытие», славянофилы продолжали, однако, пытаться реставрировать его в современной России. Отсюда, по мнению Одоевского, происходило их сопротивление западной науке, сочинение «сказок о патриархальной нравственности», лезть «народным слабостям». Последнее казалось Одоевскому особенно забавным, так как в крестьянской среде он не находил ничего, кроме «изорванной одежды» и необразованности. «Мы отнюдь не того мнения, – писал он в конце «Стрелецкого толкования...», – что все старое дурно и что мы проглотили уже всю премудрость. Но осмеливаюсь удостоверить, что мы во всех отношениях лучше, светлее и учнее, и потому более нравственны, нежели наши предки» [8, л. 284]. Решительно выступая навстречу «общему движению» эпохи шестидесятых годов, Одоевский, конечно, оказывался более последователен в буржуазном смысле этого слова, чем славянофилы, пытавшиеся «ограничить или вовсе свести на нет действие буржуазно-либеральных принципов в экономической и политической областях»⁵.

⁴ См.: Греков В.Н. В.Ф. Одоевский и славянофилы // Медиаальманах. 2013. № 2. С. 56–64 [7].

⁵ См.: Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. С. 137 [9].

Однако не во всех отношениях славянофилы подвергались критике со стороны Одоевского. Ему импонировал присущий им монархизм. Так, воодушевленный церемонией венчания на царство Александра II, князь был поражен, разглядев в «патриархах» сторонников самодержавия. «Чем более узнаю этих господ, – записывал он в дневник свои впечатления от встречи с Ю.Ф. Самариним, К.С. Аксаковым и А.И. Кошелевым, – тем менее понимаю, каким образом правительство видит в них смутьянов неблагоприятных. Это люди по глубокому убеждению и даже учению своему глубоко монархические» [10, л. 58].

Дальнейшее сближение князя и славянофилов происходило на почве обсуждения общинной проблематики. Пространные рассуждения об общине зазвучали в его заметке «Об устройстве быта поселян в Петербургской губернии»⁶ уже в декабре 1857 г., еще до бурного обсуждения этого вопроса в периодической печати. Как же относился к общине князь, к тому времени уже заявивший о себе как о стороннике «частного интереса»⁷ и крестьянского индивидуализма? Прежде всего, он ревностно брал под защиту «целостность мира», то есть противостоял появлению в общине, наряду с коллективной собственностью, частных земельных участков. «Приобретение земли отдельными семействами в черте мира ни под каким видом, по моему убеждению, не должно быть допускаемо, – решительно утверждал он, – ибо от сего образуется род новой аристократии в деревне. Дробить мир, то есть вводить в него чуждые ему интересы, есть дело самое губительное» [11, л. 31об.]. Сохранение в неприкосновенности коллективной собственности на землю обещало, по мысли Одоевского, упрочение стабильности в русской деревне. «Крестьянин говорит: сегодня один барин, завтра другой, а мир вечный», – приводил он слова обитателей оберегаемого им института и предостерегал, кроме того, от купли-продажи и дарения земельных участков внутри общин [11, л. 31].

В стремлении Одоевского защитить институт русской общины, не говоря при этом о его недостатках, нельзя не увидеть влияния А.И. Кошелева. Князь сам признался в этом в конце своей заметки: «В этом отношении я совершенно согласен с Кошелевым» [11, л. 32об.]. О значительном интересе к издателю «Сельского благоустройства» свидетельствуют, кроме того, подробный конспект кошелевского проекта в княжеской записной книжке⁸, его переписка с великой княгиней Марией Павловной⁹ и с самим Кошелевым¹⁰. Дело дошло до

⁶ Одоевский В.Ф. Об устройстве быта поселян в Петербургской губернии, 11 декабря 1857 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 31–33 [11].

⁷ См.: Одоевский В.Ф. Записная книжка за 1857 и 1858 гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 7, 49–50 [12].

⁸ Там же. Л. 17–19.

⁹ См.: Одоевский В.Ф. Письмо великой княгине Марии Павловне, 3 апреля 1858 г. // Князь Владимир Федорович Одоевский: переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 171, 174 [13].

¹⁰ См.: Кошелев А.И. Письмо В.Ф. Одоевскому, 22 марта 1862 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 638. Л. 15–16 [14].

того, что князь спустя некоторое время стал посылать в славянофильские издания материалы для публикации. «Очень рад, что “Сельское благоустройство” тебе нравится, – с удовлетворением отвечал ему Кошелев. – Надеюсь, что 2 и 3 номерами ты будешь еще более доволен» [14, л. 16].

Желание апологета свободной человеческой личности Одоевского оставить в неприкосновенности русскую общину может создать известное впечатление двойственности, противоречивости. Оно исчезает, как только становится более ясной позиция самого Кошелева. Защитник русского «мира», готовый закрывать глаза на переделы земли, он не мог игнорировать тягу некоторых крестьян к свободе. Неслучайно он требовал сосуществования частной и коллективной земельной собственности. Первая виделась ему, «как элемент преуспеяния, способ удовлетворения сильных, богатых, предприимчивых личностей, награда за особенные понесенные труды»¹¹; вторая – «как элемент устойчивости, ничем не заменимая связь в народе, в тех его слоях, где необходима материальная точка единения, средство всякому доставить кров, отчизну и уравнивать людей в возможных и невозможных границах»¹². Такая уступка стала возможной в силу признания Кошелевым недостатков общины, которые способствовали бы, по его мнению, задержке развития «земледелия, промышленности и торговли»¹³. Вот почему, солидаризируясь с позицией славянофила, Одоевский не отказывался от принципа экономической свободы. В комбинировании его с хрупкой мирской собственностью ему виделся наилучший выход из сложившейся ситуации.

Настоящее противоречие возникает, когда обнаруживаются симпатии князя к самаринской точке зрения на общину, противоречащей, как известно, позиции Кошелева. Об этом Одоевский сообщил ему в письме от 31 марта 1858 г. «Ваши статьи в “Сельском благоустройстве” превосходны, – писал он Самарину, – и об общинном владении, и о будущем кр[естьянском вопросе]» [15, л. 1]. Как же думал на самом деле князь? Нам представляется все-таки, что ему были очевидны отличия кошелевского проекта от самаринского и он тяготел в большей степени к первому. В пользу такого утверждения свидетельствуют приведенные нами выше источники. Но со временем ситуация стала усложняться. Это было связано, в первую очередь, с работой губернских дворянских комитетов и Редакционных комиссий.

Приветствовавший работу губернских дворянских комитетов Одоевский, вероятно, сочувственно воспринимал вынужденный отказ Самарина от обязательного выкупа, его согласие сохранить за помещиками вотчинные права. Требовавший «единства мнений» князь приветствовал также известное сближение позиций меньшинства и большинства в дворянских комитетах. Но, какими бы красивыми не были его слова в адрес помещиков, он как защитник

¹¹ См.: Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. С. 120.

¹² Там же. С. 120–121.

¹³ Там же. С. 120.

крестьянской свободы был рядом не с ними, а со своими друзьями славянофилами. Изгнанный из комитета Кошелев, вызванный на дуэль Черкасский, отдавший на борьбу все душевные силы Самарин – вот кто были его настоящие единомышленники.

Далекий от дебатировавшихся в залах Редакционных комиссий вопросов Одоевский не высказывал своей точки зрения на принцип бессрочного пользования наделом, отстаиваемый Самариным, Милютиным и Черкасским, никак не оценивал тяжесть неизбежного теперь переходного периода, не думал о предпочтительной величине надела. Но небезынтересно обратить внимание на его отношение к произошедшему расколу в славянофильском кружке. Как известно, заключившие сделку с либеральной бюрократией Самарин и Черкасский вызвали бурное негодование Кошелева. Он подробно раскритиковал работу комиссий, ополчившись не только на всеилие петербургской бюрократии, но и на принцип «бессрочного пользования за неизменные повинности», созданную систему крестьянского самоуправления, принятый в результате максимальный и минимальный размер надела. Беспощадный критик «бюрократического произвола», он не мог простить Самарину его уступок Милютину, хотя и знал о его «желании уберечь крестьянский мир от болезни чиновничества»¹⁴. На чьей же стороне находился Одоевский? Его дневниковые записи за 1859–1860 гг., в которых он говорит о получении бумаг от Черкасского¹⁵, рассказывает о своих встречах с Милютиным и Самариным¹⁶, неизбежно свидетельствуют о том, что князь мало-помалу отдалялся от своего друга Кошелева. В отличие от него, Одоевский не видел в либеральной бюрократии опасности. Вот почему Милютин был назван им «единственным у нас государственным человеком»¹⁷, вот почему вечерами он охотно выслушивал от М.А. Корфа подробности работы над уставом о крестьянском вопросе¹⁸, с любопытством расспрашивал знакомых о заседаниях Государственного совета по крестьянскому вопросу, на которые не мог попасть сам¹⁹. Расхождение с Кошелевым не могло, конечно, привести к быстрому разрыву между ними, о чем свидетельствуют личные встречи друзей в Петербурге и Москве. Но в дальнейшем именно Самарин стал крупным авторитетом Одоевского.

Сближению между Одоевским и Самариным способствовало также следующее. Во-первых, князю импонировала его деятельность в земских учреждениях, где он решительно противостоял идее Н.М. Смирнова учредить «дворянскую опеку над крестьянами посредством крупных землевладельцев»²⁰.

---

¹⁴ См.: Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. С. 129.

¹⁵ См.: «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 123, 160.

¹⁷ Там же. С. 226.

¹⁸ Там же. С. 126.

¹⁹ Там же. С. 127.

²⁰ Там же. С. 225.

В этой записи не стоит видеть исключительно противостояние лагерю крепостников. За ней стоит нечто большее, а именно стремление не поднимать «по поводу сельского хозяйства» «политические вопросы»²¹. Поддерживая славянофила, Одоевский объективно вступал в противостояние с русскими либералами, которые видели в самаринском поведении путь «к худшему образу правления» – «демократическому цезаризму»²². Славянофильский аполитизм встречал, таким образом, горячую поддержку князя.

Во-вторых, Одоевский высоко оценил точку зрения Самарина на остзейский вопрос. «Весьма замечательной» и «сильной» представлялась ему статья славянофила в мартовском номере газеты «Москва» за 1867 г.²³ Развитые позднее в книге «Окраины России» выпады Самарина против немецкого дворянства, германизовавшего латышей и эстов, встречали, таким образом, одобрение князя.

В-третьих, близким к самаринскому было, на наш взгляд, и понимание князем сущности свободы. Да, Одоевский выступил апологетом человеческой личности, экономической свободы, а также свободы слова и печати, характерной для эпохи Великих реформ. Но эта свобода не имела, с его точки зрения, никакой нужды быть обличена в политическую оболочку, не должна была превращаться в свободу политическую, как это было в странах Запада, имевших конституционное представительство. И касалось это не только дворянства²⁴, но и всех сословий России. Кроме того, излюбленные князем «себялюбие» и «индивидуализм» стали к концу 1860-х гг. уступать место «любви к себе как к агенту Божества»²⁵, стремлению «реализовать христианство в общественной жизни»²⁶, достичь «христианского смирения»²⁷. Как и для Самарина, спорившего некогда на эту тему с К.Д. Кавелиным, свобода становилась для Одоевского «инструментом, предпосылкой христианского самоотречения от нее»²⁸.

В-четвертых, нет сомнения в том, что Одоевский принимал самаринскую версию политического будущего России. Бичевавший мечтавших о политической свободе дворян, Самарин делал ставку исключительно на «крестьянство и идеализированную им централизованную бюрократическую монархию»²⁹.

²¹ См.: «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. С. 225.

²² См.: Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. С. 85 [16].

²³ См.: «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. С. 230.

²⁴ Книга записная, расположенная по алфавиту и содержащая в себе выписки из разных книг и газет, замечания и мысли князя В.Ф. Одоевского, 1863–1864 гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 56 [17].

²⁵ Там же. Л. 81.

²⁶ Там же. Л. 242.

²⁷ Там же. Л. 186.

²⁸ См.: Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. С. 335; Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1977. С. 65–66 [18].

²⁹ Там же. С. 137.

Аналогично думал и князь, переживший события московского дворянского собрания в январе 1865 г.

Все это не означало, впрочем, полного единодушия между ними. Несмотря на симпатии в адрес самаринской точки зрения на общину, Одоевскому была все-таки чужда его историческая концепция, где славянофил обращал особое внимание на роль именно этого института в истории России. В письме от 31 марта 1858 г. князь прямо писал Самарину, что его исторические взгляды «превосходны в невежестве». «От них по прямой линии происходят толки против грамотности, улучшения судопроизводства», – досадовал он [15, л. 1об.]. Характерное для славянофилов преклонение перед народом также встречало сопротивление князя. Ему было ясно, что Самарин превратил русских крестьян в «индейцев», чуждых «новизне» и «науке». «В двадцатый раз будете утверждать, что Вы отнюдь не разделяете китайско-татарских понятий. Это прочтут и забудут», – сожалел Одоевский [15, л. 1об.].

Разработанная И.С. Аксаковым теория «общества» сразу же не понравилась Одоевскому, прежде всего, по причине игнорирования ее автором ценности «человеческого достоинства». «Глупо утверждать, – писал он в записке «Что значат на самом деле слова: народный быт, народное бытовое воззрение, исторический народный быт», – что порода деревьев зависит от леса, а не от сосны, ели, липы, что дуб вырастает на месте сосны и что такое самопроизвольное произрастание будет противно лесному быту» [8, л. 287об-288]. Решительно требуя «места для свободного действия», князь именовал аксаковскую теорию «забавной игрушкой», «каламбуром». «Откинем татарскую ложь, – заключал он. – Оставим фантазмагии и посмотрим на то, что воочию совершается» [8, л. 293об.].

Но оказывается, что Одоевский мог-таки быть союзником Аксакова в вопросах религиозных. Опубликованное в «Дне» письмо иезуита Мартынова ошеломило его, и он мгновенно выступил против него. Обличая иезуитов, Одоевский укорял их, прежде всего, в организации польского восстания 1863 г. Именно иезуиты, писал он, разожгли огонь «польского фанатизма» и направили его против «безоружных, стариков, детей». «Они умерли, – с горечью констатировал он, – замученные изобретениями латинской инквизиции. Кто сдирал с беззащитных кожу, кто зарывал в землю живых? Все это факты» [19, л. 55об.]. Разочарованные подавлением восстания иезуиты «стали рассказывать Папе на весь мир, что Россия унижает несчастную польскую нацию», – заключал Одоевский и характеризовал эти выпады не иначе, как «позорную ложь»³⁰. Отметим также, что по иезуитскому вопросу нельзя не отметить схождения Одоевского с тем же Самариним, также бичевавшим Мартынова³¹.

³⁰ См.: Одоевский В.Ф. Иезуит может ли быть христианином? Примечания к любопытному письму Мартынова, 1864 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 56об.

³¹ См.: Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю.Ф. Самарина. М: Русский архив, 1868. 480 с. [20].

Брат Ивана Аксакова Константин не вызывал, по справедливому замечанию В.Н. Грекова, никаких чувств у князя, кроме гнева. Причиной тому послужило преклонение славянофила перед народом. Не повторяя аргументации Грекова, укажем лишь на то, что даже аксаковскую пьесу «Князь Луповицкий или Приезд в деревню» Одоевский воспринял иронически. «Фантастический элемент до такой степени преобладает в этой комедии, – писал он, – что нет возможности угадать, в какое время и где происходит действие» [21, л. 215].

В заключение укажем на фигуру А.С. Хомякова. Давний оппонент Одоевского³², он умер в 1860 г., на 9 лет раньше князя. Личные встречи их в новую эпоху оказались сведены к минимуму. Но, даже находясь в Париже в 1857 г., Одоевский не преминул уколоть его. «На развитие индивидуума действует не нравственность, – упрямо утверждал князь, – а местность и климат, в котором существует данный индивидуум» [22, л. 35–35об.]. Присутствуя вместе с Кошелевым на чтении Самариным «предисловия ко 2-й части сочинений Хомякова» в январе 1867 г., Одоевский отмечал, что Самарин верно понял «характер учения и точку зрения Хомякова, которой я никогда, впрочем, не разделял и теперь разделять не могу»³³.

Таким образом, отношения князя Одоевского и славянофилов в 1850–1860-е гг. складывались противоречиво. Он был апологетом человеческой личности, приветствовал либеральные реформы 1860-х гг., ратовал за проникновение западной науки в Россию, демонстрируя гораздо большую, чем у славянофилов, буржуазную последовательность. Бесспорно отрицательно оценил он исторические взгляды славянофилов, их преклонение перед народом, теорию «общества». Но в то же время он находил в себе силы вместе с Кошелевым защищать русскую общину, хвалить Самарина за его точку зрения по земскому и остзейскому вопросам, бичевать иезуита Мартынова под руку с Иваном Аксаковым. Горячий защитник самодержавия, он развивал свой аполитизм, приближался к христианскому пониманию сущности свободы, противостоял превращению ее в свободу политическую. Вот почему, не жалея порой колких фраз в адрес «татарщины», он все-таки не мог прекратить свою дружбу со славянофилами.

Список литературы

1. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.
2. Медовой М.И. Меморандум В.Ф. Одоевского // Хомяковский сборник. Т. I. Томск: Водолей, 1998. С. 45–66.
3. Переписка В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым / публ. Б.Ф. Егорова, М.И. Медового // Ученые записки Тартуского университета. 1970. № 251. С. 335–349.

³² См.: Переписка В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым. С. 335–349.

³³ См.: «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. С. 228.

4. Пушкарев А.П. В.Ф. Одоевский: между славянофильством и западничеством // Вестник Московского университета. Сер. Политические науки. 2007. № 6. С. 106–112.
5. Сумцов Н.Ф. Князь В.Ф. Одоевский. Харьков: тип. М. Зильберберга, 1884. 63 с.
6. «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. 1935. Т. 22–24. С. 79–308.
7. Греков В.Н. В.Ф. Одоевский и славянофилы // Медиаальманах. 2013. № 2. С. 56–64.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 93.
9. Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. 355 с.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 33.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 85.
12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 34.
13. Князь Владимир Федорович Одоевский: переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 374 с.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 2. Ед. хр. 638.
15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 2. Ед. хр. 150.
16. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 377 с.
17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 22.
18. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1977. 256 с.
19. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 82.
20. Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю.Ф. Самарина. М.: Русский архив, 1868. 480 с.
21. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 8.
22. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 47.

References

(Sources)

1. Egorov, B.F., Medovoy, M.I. *Perepiska V.F. Odoevskogo s A.S. Khomyakovym* [Correspondence of V.F. Odoevsky with A.S. Khomyakov], in *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*, 1970, no. 251, pp. 335–349.
2. *Iezuity i ikh otnoшение k Rossii. Pis'ma k iezuitu Martynovu Yu.F. Samarina* [The Jesuits and their attitude towards Russia. Letters to the Jesuit Martynov Yu.F. Samarina]. Moscow: Russkiy arkhiv, 1868. 480 p.
3. *Knyaz' Vladimir Fedorovich Odoevskiy: perepiska s velikoy knyaginey Mariey Pavlovnoy, velikoy gertsoginey Saksen-Veymar-Eyzenakh* [Prince Vladimir Fedorovich Odoevsky: Correspondence with Grand Duchess Maria Pavlovna, Grand Duchess of Saxe-Weimar-Eisenach]. Moscow: IMLI RAN, 2006. 374 p.
4. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 8.

5. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 22.
6. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 33.
7. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 34.
8. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 47.
9. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 82.
10. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 85.
11. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 93.
12. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 2, storage unit 150.
13. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 2, storage unit 638.
14. «Tekushchaya khronika i osobyie proisshestviya». Dnevnik V.F. Odoevskogo 1859–1869 gg. [“Current Chronicle and Special Events”. Diary of V.F. Odoevsky 1859–1869], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1935, vol. 22–24, pp. 79–308.

(Articles from Scientific Journals)

15. Grekov, V.N. V.F. Odoevskiy i slavyanofily [V.F. Odoevsky and the Slavophiles], in *Media almanac*, 2013, no. 2, pp. 56–64.
16. Pushkarev, A.P. V.F. Odoevskiy: mezhdru slavyanofil'stvom i zapadnichestvom [V.F. Odoevsky: between Slavophilism and Westernism], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Politicheskie nauki»*, 2007, no. 6, pp. 106–112.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. Medovoy, M.I. Memorandum V.F. Odoevskogo [Memorandum by V.F. Odoevsky], in *Khomyakovskiy sbornik*, 1998, vol. 1, pp. 45–66.

(Monographs)

18. Kitaev, V.A. *Liberal'naya mysl' v Rossii (1860–1880 gg.)* [Liberal thought in Russia (1860–1880)]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2004. 377 p.
19. Kitaev, V.A. *XIX vek: puti russkoy mysli* [XIX century: paths of Russian thought]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 355 p.
20. Sumtsov, N.F. *Knyaz' V.F. Odoevskiy* [Prince V.F. Odoevsky]. Khar'kov: tipografiya M. Zil'berberga, 1884. 63 p.
21. Tsamutali, A.N. *Bor'ba techeniy v russkoy istoriografii vo vtoroy polovine XIX veka* [The Struggle of Currents in Russian Historiography in the Second Half of the 19th Century]. Leningrad: Nauka, 1977. 256 p.
22. Valitskiy, A. *V krugu konservativnoy utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of Russian Slavophilism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 704 p.

УДК 82-143Соловьев:140.8

ББК 83.3(2=411.2)52:83.014.53

Наталья Геннадьевна Юрина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Россия, Саранск, e-mail: makarova-ng@yandex.ru

Элегия в лирическом творчестве В.С. Соловьева: жанровые модели и поэтические традиции

Аннотация. Рассматриваются жанровые особенности элегий В.С. Соловьева и поэтические традиции этого жанра. Данная проблема намечена в современной науке лишь в общем виде и требует дополнительных исследований, которые позволят, с одной стороны, определить степень актуальности для Соловьева-поэта жанровой формы элегии, с другой – уточнить вопрос о характере эволюции жанра в русской литературе конца XIX века. Опираясь на концепцию элегии, предложенную В.А. Козловым, выявляются различные жанровые модели элегии («кладбищенская», «осенняя», «унылая», аналитическая, метафизическая, элегия навязчивого воспоминания) в поэтическом наследии Соловьева, анализируются их существенные признаки. Исследуются элегические традиции, заложенные русскими поэтами-романтиками. Проводится сопоставительный анализ элегической поэтики Соловьева и В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина на различных художественных уровнях (эмоциональный строй, тип лирического субъекта, характер образности, структура, элегическое время и пространство, стиль). Делается вывод о том, что канонический жанр элегии, различные элегические модели имеют отражение в поэтическом наследии Соловьева на протяжении всего его творческого пути. Усвоив поэтику жанра в его классическом виде, философ переосмысляет те элементы, которые не соответствовали его мировоззрению, внутреннему строю творческой индивидуальности и новой поэтической эпохе, в рамках которой элегия обретает философский характер.

Ключевые слова: лирика В.С. Соловьева, жанровые модели элегии, элегическая поэтика, элегические традиции, эволюция жанра элегии

Natalya Gennadyevna Yurina

National Research Mordovia State University, Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Russia, Saransk, e-mail: makarova-ng@yandex.ru

The elegy in V.S. Solovyov's lyric works: genre models and poetic traditions

Abstract. The genre features of V.S. Solovyov's elegies and the poetic traditions associated with this genre are discussed. Although this topic has been discussed in modern science in general terms only, it requires further research to determine the significance of the elegy form for Solovyov-poet and to clarify the evolution of genres in Russian literature at the end of the XIXth century. Based on V.A. Kozlov's concept of the elegy, the author of this article identifies various models of elegy in Solovyov's poetry ("cemetery", "autumn", "dull", "analytical", "metaphysical", obsessive memory elegy) and analyzes

their essential characteristics. Elegiac traditions established by Russian romantic poets, which Solovyov may have been influenced by, are studied. Comparative analysis of Solovyov's elegiac poetics with that of V.A. Zhukovsky, E.A. Baratynsky and A.S. Pushkin is conducted at various artistic levels (emotional structure, type of lyric subject, nature of imagery, structure, elegiac time and space, and style). It can be concluded that the traditional genre of elegy and various elegiac patterns are reflected in the poetic legacy of Solovyov throughout his artistic journey. After mastering the poetics of this genre in its classic form, the philosopher rethought, first and foremost, those elements that were not consistent with his worldview and the inner structure of his creative personality, as well as the new era of poetry, within which the elegy acquired philosophical features.

Key words: V.S. Solovyov's lyric works, genre models of elegy, elegiac poetics, elegiac traditions, evolution of the elegy genre

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.105-121

Жанровый состав лирики В.С. Соловьёва изучается российскими и зарубежными учеными достаточно интенсивно. На сегодняшний день выявлены ключевые жанры поэтического наследия философа, дана общая характеристика жанровых особенностей некоторых его произведений¹, проанализированы важнейшие «входящие» и «исходящие» поэтические традиции². Тем не менее отдельные аспекты, связанные с лирическим наследием Соловьёва, остаются намеченными схематично, лишь в общем виде. Один из них – специфика соловьёвской элегической жанровой формы.

Насколько нам известно, ни одно из произведений Соловьёва не имело заголовка «Элегия», не классифицировалось как элегия на этапе подготовки к печатным прижизненным изданиям (1891, 1895 и 1900 гг.), в письмах, пометах и пр. Лишь в подзаголовке к стихотворению «Родина русской поэзии» есть упоминание об элегии: «По поводу элегии «Сельское кладбище»». Вместе с тем, как нами отмечалось ранее, «в целом для “серьезной” лирики Соловьёва... была ха-

¹ См.: Магомедова Д.М. Владимир Соловьёв // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М.: Наследие, 2000. Кн. 1. С. 732–778 [1]; Авдейчик Л.Л. Философская поэзия Владимира Соловьёва. Минск: РИВШ, 2006. 170 с. [2]; Koryčánková S. Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В.С. Соловьёва. Vrnо: Masarykova univerzita, 2013. 201 с. [3]; Микосиба М. Владимир Соловьёв: визионер, поэт, философ. Токио: Иванами, 2013. 336 с. [4]; Юрина Н.Г. Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьёва // Вестник Ленингр. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. С. 30–39 [5]; Черкасова Е.А. Несобранный цикл о поэзии как теургии в лирике В.С. Соловьёва второй половины 1890-х годов // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 20–33 [6] и др.

² См.: Шмони́на М. Функция тютчевских реминисценций в лирике Вл. Соловьёва // Русская филология. Вып. 10. Тарту: Тартус. ун-т, 1999. С. 70–78 [7]; Максимов М.В. Философско-поэтический лик Серебряного века: Константин Бальмонт и Владимир Соловьёв // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 69–74 [8]; Яковлев М.В. А. Фет и Вл. Соловьёв: от импрессионизма к символизму // Вестник гос. гуманитар.-технолог. ун-та. 2020. № 3. С. 62–67 [9]; Самарина М.А. Стихотворение Вл. Соловьёва «Три подвига» как один из источников цикла А. Блока «Снежная маска» // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 2(74). С. 26–42 [10] и др.

рактерна философская углубленность, которая могла реализовываться в разных жанрах, но была максимально органичной именно для элегии» [11, с. 161]³. Предположим, что Соловьев не называл свои поэтические произведения элегиями, во-первых, вследствие высокой степени субъективности этой жанровой формы, во-вторых, потому что трансформации классического жанра элегии в его текстах могли представляться ему слишком кардинальными.

Специалисты-филологи по-разному характеризуют направление эволюции жанра элегии в русской лирике. Обычно отмечается, что в первой четверти XIX века он пережил расцвет как наиболее созвучный по своей тональности и средствам самовыражения мирозерцанию поэтов-романтиков, но постепенно элегия в ее классическом виде утратила свои лидирующие позиции. Так, В.Э. Вацуру, исследуя элегию как культурный феномен, проследил путь этой жанровой формы на русской почве от истоков до разрушения канонов⁴. В.А. Грехнев, изучавший историю отечественной элегии, писал о «закате жанра», его преобразовании в свободную лирическую структуру вследствие укрепления сюжетного начала и «усиления статуса лирического персонажа в композиции стиха»⁵. Напротив, Л.Г. Фризман, указав на «устойчивые элементы»⁶ стиля жанра элегии, проследил его трансформации на протяжении XIX века и констатировал его наличие в следующем столетии, в частности, в творчестве А.А. Блока⁷. В 2010-е годы появилась новая концепция элегии и ее развития в отечественной поэзии, предложенная в докторском исследовании В.И. Козлова⁸. Ученый, на наш взгляд, убедительно доказал, что элегия не ушла в небытие в XIX веке, а сохранилась как востребованная жанровая форма до сегодняшнего дня, однако претерпела сложнейшие трансформации, утратила свои канонические черты и раздробилась на многочисленные подвиды с доминантой особых

³ В шуточной лирике поэта подзаголовок «Элегия с персидского» имеет стихотворение «Мудрый осенью». Его можно соотнести с пушкинскими экспериментами в области элегии на уровне эмоционального строя. Здесь так же, как, например, в «Телеге жизни» (1823 г.), преобладает ироническое веселье вопреки абсолютизации серьезного, свойственной классической жанровой форме. Способы трансформации канонической формы элегии в шуточной лирике Соловьева – особая проблема, требующая специального исследования.

⁴ См.: Вацуру В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с. [12].

⁵ См.: Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. С. 187 [13].

⁶ К таким элементам, определяющим специфику романтической элегии, Л.Г. Фризман отнес «образы-штампы» (осенний пейзаж, сумерки, вечер, ночь и др.), «идеи-штампы» (несправедливость судьбы, сила зла, изменчивость счастья, диссонансы действительности и др.), «эмоции-штампы» (грусть, уныние, скорбь, меланхолия), повторяющиеся структурные составляющие лирической композиции (завершающее сравнение, расширяющее единичное до множественного, и др.), характерные стиливые приемы (психологический параллелизм) (см.: Фризман Л.Г. Устойчивые элементы стиля русской романтической элегии и их идейно-эстетическая функция // *Zagadnienia Rodzajów Literackich*. 1978. Т. 21, № 2(41). С. 5–20 [14]).

⁷ См.: Фризман Л.Г. Жизнь лирического жанра. М.: Наука, 1973. 168 с. [15].

⁸ См.: Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: типология, история, поэтика: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2013. С. 21 [16].

элегических элементов в каждом из них. Методологически значимой для данного исследования стала работа О.В. Зырянова «Пушкинская феноменология элегического жанра» (1999 г.). Опираясь на жанрологию М.М. Бахтина, выделившего в концепции жанра аспект социологической поэтики (автор – читатель), генетико-эволюционный (жанр как творческая память в процессе развития литературы) и эстетический (архитектоническая форма произведения) аспекты, О.В. Зырянова обратила внимание на особую важность при анализе жанровой формы эстетико-феноменологического подхода, позволяющего понять механизм изменчивости канонической жанровой модели в индивидуальной художественной практике поэта: «...процесс новационного жанрообразования в поэзии нового времени должен быть осмыслен как *имманентный* художественному сознанию творца, что находит свое адекватное выражение в развертывании индивидуально-эстетического опыта, в своего рода феноменологии жанра» [17, с. 7]. Признавая справедливость этого мнения, мы вместе с тем убеждены в том, что подобный анализ должен быть подкреплен генетико-эволюционным (традиционным академическим), фиксирующим динамическую природу жанра и ключевые тенденции в его трансформациях, отражающиеся в художественной практике разных авторов, на данном временном этапе. Вот почему нам представляется важным рассмотреть соловьевские стихотворения с признаками поэтики элегической жанровой формы как с точки зрения авторской феноменологии элегического жанра, так и с точки зрения отражения «памяти жанра», особенностей восприятия предшествующей поэтической традиции.

Общеизвестно, что Соловьев выступал против открытой субъективности лирики. В статье «О лирической поэзии» (1890 г.) он писал: «...вся та житейская суэта, которая большею частью наполняет душу людей и составляет субъективную подкладку их жизни, никогда не становится содержанием лирической поэзии» [18, с. 85–86]. Вместе с тем, по его логике, субъективные состояния, отражающие «внутреннюю красоту души человеческой», а потому имеющие общечеловеческую значимость, могут быть облечены в художественную форму. Для этого «нужно, чтоб они стали *предметом* мысли и, следовательно, перестали быть *только* субъективными»⁹. Сам Соловьев «сознательно выстраивал свою поэзию мысли»¹⁰, стремясь в то же время сохранить гармонию между философским и художественным. В его произведениях, сориентированных на жанровую форму элегии, философская основа проявляется и в обобщенности образа лирического героя, и в подчиненности психологизма логике развития мысли, и в соотнесенности тематики с «вечными» вопросами бытия (жизнь природы, земной путь человека, судьба мира, стыки пространства и времени и др.), и в категоричности отдельных суждений, объясняющейся наличием соб-

⁹ См.: Соловьев В.С. О лирической поэзии // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 85 [18].

¹⁰ См.: Юрина Н.Г. Специфика русской философской лирики XIX века: от лобомудров к Вл. Соловьеву // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 254 [19].

ственной оригинальной философской концепции, и в монументальности мысли, ее обнаженности в отдельных фрагментах текста, и в фиксированности эмоционального фона.

Соловьев не писал «кладбищенской» элегии в ее классическом виде, но признавал ее значимость для судьбы отечественной лирики. В стихотворении «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”» (1897 г.) он создает гимн данной жанровой модели, которая стала «началом истинно-человеческой поэзии в России после условного риторического творчества Державинской эпохи»: «На сельском кладбище явилась ты недаром... / Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаром / Пленяла после ты, – но первым лучшим даром / Останется та грусть, что на кладбище старом / Тебе наваял бог осеннюю порой» [20, с. 118]. Многие жанровые черты элегии представлены в этом произведении Соловьева очень отчетливо. Во-первых, характерная образность: мир воображаемых почивших «других», переданный через неточную цитату из Жуковского (сон «праотцов села» в «уединенных гробах»), кресты, «сумрак земной», закат, опадающая осенняя листва, тишина. Во-вторых, лирический герой, типичный для классической элегии. Тема лирического «я» в стихотворении Соловьева не развернута: лирический субъект не имеет ярко выраженных индивидуальных черт; он печально фиксирует свои впечатления как сторонний наблюдатель. Как и у Жуковского, настроение глубокой и светлой грусти в произведении Соловьева сакрализуется: ее «наваял бог осеннюю порой». Конечно, у автора была иная художественная задача: дать поэтическую картину рождения русской поэзии. Именно поэтому большая часть стихотворения воплощает процесс ее появления на свет: «волшебница» рождается в осеннем лесу, здесь она получает первые приветы и дары. Типично элегическая лирическая ситуация сужается; описательная поэтика, свойственная кладбищенской элегии, размывается. Но узнаваемые ее элементы (ночной / вечерний пейзаж; представление природы как живой деятельной силы; сельский топос; движение от внешнего, зрительно воспринимаемого, к внутреннему, эмоциональному, духовному; мотивы встречи с почившим «другим» и молчания как смерти; медитативность тона) сохраняются. В примечании к стихотворению Соловьев указал на «излишество сентиментальности» как слабую сторону элегии Жуковского. Видимо, поэтому в его тексте отсутствует пасторальность, воспринимаемая как архаическое включение, «сельский» топос намечен лишь в общем виде через противопоставление места действия закованному береговому гранитом Петербургу и «пестрой» Москве. Для автора важнее не строгое соответствие текста канонической жанровой форме, а идея: появление оригинальной русской поэзии было определено творчеством Жуковского.

Стихотворение «Осеннюю дорогой» (1886 г.) имеет черты, характерные для так называемой «осенней» элегии: утверждаются идеи постоянного круговорота жизни, равенства физического и духовного развития. Цикличность природных процессов, смена «роскошно-блестящей и шумной весны» неизменной

осенью проецируется на человека, на процесс постоянной смены одного поколения другим. Эта ключевая аллегория определяет образность и символику поэтического языка: «меркнувший день»; «усталая, поблекшая земля», еще живая, но уже «отходящая на покой»; «неподвижные тучи» как символ остановившегося времени; «убор листвы золотой», называемый «прощальным», то есть, по сути, соотносимый с саваном. Пейзаж очерчивается детально и в то же время крупными мазками: «замерла бесконечная даль» (еще один образ-символ). Он имеет самостоятельный характер и даже определяет душевное состояние лирического субъекта: «душу обняли нежно-тоскливые сны». Лирический герой Соловьёва не испытывает драматического раздвоения, не переживает жалости к безвозвратно уходящему. Он смиренно и спокойно воспринимает, как «рой бледнокрылых, безмолвных духов» спускается с небес, слышит «молитву без слов», в которую погрузилась земля. Он сам часть этой молитвы, ибо когда-то пройдет тот же путь, что и березы, липы, которые оголяет осень. Такова судьба всего живого, чему суждено родиться на земле, а потом умереть. Пейзаж в произведении выступает в качестве «другого», имеющего свой жизненный цикл, который, впрочем, очень похож на человеческий. Вообще Соловьёв всегда считал конечность жизни человека серьезнейшей проблемой, требующей духовного решения, но в этом стихотворении важнее элегическая идея: возможность заглянуть за пределы земного цикла человека через наблюдения за жизнью природы.

Стихотворение Соловьёва «Песня моря» (1898 г.) можно соотнести с элегией промежуточного типа, так как в нем присутствуют черты как «унылой», так и аналитической элегии. «Унылая» элегия традиционно считается основой жанровой формы. Эту жанровую модель определяет обычно лирическая ситуация встречи с Абсолютом, в результате которой лирический герой переживает осознание собственного несовершенства, дисгармоничности своей жизни. Отсюда мотивы трагической судьбы, потери близкого, памяти, уныния, разочарования в мечте, которые присутствуют и в произведении Соловьёва. Для данной жанровой модели особую значимость приобретает лирическое «я», так как именно переживания героя, описание его духовного тупика составляют основу текста. Лирический субъект у Соловьёва уже не юноша, испытавший первое разочарование; это зрелый человек, имеющий свою «мечту», но в настоящий момент болезненно воспринимающий очередной жизненный опыт – потерю близкого человека. В беглой обрисовке узнаются черты А.А. Фета, с которым Соловьёв дружил многие годы. Его поэтический талант оценивается очень высоко («жемчуг песен твоих»). Обстоятельства ухода из жизни Фета воспринимались в российском обществе неоднозначно. Вот почему итоги его жизни автор обозначает как «крушение», «безумное» отвержение грез и личное горе. Лирический герой этого соловьёвского произведения – глубоко чувствующая личность, сила ощущения несовершенства мира которой доходит до страдания, однако принципиальна разница с классической романтической элегией: он переживает не трагедию ин-

дивидуализма, а трагедию «другого» как свою. Чужая судьба абсолютизируется как болезненный опыт человечества, но уныние связывается не с несовершенством мироустройства, а с непоправимостью отдельных человеческих поступков, которые обесценивают жизнь как таковую. Здесь намечается вертикаль мироздания, которая впоследствии станет одним из ключевых образов в «унылой» элегии символистов: земная жизнь и неземная душа, продолжающая свое существование за пределами бытия. Столкновение между земным и неземным определяет в конечном итоге лирическую ситуацию, которая приобретает мифологический характер. Сама фабула встречи с возникшей тенью ушедшего друга и беседа с ней на берегу южного моря представлена в свернутом виде, на нее даются лишь намеки, но уже это сообщает переживаниям лирического героя аллегорический характер. Ключевая соловьевская аллегория – море как жизнь, как воплощение жестокого, но справедливого жизненного закона. Этот закон вносит логичность в человеческое существование, становится основой земной гармонии, где каждый поступок имеет ценностное содержание и определяет будущее. Уныние не является у Соловьева, как ранее у некоторых романтиков, иррациональным и немотивированным. Оно имеет сложное внутреннее обоснование, раскрывающееся в аналитической части текста. Элегическая эмоция определяется авторской философией истории как движения человечества через ошибки и заблуждения к событию второго пришествия и эпохе наивысшей справедливости. Рациональное объяснение собственного состояния лирическим героем, понимание им природы своих переживаний – признаки аналитической элегии в стихотворении Соловьева. Произведение посвящено Фету, а лирический герой признается, что его неуходящая боль связана с чужим горем, что «как тень, неразлучно с душой моей» [20, с. 123]. Описание психологического состояния лирического субъекта, показанное через цепь риторических вопросов («Чем помочь обманувшей, обманутой доле? / Как задачу судьбы за другого решить? / Кто мне скажет?» [20, с. 123]), его воспроизведение в динамике тесно переплетаются у Соловьева с психологическим анализом, который определен конкретной ситуацией, что достаточно редко встречается в философской поэзии этого автора.

К середине 1890-х годов в поэтическом творчестве Соловьева прочно утверждается тема памяти, которая переплетается с темой смерти, окрашивается в мистические тона. Стихотворение «Опять надвинулись томительные тени...» (1895 г.)¹¹ создано по модели элегии навязчивого воспоминания. Вообще сюжетная ситуация воспоминания является основополагающей для классической элегии, но в данной жанровой модели большое место традиционно отводится описанию обстоятельств появления воспоминания. У Соловьева данный структурный элемент предельно свернут, отнесен в посвящение: «Памяти А.Ф. Аксаковой». Как известно, Анны Федоровны, с которой Соловьев был очень дружен и которая разделяла религиозно-мистическую сторону его взгля-

¹¹ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. 352 с. [20].

дов, не стало в августе 1889 года, а стихотворение было написано в последние дни января – время годовщины смерти ее мужа, И.С. Аксакова (об этом свидетельствует переписка Соловьева). Обратим внимание на то, что в автографе, который находится в письме Н.Я. Гроту от 24 января 1895 г., стихотворение называлось «Миг». Снятое в последующих публикациях заглавие проявилось в итоговом варианте в окказионализме «миг вечности» и его противопоставлении «медленно плетущимся тяжелым годам». Все это указывает на исходные обстоятельства, породившие воспоминание, и направление развития авторской мысли: годовщина смерти близкого человека определила возникновение поэтического замысла, который трансформировался под влиянием сопутствующих ассоциаций, побуждавших к смещению идейных и художественных фокусов произведения. Эта логика авторских воспоминаний могла быть понятна современникам поэта. Именно она определила пересечение временных пластов в тексте. Желая сохранить первичное воспоминание и включить его в произведение, Соловьев представил в нем «другого» уже во множественном числе: «...надвинулись томительные тени забытых сердцем лиц». Главную часть стихотворения автор отвел грустным («томительным») переживаниям и мыслям лирического героя в связи с его воспоминаниями. Период общения Соловьева с семейством Аксаковых – это время веры в славянофильские идеалы, активной работы над концепцией всемирной теократии, теорией соединения церковью, поэтому воспоминания о «забытых лицах» ассоциируются и с юношескими «пережитыми грезами», и с последующим разочарованием в них. Мотив постоянного возвращения зрительного образа ушедших близких закрепляется через повтор строк, кольцевое построение стиха. Третий катрен с небольшой вариацией повторяет первый и замыкает произведение. Рассуждая о сущности времени («К невозвратному бегут потоки слез»), о законах жизни и смерти («Не об утраченных, о нет: они вернутся...»), Соловьев выводит размышления на метафизический уровень. Ценность мгновения превозносится до абсолюта: оно неповторимо и невоскресимо. Прошлое, включающее моменты духовного общения с родственными душами, наполненные особым смыслом, ставится выше, чем пустое настоящее и будущее без них. Утраченный миг обретает ценность вечности.

Трансформации элегической традиции в связи с философской природой лирики Соловьева наиболее заметны в его метафизических элегиях. К этой элегической модели тяготеет, в частности, стихотворение «Если желанья бегут, словно тени...» (предположительно 1893 г.). Сюжетная ситуация в произведении связана с откровением высшей гармонии, которая открывается лирическому герою через ряд земных и небесных истин. Текст выстраивается как внутренний монолог лирического субъекта, однако глубина его философских заключений сообщает художественному целому универсальное значение. В основе лирической ситуации, по словам В.И. Козлова, «упоение трансцендентной

нотой»¹². Осознавший несовершенство земного устройства и глубоко переживающий это открытие лирический субъект находит высшее объяснение конечности человеческой жизни: «Если желанья бегут, словно тени, / Если обеты – пустые слова, – / Стоит ли жить в этой тьме заблуждений... / Вечность нужна ли для праздных стремлений..?». Земной мир, наполненный ложью, пустыми желаниями и стремлениями, заблуждениями, обречен по закону высшей справедливости: «Что жить достойно, живет без сомнений...». Бессмертная душа человека должна указать ему на бренность материального, побудить к освобождению от земных оков («жизнь только подвиг»), ибо истлевшее тело не является концом жизни. В этом – ее «живая правда». Содержательно эта элегия перекликается с элегией поиска идеала, по форме – с элегией навязчивого воспоминания, на что указывает риторический стиль. Ключевым приемом в тексте является риторический вопрос. Кроме того, используются ряды синонимов («пустые слова» – «обманчивые слова», «бессмертье» – «вечность»), анафоры («Стоит ли жить... Стоит ли жить...»; «Вечность нужна ли... Вечность нужна ль...»), антитеза («правда мертва» – «правда живая»). Эти языковые средства дополняются множественностью ассонансов ([o], [a], [э]) и аллитераций ([с], [т], [н]), сквозным чередованием мужской и женской рифм, что сообщает произведению музыкально-иррациональное звучание.

Отступления от норм канонической жанровой формы элегии здесь, на наш взгляд, максимальны. Философская мысль, подчиненная авторской метафизической концепции, определяет художественное целое. Текст, по своей сути, развернутый монолог, определяемый логикой развития мысли, но имеющий художественную форму.

Для лирического героя характерна не просто обобщенность образа, его психологический портрет скрыт от читателей. Намеки на его чувства, переживания можно обнаружить лишь в характере его высказывания. Для автора первостепенны суждения лирического героя. Элегическая эмоция – «тоска» – называется, но не обосновывается, а, напротив, компрометируется, отрицается: «Что ж тосковать...». Бытовая, житейская созерцательность лирического «я» сменяется философской созерцательностью. Это превращает лирического субъекта в убедительного взволнованного оратора, который сообщает о своей философской позиции публике.

Перед нами фрагмент цельного индивидуального мировоззрения, оригинальный взгляд на «вечные» вопросы бытия (лирический герой высказывается о тьме, обмане, заблуждениях и кратковременности земной жизни и вечности правды, о долге и смерти человека). Мысль не скрывается автором за определенной лирической ситуацией, переживаниями лирического героя. Она высказывается прямо и довольно категорично. Обратим внимание на то, что строфи-

¹² См.: Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: типология, история, поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. С. 42.

ка обоснована структурой рассуждения: четко выделены тезис – доказательство – вывод (соответственно, первый, второй и третий катрены). Но эта мысль имеет статус откровения, указывает на абсолютные, общечеловеческие ценности, а потому стирает грань между внутренним и внешним мирами, открывает выход в вечность.

Развернутый лирический пейзаж, очень важный для поэтов-романтиков, отсутствует. Вместо него дается некая отвлеченная картина, которую определяют бытовые абстракции, религиозная и мифологическая образность: «желанья бегут», «пустые слова», «высшая сила не знает оков», «мертвая правда», «тьма заблуждений». Традиционная элегическая образность намечена схематично: «тьма», «ребяческие сны», «истлевшие гробы», «оковы», «обманчивые слова». Пространство становится ирреальным, мифологизируется. Реальность полностью размывается, остается область воображения и убеждений.

Композиция определяется сложным совмещением интроцентрического и экстрацентрического: лирический субъект – носитель идеи, окрашенной определенным переживанием, вызванным ощущением внешнего мира; он раскрывает себя для других сознаний. Актуализируется настоящее время, в рамках которого обнаруживается важная философская истина, и будущее, которое становится очевиднее в свете публично представленного открытия-пророчества.

Все эти новации Соловьева в области элегии свидетельствуют о процессе существенных трансформаций нормативной элегической жанровой формы в конце XIX века, об активном формировании модели метафизической элегии, черты которой были намечены, в том числе, в творчестве Соловьева, а позднее проявились в поэзии младших символистов.

Очевидно, что произведения Соловьева не могли не отразить авторские представления о лучших образцах русской элегии, которые должны были выступать для него поэтическими ориентирами. В.А. Грехнев связывает особенности этой жанровой формы прежде всего с главенствующей тональностью (элегический эмоциональный строй, повышенная эмоциональность), образностью (особый тип лирического субъекта), структурой, а говоря о способах усвоения поэтической традиции, отмечает наследование либо формы, либо стиля¹³. Рассмотрим, какие черты поэтики классической элегии оказались востребованными в лирическом творчестве Соловьева.

Элегии В.А. Жуковского имеют меланхолический характер, в целом чуждый Соловьёву. Меланхолическая созерцательность приглушает эмоцию, замедляет проявления сознания. Стихия переживания в пушкинской элегии иная: множественность чувств и ощущений, когда одна эмоция соединяется с другой и насыщается ею в момент высказывания. Возникает иллюзия многоцветного сложного переживания, воплощаемого в слове: «Мой путь уныл. Сулит мне

---

¹³ См.: Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. С. 181.

труд и горе / Грядущего волнуемое море. // Но не хочу, о други, умирать; / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать; / И ведаю, мне будут наслажденья...» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830 г.) [21, с. 634]. С точки зрения эмоционального строя Соловьев ближе Жуковскому однородностью и цельностью переживаний лирического героя, а Пушкину – расширением эмоционального диапазона, преодолением сугубо пессимистического восприятия внешнего мира.

Элегическая образность Жуковского, как отмечалось выше, присутствует в произведениях Соловьева, однако для последнего гораздо важнее принцип ее художественного представления, разработанный предшественником. Как отмечает В.А. Грехнев, «в стихотворениях Жуковского контекст работает на экспрессивное обогащение узловых образов – смысловых центров его композиции... они начинают все более утрачивать определенность смысловых контуров, и постепенно их окутывает зыбкий экспрессивный туман» [13, с. 180]. Элегическая эмоция у Жуковского актуализирует поток ассоциаций. Пушкинские образы проще, «аскетичнее», их смысл более определен и устойчив, границы отличаются твердым очертанием. При взаимодействии с контекстом происходит не наращивание смысловой доминанты слова дополнительным экспрессивным смыслом, а раскрытие его ключевого значения. Соловьев, как и Жуковский, обычно расширяет в своих элегиях смысловую сторону образа, делает его многозначным, доводит до уровня символа: «...Иль где высокий Кремль над пестрою Москвою, / Свидетель старых бурь, умолкнувший, стоит» [20, с. 118].

Стихотворения Соловьева, тяготеющие к жанру элегии, в силу философско-эстетических убеждений автора не носят ярко выраженного отпечатка субъективного, как у В.А. Жуковского или А.А. Фета, и индивидуально-личностного, как у А.С. Пушкина, начала. В этом он ближе Е.А. Баратынскому, который часто отказывается от включения в текст биографических и исторических моментов. Для элегий Жуковского характерна недоговоренность: автор общается с читателем языком намеков. У Пушкина элегия насыщена «действенной» мыслью. Так, в «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829 г.) элегическая мысль возникает как психологическое продолжение лирического субъекта. В начале каждой стиховой фразы автор размещает глаголы («брожу», «вхожу», «сизжу», «говорю» и т. д.) и таким образом актуализирует действие, связывает с ним размышление. Соловьев – наследник традиции Е.А. Баратынского, у которого мысль часто представлена глубоко и развернуто, поэтому стихотворения носят философичный характер¹⁴. Вместе с тем по характеру лирического субъекта элегии Баратынского и Соловьева расходятся: лирический герой Баратынского – носитель мысли, направленной на стихию страстей и

¹⁴ См. у Е.А. Баратынского: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам; / Не испытав его, нельзя понять и счастья...» («Коншину», 1835 г.) [22, с. 63].

чувств, которые порой полностью подчиняют себе человека. Сила эмоционального накала в произведениях Баратынского проявлялась, в том числе, через резкое столкновение полярных образов. Элегические антиномии Соловьева выстроены не столь контрастно. Несмотря на противопоставленность отдельных образов, они воспринимаются как необходимые составляющие (тезис и антитезис) будущего синтеза: «Стоит ли жить, если правда мертва?.. Жизнь только подвиг, – и правда живая / Светит бессмертьем в истлевших гробах» [20, с. 100].

Особое понимание времени и пространства в конечном итоге определяет композицию канонической элегии. В элегиях Жуковского жестко закрепляется неподвижная временная дистанция между высказыванием и эмоцией, между субъектом и объектом лирического воплощения. Лирический субъект как носитель эмоции оказывается словно исторгнутым из непосредственного потока переживаний, становится лишь его созерцателем. Былое в элегиях Жуковского обретает идиллический характер, становится статичным: абсолютизируется момент покоя и постоянства. Человек не властен над минувшим, поэтому оно чаще всего изъято из временной цепи, одухотворено и наполнено высшим смыслом. Пушкинское прошедшее исполнено бурь и потрясений, непредвиденных и грозных перепадов судьбы. Есть в этом потоке моменты стабильности и покоя: «голос лиры вдохновенный», «светлых мыслей красота» («Все в жертву памяти твоей», 1825 г.), но и их в конце концов рассеивает стремительный бег бытия. Пушкинское прошлое чаще всего мучительно и неустраимо из настоящего, потому что оно отмечено знаком судьбы (то же – у Ф.И. Тютчева). Для соловьевской концепции времени, с одной стороны, не характерно однозначное отрицание далекого от идеального настоящего, свойственное для мирозерцания Жуковского. Относясь к настоящему критически, Соловьев видит в нем проблески одухотворенного будущего. С другой стороны, в отличие от Пушкина, он порой идеализирует истекший момент: «Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда» [20, с. 109]. Элегическая концепция памяти у Соловьева – это не «умиленное созерцание в духе Жуковского, расслабляющее волю», но и не пушкинское воспоминание как «волевая струя, чуждая каких-либо резких дисгармонических проявлений, несущая в себе и эмотивное, и мыслительное начала»¹⁵. В произведениях Соловьева, созданных по элегическим моделям, память драматична, ибо закон земного времени – это утверждение новой жизни за счет утраты былого, но он признает ценностные моменты прошедшего, связанные с ощущением духовной близости с окружающими, творческим подъемом, вместе с тем осознает, что бесконечная земная жизнь с ее искажениями идеала не является благом, поэтому ее неизбежное угасание справедливо. Это

---

¹⁵ См.: Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. С. 156.

уже концептуальное видение грусти как реакции на несовершенство бытия, которое преодолимо только в свете будущей божественной гармонии.

Границы между внутренним и внешним мирами в соловьевских стихотворениях с элегической доминантой обозначены, ощутимы, хотя и зыбки, как и у Жуковского. В лирическом пейзаже Жуковского важны экспрессивно насыщенные детали, которые переносят акцент с собственно предмета на его ирреальные, почти мистические качества: «пустынный храм», «заглохшая тропа», «кусты седые» («Славянка», 1815 г.). Они являются значимыми точками композиции, где реальность сливается с игрой воображения, своеобразным знаком и символом чувства¹⁶. У Пушкина детали имеют вполне материальный характер, выполняют изобразительно-уточняющую функцию («Погасло дневное светило...», 1820 г.). В пушкинских элегиях эмоции лирического субъекта определяются впечатлениями от внешнего мира, но они сохраняют свою внутреннюю автономию, их изображение соседствуют с развернутыми картинами действительности. В элегиях Соловьева, как и у Жуковского, детали чаще используются в качестве исходной точки для работы поэтического воображения: «И как будто земля, отходя на покой, / Погрузилась в молитву без слов, / И спускается с неба невидимый рой / Бледнокрылых, безмолвных духов» [20, с. 78].

Для элегий Жуковского характерна интроцентрическая композиция: мысль излагается последовательно от внешнего к внутреннему, от природы в мир души, от реальности в область воображения. Субъект переживания становится единым психологическим центром, к которому стягивается и внешняя реальность, и другие лирические персонажи, лишённые предметно-чувственной автономности. Пушкинской элегии зрелой поры характерна экстрацентричность мышления: носитель переживания раскрывает себя только через ощущения внешнего мира и сферу других сознаний («Все в жертву памяти твоей», 1825 г.). Исповедальный монолог лирического субъекта адресован другому «я», медитация не заканчивается бесплодной рефлексией. Эта пушкинская лирическая энергия духовного соединения с миром чрезвычайно важна и для Соловьева. Его элегическое переживание часто преодолевает рамки замкнутой в себе монологической исповеди, которую наблюдаем у Жуковского. Отсюда множество риторических обращений в его элегиях: «На сельском кладбище явилась ты недаром, / О гений сладостный земли моей родной!» [20, с. 118] и др. Для Соловьева человек – часть вселенной, с которой он имеет аналогичные духовные задачи, но часть самоценная и самодостаточная, неразтворимая в «другом».

По стилю метафизические элегии Соловьева ближе произведениям Баратынского, в которых сильно ораторское начало (частые лирические вопросы и

¹⁶ См. у В.А. Жуковского: «Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей... / Все здесь свидетель нам, сколь блага наших дней, / Сколь все величия мгновенны» [23, с. 64].

восклицания, повторы, развернутые сравнения), желание убедить читателя в правоте ощущений лирического героя и сделанных им обобщений и выводов («Если желанья бегут, словно тени...»). В соловьевских произведениях, созданных по другим элегическим моделям, можно обнаружить стилевые черты, свойственные поэзии Жуковского и Фета, для которых исключительна роль ритмико-мелодической стихии, значительна деформация словесных значений с переносом смыслового центра на эмоциональные ореолы слова, важна ассоциативность, неразвернутость сюжетной ситуации («Осеннею дорогой»). Для элегического стиля Пушкина характерны более сложные переплетения эмоций, которые проявляются в сокращении образного пространства стиха, в более динамичном развитии темы при помощи «подхватывающих» деталей, цепи лирических вопросов, перебоев интонации, многочисленных пауз («Простишь ли мне ревнивые мечты...», 1823 г.).

Итак, можно утверждать, что Соловьев сохранил художественную память о каноническом жанре элегии, так как в его поэтическом наследии на протяжении всего творческого пути можно обнаружить востребованность разных элегических моделей. В стихотворениях поэта, тяготеющих к элегической жанровой форме, сознательно используются основные «устойчивые элементы», выступающие «характерными деталями элегического орнамента»¹⁷. Это обусловлено тем, что как лирик Соловьев является наследником романтической элегической поэтики, которую Л.Я. Гинзбург очень точно определяет как «поэтику узнавания»¹⁸, и элегических традиций Жуковского, Баратынского, Пушкина. Усвоив поэтику жанра в его классическом виде, он переосмысливает те элементы, которые не соответствуют его мировоззрению, внутреннему строю творческой индивидуальности и новой поэтической эпохе. Элегическая мысль Соловьева не замкнулась, как лирическое сознание Жуковского, на бесконечной погоне за «невыразимым». В отличие от Пушкина, поэт усилил философскую составляющую своих произведений. Восприняв элегическую поэтику Баратынского, сосредоточенную на анализе вечных, хотя помеченных знаком времени противоречий души, он указал на способы преодоления дисгармонизма переживаний поэта-предшественника – путь самосовершенствования и теургическое творчество. Используя различные элегические модели с присущими им характерными чертами, обновленными к концу XIX столетия, Соловьев как поэт-философ был склонен выбирать формы, отличающиеся элементами философской созерцательности, религиозной и мифологической образностью, символичностью языковых конструкций. С одной стороны, философская основа элегического

---

¹⁷ См.: Фризман Л.Г. Устойчивые элементы стиля русской романтической элегии и их идейно-эстетическая функция. С. 9.

¹⁸ Имелось в виду, что «элегический рисунок» был хорошо известен читателю и ожидался им, поэтому отличался традиционностью, принципиальной повторяемостью (см.: Гинзбург Л.Я. О лирике. Изд. 2-е, доп. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 29 [24]).

творчества Соловьёва оказалась во многом близка философии канонической романтической элегии и связана с констатацией дисгармоничного в жизни и восприятием этого как высшей задачи для поэта, который должен побуждать человечество стремиться к высшей гармонии (Истине, Добру и Красоте). С другой стороны, в творческом сознании Соловьёва элегия воспринималась как один из ведущих жанров философской лирики, способной в художественной форме организовать диалог с читателем о жизненно важных вопросах. Соловьёвские структурно-содержательные новации и художественная практика в области этой жанровой формы стали основой для дальнейших трансформаций и экспериментов в области элегии у символистов, которые унаследовали многие черты феноменологии элегического жанра поэта-предшественника (философичность, зыбкость границ между внешним и внутренним мирами, философская созерцательность лирического субъекта, мифологизация пространства, пересечение временных пластов, символика поэтического языка и т.д.).

Список литературы

1. Магомедова Д.М. Владимир Соловьёв // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М.: Наследие, 2000. Кн. 1. С. 732–778.
2. Авдейчик Л.Л. Философская поэзия Владимира Соловьёва. Минск: РИВШ, 2006. 170 с.
3. Koryčánková S. Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В.С. Соловьёва. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 201 с.
4. Микосиба М. Владимир Соловьёв: визионер, поэт, философ. Токио: Иванами, 2013. 336 с.
5. Юрина Н.Г. Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьёва // Вестник Ленингр. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. С. 30–39.
6. Черкасова Е.А. Несобранный цикл о поэзии как теургии в лирике В.С. Соловьёва второй половины 1890-х годов // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 20–33.
7. Шмони́на М. Функция тютчевских реминисценций в лирике Вл. Соловьёва // Русская филология. Вып. 10. Тарту: Тартус. ун-т, 1999. С. 70–78.
8. Максимов М.В. Философско-поэтический лик Серебряного века: Константин Бальмонт и Владимир Соловьёв // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 69–74.
9. Яковлев М.В. А. Фет и Вл. Соловьёв: от импрессионизма к символизму // Вестник Гос. гуманитар.-технолог. ун-та. 2020. № 3. С. 62–67.
10. Самарина М.А. Стихотворение Вл. Соловьёва «Три подвига» как один из источников цикла А. Блока «Снежная маска» // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 2(74). С. 26–42.
11. Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 548 с.
12. Вацу́ро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с.
13. Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. 239 с.
14. Фризман Л.Г. Устойчивые элементы стиля русской романтической элегии и их идейно-эстетическая функция // Zagadnienia Rodzajów Literackich. 1978. Т. 21, № 2(41). С. 5–20.
15. Фризман Л.Г. Жизнь лирического жанра. М.: Наука, 1973. 168 с.
16. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: типология, история, поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 48 с.

17. Зырянов О.В. Пушкинская феноменология элегического жанра // Известия УрГУ. 1999. № 11. С. 5–12.
18. Соловьёв В.С. О лирической поэзии // Соловьёв В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 85–110.
19. Юрина Н.Г. Специфика русской философской лирики XIX века: от Любомудров к Вл. Соловьёву // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 250–259.
20. Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. 352 с.
21. Пушкин А.С. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. Самара: Дом печати, 1996. 704 с.
22. Боратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М.: Худож. лит., 1951. 648 с.
23. Жуковский В.А. Избранное. М.: Правда, 1986. 560 с.
24. Гинзбург Л.Я. О лирике. Изд. 2-е, доп. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Pushkin, A.S. *Izbrannye sochineniya v 2 t., t. 1* [Selected works in 2 vols., vol. 1]. Samara: Dom pechati, 1996. 704 p.

Individual Works

2. Boratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Proza. Pis'ma* [Poems. Long poems. Prose. Letters]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1951. 648 p.
3. Solov'ev, V.S. О liricheskoy poezii [On lyrical poetry], in Solov'ev, V.S. *Smysl lyubvi: Izbrannye proizvedeniya* [Meaning of love: Selected works]. Moscow: Sovremennik, 1991, pp. 85–110.
4. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1974. 352 p.
5. Zhukovskiy, V.A. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Pravda, 1986. 560 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. Cherkasova, E.A. *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 4(68), pp. 20–33.
7. Frizman, L.G. *Zagadnieniya Rodzajów Literackich*, 1978, vol. 21, no. 2(41), pp. 5–20.
8. Maksimov, M.V. *Solov'evskie issledovaniya*, 2013, issue 1(37), pp. 69–74.
9. Samarina, M.A. *Solov'evskie issledovaniya*, 2022, issue 2(74), pp. 26–42.
10. Yakovlev, M.V. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta*, 2020, no. 3, pp. 62–67.
11. Yurina, N.G. *Vestnik Leningradskogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2014, vol. 1, pp. 30–39.
12. Yurina, N.G. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2017, no. 1(188), pp. 250–259.
13. Zyryanov, O.V. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 1999, no. 11, pp. 5–12.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

14. Magomedova, D.M. Vladimir Solov'ev [Vladimir Solovyov], in *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian literature at the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Moscow: Nasledie, 2000, book 1, pp. 732–778.
15. Shmonina, M. Funktsiya tyutchevskikh reministsentsiy v lirike Vl. Solov'eva [Functions of Tyutchev's reminiscences in the lyrics of Vladimir Solovyov], in *Russkaya filologiya. Vyp. 10*. Tartu: Tartuskiy universitet, 1999, pp. 70–78.

(Monographs)

16. Avdeychik, L.L. *Filosofskaya poeziya Vladimira Solov'eva* [Philosophical poetry of Vladimir Solovyov]. Minsk: RIVSh, 2006. 170 p.
17. Frizman, L.G. *Zhizn' liricheskogo zhanra* [Life of the lyrical genres]. Moscow: Nauka, 1973. 168 p.
18. Ginzburg, L.Ya. *O lirike* [About the lyrics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1974. 408 p.
19. Grekhnev, V.A. *Lirika Pushkina: O poetike zhanrov* [Pushkin's lyrics: About the poetics of genres]. Gor'kiy: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 239 p.
20. Koryčánková, S. *Leksiko-semantickoe oformlenie filosofski znachimykh obrazov v poezii V.S. Solov'eva* [The lexical-semantic design of philosophically significant images in the poetry of V.S. Solovyov]. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 201 p.
21. Mikosiba, M. *Vladimir Solov'ev: vizioner, poet, filosof* [Vladimir Solovyov: visionary, poet, philosopher]. Tokio: Ivanami, 2013. 336 p.
22. Vatsuro, V.E. *Lirika pushkinskoy pory. «Elegicheskaya shkola»* [Lyrics of Pushkin's time. "The Elegiac School"]. Saint-Petersburg: Nauka, 1994. 240 p.
23. Yurina, N.G. *Literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo V.S. Solov'eva v kontekste russkoy slovesnosti vtoroy poloviny XIX veka (estetika, poetika, stil')* [Literary and artistic works of V.S. Solovyov in the context of Russian literature of the second half of the 19th century (aesthetics, poetics, style)]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2019. 548 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

24. Kozlov, V.I. *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: tipologiya, istoriya, poetika*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [Russian elegy of the non-canonical period: typology, history, poetics. Abstr. dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013. 48 p.

УДК 141.3

ББК 87.3(2)522-675:87.3(2)522-608

Алексей Вадимович Золотарев

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и биоэтики, Россия, Санкт-Петербург, email: avzolo@yandex.ru

Опыт экзистенциальный против опыта мистического: Леонтьев и Достоевский

Аннотация. На основе сравнительного метода рассматривается различие в религиозном опыте Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева. Доказывается тезис, что именно это различие в первую очередь обусловило идейные противоречия между мыслителями, в частности резкое расхождение по вопросу о достижимости «всеобщей гармонии» в мире. Показано, что в основании религиозной веры Достоевского лежит особого рода мистический опыт – переживание выхода за пределы своего «Я», соединения с вечными истоками бытия, со Христом и со всем человечеством. Утверждается, что основой своеобразного мистического опыта Достоевского служат главным образом нравственные интуиции – уважение к человеческой личности и любовь ко Христу, которые в силу своей чрезвычайной интенсивности приобретают у писателя характер религиозного откровения. Отмечается, что важнейшие идеи философии Достоевского – о возможности осуществления в мире всеобщей гармонии, о необходимости преобразования человеческого сердца путем жертвенной любви и сострадания, о принятии человеком на себя всеобщей вины – имеют мистические истоки, религиозное мировоззрение Леонтьева, которое сам философ называл «мистицизмом», в отличие от мировоззрения Достоевского, в действительности опиралось не на мистический опыт, а именно на экзистенциальные переживания. Делается вывод, что экзистенциальное философствование, строящееся на опыте пограничных ситуаций страха и «отчаяния во всем земном», привело Леонтьева к покою веры и стало для него путем построения его христианского мировоззрения.

Ключевые слова: христианская мистика, мистический опыт, мировая гармония, экзистенциальный опыт, экзистенциальный страх, экзистенциальное отчаяние, христианская вера

Alexey Vadimovich Zolotarev

First Pavlov State Medical University of St. Petersburg, candidate of Philosophical Sciences, associate Professor of philosophy and bioethics, Russia, Saint-Petersburg, email: avzolo@yandex.ru

Existential experience vs. mystical experience: Leontiev and Dostoyevsky

Abstract. On the basis of the comparative method the differences in the religious experiences of F.M. Dostoevsky and K.N. Leontiev are explored. The author defends the thesis that it was this difference that first of all caused ideological contradictions between these thinkers, in particular, a sharp disagreement on the problem of the attainability of “universal harmony” in the world. It is shown that the basis of Dostoevsky's religious faith was a kind of mystical experience – the experience

of self-transcendence and unity with the eternal sources of being, with Christ and with mankind. The author maintains that the peculiarity of Dostoevsky's mystical experience lies in the fact that it is based mainly on moral intuitions – the intuition of respect for every human person and the intuition of love for Christ – which, due to their extreme intensity, acquire the character of a religious revelation. It is proved that Dostoevsky's most important ideas, such as the possibility of universal harmony, the necessity to transform the human heart by means of sacrificial love and compassion, every man's responsibility for all humanity, have mystical origins. The author shows that, on the contrary, Leontiev's religious worldview, which the philosopher himself called "mysticism", was based not on mystic, but on existential experience. The author comes to the conclusion that existential philosophizing, based on the experience of boundary situations of dread and despair, was for Leontiev a way of obtaining the peace in faith and of developing his Christian worldview.

Key words: Christian mysticism, mystical experience, universal harmony, existential experience, existential dread, existential despair, Christian faith

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.122-138

К.Н. Леонтьев, обвиняя Ф.М. Достоевского в «розовом христианстве», одним из существенных свойств такового считал слабость в нем «мистического элемента». Так, в письме В.В. Розанову, противопоставляя в качестве типичного образчика «розового христианства» Зосиму из «Братьев Карамазовых» Амвросию Оптинскому, Леонтьев пишет: «У От<ца> Амвросия – *прежде всего Церковн<ая> мистика*, а потом – прикладная мораль. – У От<ца> Зосимы (устаи которого говорит *сам Фед<ор> Мих<айлович>!*) – прежде всего мораль, “любовь” ... ну а мистика – *очень слаба*» [1, с. 106]. Здесь возникает удивительный парадокс – Леонтьев, чей религиозный опыт не содержал в себе ничего мистического и был основан на чисто экзистенциальных переживаниях (страх, «трансцендентный эгоизм»), упрекает в отсутствии мистики Достоевского, который, хоть и считается одним из предтеч экзистенциализма, свои религиозные убеждения выстроил на почве отнюдь не экзистенциального, но именно мистического опыта (ощущение единства с миром, соединения всего сущего в Боге).

В настоящее время в научной литературе отсутствует общепринятое определение понятия «мистическое» (в частности, принципиально различаются разного рода эссенциалистские и конструктивистские подходы к пониманию мистики)¹. Наш подход к трактовке мистического опыта является чисто *феноменологическим*: в качестве мистического мы рассматриваем опыт, который самим носителем интерпретируется как переживание непосредственного единства с Абсолютным началом бытия и со всем живущим, ощущение вселенской гармонии, блаженства, предельной полноты и осмысленности существования. Известная исследовательница мистицизма и мистик Эвелин Андерхилл утвер-

---

¹ См.: Малевич Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. М.: ИФРАН, 2014 [2].

ждает, что вершиной мистического опыта является «жизнь в единении», когда мистик «здесь-и-сейчас достиг Вечной Гармонии – состояния, в котором Центр Вселенной, как магнит, притягивает к себе каждое живое существо»². Актуальное переживание такой гармонии, а также тоска по ее отсутствию, утрате, стремление к ее новому обретению – все это как раз и составляет содержание того, что мы называем мистическим опытом Достоевского. Экзистенциальный опыт, противоположным образом, есть опыт дисгармонии и разобщенности: человек переживает в нем «безжалостное отчуждение, как отброшенность... к бытию изолированного Я»³. В отличие от мистического блаженства «экзистенциальный опыт строится на совершенно противоположной характерной почве страха и отчаяния»⁴. Здесь «через переживания страха и отчаяния человек приходит к экзистенции... к своему подлинному “Я”»⁵. Именно такой опыт, как будет показано ниже, определил собою религиозную веру Леонтьева.

На первый взгляд, нашему тезису о мистической основе религиозной веры Достоевского противоречит то обстоятельство, что сам писатель почти всегда употреблял слово «мистика» в отрицательном смысле и любил подчеркивать отсутствие «мистики» в русском православном христианстве (как он такое понимал). В записной тетради 1876–1877 гг. Достоевский пишет: «Я православие определяю не мистическими верованиями, а человеколюбием и этому радуюсь» [6, с. 254]; в «Дневнике писателя» за сентябрь 1876 г. читаем: «В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, – по крайней мере, это главное» [7, с. 130]. О себе самом как публицисте Достоевский говорит в набросках возражений своим оппонентам: «Я вам не представил ни одной мистической идеи» [6, с. 256]. «Мистическим» Достоевский называет ложное понимание христианства, противопоставляя ему подлинное, по его мнению, то есть нравственное, «човеколюбивое» понимание. В этом отношении писатель сходилась со многими русскими мыслителями, в частности славянофилами и почвенниками. Все они отвергали «мистицизм», понимаемый как проявление квиетического, пассивного христианства, и противопоставляли ему «истинное христианство», то есть религию братской деятельной любви к человечеству. Христианство, по их убеждению, не должно быть «трансцендентным эгоизмом», когда человек озабочен лишь загробным спасением собственной души, но должно быть силой, созидающей общественную гармонию.

Обвинения в нехристианском «эгоизме» Достоевский, в частности, предъявлял и персонально Леонтьеву. В набросках к неосуществленному вы-

² См.: Андерхилл Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. Киев: София, Ltd, 2000. С. 409 [3].

³ См.: Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. С. 41 [4].

⁴ Там же. С. 41.

⁵ См.: Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М.: ИФРАН, 2015. С. 67 [5].

пуску «Дневника писателя», отвечая на леонтьевскую критику «Пушкинской речи», Достоевский пишет: «Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). <...> ...чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо» [8, с. 51]. Однако в действительности нередко адресуемые Леонтьеву обвинения в недостойном христианина эгоизме связаны с непониманием экзистенциальной основы этого «эгоизма». Леонтьев, по нашему мнению, является типичным *экзистенциальным мыслителем*, то есть таким, который, философствуя, решает не отвлеченные теоретические задачи, а, прежде всего, проблему смысла собственного существования. Д.М. Володихин называет Леонтьева ключевой фигурой «русского предэкзистенциализма» конца XIX – начала XX в., считая основным признаком принадлежности к предэкзистенциалистам «одиночество» мыслителя, его «невключенность ни в одну философскую традицию», «духовное противостояние типа один-против-всех»⁶. Такой «одинокый мыслитель» озабочен осуществлением собственного, субъективного смысла существования, что является для него важнейшим экзистенциальным выбором: «осознание ситуации конечного одиночества и сознательного выбора *всего* делают индивида единственным источником смыслотворчества»⁷.

Забота о спасении собственной души, проповедуемая Леонтьевым в качестве главной задачи всякого человека, есть не что иное, как выраженная христианским языком «нескончаемая занятость» своим существованием, которая составляет ядро всякой экзистенции. Об этом в свое время говорил и Кьеркегор: «... для экзистирующего индивида его экзистирование и составляет высший интерес» [10, с. 307]. Кьеркегор упрекал тех, кто обличает эгоизм экзистенциального мыслителя, в непонимании самой сущности человека как такового: «... если же кто-то решит назвать то, к чему я здесь призываю, самолюбием, я могу возразить: это происходит лишь потому, что у людей нет ни малейшего представления о том, что такое эта “самость”, это “я”» [11, с. 644]. В своей экзистенции человек как абсолют предстоит перед лицом Божественного Абсолюта. В сравнении с этим предстоянием совершенно ничтожными оказываются любые заботы об общественном благе, прогрессе, социальной гармонии и т.п.: «Парадокс веры таков: единичный индивид выше, чем всеобщее... <...> ... с одной стороны, вера является выражением высшего эгоизма..., с другой же стороны, она является выражением наиболее абсолютной преданности...» [12, с. 67, 68]. Леонтьев почти дословно воспроизводит эту мысль о парадоксальном соединении в вере эгоизма с самозабвенной, преданной покорностью: «Положим, думать о загробном спасении – эгоизм; – но... Какое высокое забвение личного своенравия! – Какая покорность идее!» [13, с. 140].

---

⁶ См.: Володихин Д.М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М.: Мануфактура, 2000. С. 80 [9].

⁷ Там же. С. 87.

Для Достоевского, напротив, в качестве основы его веры выступает именно отречение от своего обособленного «Я», переживание актуальной погруженности во всеобщую жизнь человечества. Как бы отрицательно ни относился Достоевский к тому, что он называл «мистикой», на самом деле истоки его религиозного мировоззрения имеют отчетливо выраженный мистический характер. Религиозно-философское мирозерцание Достоевского, которое можно назвать *мистическим*, развивалось и углублялось на протяжении всей жизни писателя и наиболее последовательно изложено в учении старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Однако первый набросок соответствующих идей содержится уже в дневниковой записи 1864 г. по поводу смерти жены писателя («Маша лежит на столе»). Здесь присутствует ряд принципиальных для этого «мистического мирозерцания» идей. Бог мыслится здесь как «люно всеобщего синтеза», причем этот «синтез», то есть совершенное единство человечества, предстает как конечная цель всей человеческой истории и в то же время вечный «рай Христов» («бытие, полное синтетически, вечно наслаждающееся и наполненное, для которого, стало быть, “времени больше не будет”»); чтобы войти в этот «синтез», необходимо через отречение от эгоистического «Я» достичь полноты преображения человеческой природы в соединении со Христом, что будет в то же время воскресением человека⁸. Явные параллели этих интимных размышлений писателя с речами старца Зосимы позволяют видеть в этом персонаже «Братьев Карамазовых» выразителя сокровенных мыслей самого автора.

«Мистическое мирозерцание» Достоевского не явилось плодом отвлеченного умозрения, но было глубоко укоренено в личном опыте писателя, который требует внимательного изучения. Те исследователи, которые признают наличие у писателя мистического опыта, как правило, сводят этот опыт исключительно к переживаниям «эпилептической ауры», что, с нашей точки зрения, является ошибкой. Тем не менее начать стоит именно с рассмотрения этого особого рода переживаний, как они представлены в художественном творчестве Достоевского. Наиболее подробно такие переживания показаны в романе «Идиот» в описаниях припадков кн. Мышкина, в романе «Бесы» в рассказах Кириллова Ставрогину и Шатову, а также отчасти в «Сне смешного человека». Несомненно, эти описания основываются на личном опыте Достоевского. Основное содержание этого опыта – ощущение полной гармонии в мироздании, слияние с этой гармонией и обретение полноты существования в таком слиянии. Переживаемый кн. Мышкиным за мгновения до припадков опыт «оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни»⁹. О подобном опыте Кириллов со-

⁸ См.: Достоевский Ф.М. Записная книжка 1863–1864 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1980. С. 172–174 [14].

⁹ См.: Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973. С. 188 [15].

общает Шатову: «Есть секунды... вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой»¹⁰. Здесь происходит выход за пределы времени в вечность – Кириллов говорит Ставрогину: «... время вдруг останавливается и будет вечно»¹¹, связывая это ощущение с библейским пророчеством («времени уже не будет», Откр. 10:6), которое вспоминает и Достоевский в цитированной выше дневниковой записи; то же говорит и кн. Мышкин: «В этот момент... мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет»¹². Опыт кн. Мышкина сопровождается переживаниями сверхчувственного света: «Ум, сердце озарялись необыкновенным светом...», в них появляются «молнии и проблески...»¹³. Таким образом, рассмотренный опыт предстает как выход человека за пределы эмпирически данного «Я» в область «высшего бытия» и соединение с вечной первоосновой сущего, которая видится как «гармония» и «высший синтез жизни». Ощущение бесконечной гармонии, слияния с миром как единым целым, фотизм (видение сверхчувственного света), остановка времени, молитвенное чувство и экстатический восторг – все это признаки именно мистических переживаний.

Достоевский вполне осознает проблему, связанную с патологическим происхождением этих переживаний, и решает ее от лица своих персонажей. Не суть ли рассмотренные переживания только болезненная иллюзия, субъективный самообман? Этим вопросом задается кн. Мышкин и отвечает на него так: «Что же в том, что это болезнь?.. Какое до того дело... если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты?» [15, с. 188]. Болезненное состояние организма, возможно, есть всего лишь физическая предпосылка для вполне объективного опыта соприкосновения с «другими мирами». Здесь уместно вспомнить мысль Свидригайлова: «Ведь обыкновенно как говорят?.. – “Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред”. А ведь тут нет строгой логики. <...> Здоровому человеку, разумеется... незачем видеть... Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира...» [17, с. 220, 221]. В конечном счете критерием истинности опыта эпилептической ауры для Достоевского является согласие этого опыта с нравственной интуицией. Поэтому, несмотря на его патологические истоки, он был признан Достоевским как подлинный, отражающий в своем содержании некую глубинную объективную реальность.

---

¹⁰ См.: Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. С. 450 [16].

¹¹ Там же. С. 188.

¹² См.: Достоевский Ф.М. Идиот. С. 189.

¹³ Там же. С. 188.

Однако сами по себе переживания единства с миром, блаженства в гармонии не суть еще в полном смысле то, что мы называем «мистикой» Достоевского. Они выступают только как материал для дальнейшего осмысления с позиций христианского сознания писателя. Переживаемые в ауре «полнота» и «синтез» не требуют еще личного Бога и тем более Христа. Но в построении своего христианского мирозерцания Достоевский опирается *не столько на опыт эпилептической ауры, сколько на особого рода моральные переживания*, доходящие вследствие чрезвычайной своей интенсивности до мистического вдохновения. Не только в восторженных ощущениях, связанных с аурой, но и в этих нравственных переживаниях происходит для Достоевского экстатический выход за пределы собственного «Я», сверхрациональное откровение истины. Именно это и составляет, с нашей точки зрения, своеобразие «нравственной мистики» писателя. В основе христианского мирозерцания Достоевского лежит нравственная интуиция, важнейшими составляющими которой являются, во-первых, чрезвычайная *любовь ко Христу* и, во-вторых, ощущение *бесконечной ценности человеческой личности*. Именно эти исходные нравственные интуиции рождают у писателя веру во Христа как в Бога и переживание единства всех человеческих лиц во Христе. Бог Достоевского – это Христос и, по сути, только Христос. Бог как трансцендентный Абсолют его мало интересует. Переживание единства с Богом для Достоевского есть переживание единства со Христом. Конечно, один только опыт эпилептической ауры совершенно недостаточен для такого переживания. У Достоевского этот опыт совмещается с чисто нравственным опытом сострадания и любви и мистическое ощущение личного Бога рождается из чрезвычайной интенсивности его моральных переживаний.

Ощущение бесконечной ценности человеческой личности вызывает у писателя обостренное чувство жалости ко всем «униженным и оскорбленным», сострадания к боли любого существа, потребность в жертвенной любви. Глубина сострадания, с точки зрения Достоевского, способна возвести человека на степень своего рода откровения: сострадавая, человек прозревает скрытую от него доселе внутреннюю сущность вещей. Здесь, а не в радостном экстазе, прежде всего, происходит для Достоевского соединение со Христом. Это соединение требует кенозиса страдания, так как Христос, кенотически отдавший себя людям, присутствует в каждом акте человеческого страдания. Именно поэтому кн. Мышкин говорит: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [15, с. 192]. В подготовительных материалах к «Идиоту» Достоевский записывает: «Сострадание – все христианство» [18, с. 270]. Христос – невинный страдалец, взявший на себя вину всех без исключения людей, явивший совершенную любовь ко всем людям и послуживший им «даже до смерти». Мистическая нравственная интуиция Достоевского требует поэтому, чтобы человек ради уподобления Христу и соединения с Богом принял на себя вину всех людей и перед всеми людьми, сострадал бы всей страдающей твари и любил бы всех совершенной любовью «всеслууже-

ния». В такого рода переживаниях человек выходит из своего ограниченного «Я», соединяется со всем миром и, таким образом, со Христом. Потребность в самоумалении, в добровольном принятии на себя страданий как пути соединения с Богом – переживание в высшей степени характерное для христианской мистики. Фламандский мистик XIV в. Рейсбрук говорит: «Погрузиться в смирение, это значит погрузиться в Бога, ибо Бог есть дно смирения... испытать унижение... есть уничтожение в Боге... мы в этом погружении – одна жизнь с Ним..., мы влились в Бога, который есть дно смирения» [19, с. 50, 51].

Излюбленную мысль Достоевского, фундаментальную для его нравственного учения, – мысль о том, что «всякий пред всеми за всех и за всё виноват»¹⁴ – невозможно объяснить иначе, чем в контексте его мистического мирозерцания. Благодаря мистическому единству мира любое греховное действие или даже греховный эгоистический помысел человека затрагивает все мироздание. Зосима говорит: «Юноша брат мой у птичек прощения просил: оно как бы и бессмысленно, а ведь правда, ибо всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь – в другом конце мира отдается...» [20, с. 290]. Более того, поскольку в сверхэмпирической основе бытия времени нет, постольку человек ответственен и за прошлое, как за будущее, и за предков, как за потомков. Принять вину за все – это и значит принять единство со всем, единство с Богом.

Важная черта мистических переживаний – экстатическая любовь ко всему существу – получает у Достоевского характерное нравственно-мистическое обоснование: любовь ко Христу как синтетическому единству мира не может не быть любовью ко всей твари. Зосима говорит: «Любите все создание Божие, и целое и каждую песчинку. <...> Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. <...> И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью» [20, с. 289]. Эта любовь, по учению Зосимы, должна носить экстатический характер, доходить до иступления: «Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби, ищи восторга и иступления сего» [20, с. 292]. Именно такой мистический экстаз пережил Алеша, когда «нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”»¹⁵.

Помимо *христоцентризма*, мистическое мировидение Достоевского носит отчетливый *апокалиптический* характер. Познанные в мистическом опыте полнота и гармония бытия мыслятся писателем как основа для осуществления «Царства Божия на земле» в качестве итога исторического пути человечества. Об этом говорит Достоевский в «Братьях Карамазовых» словами Маркела: «Жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того; а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай» [20, с. 262]. Именно в мистическом переживании достижимой «здесь и сейчас» мировой гармонии «Царства

---

¹⁴ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 262 [20].

¹⁵ Там же. С. 328.

Божия» коренятся те социально-утопические аспекты мировоззрения Достоевского, которые были подвергнуты яростной критике Леонтьевым. Это неслучайно: если для мистического опыта характерно видение актуальной гармонии мироздания, то экзистенциальный опыт, напротив, выступает как опыт неустранимой дисгармонии в мире. Вместо соучастия в мировом единстве экзистенция ощущает свою радикальную противопоставленность миру. В рассуждениях о всеобщей гармонии экзистирующий мыслитель видит лишь фальшь, «розовый» самообман. Именно это и есть ключевой пункт неприятия Леонтьевым мирозерцания Достоевского. Леонтьевская критика учения Достоевского об «окончательной гармонии» возникает не столько на идейной основе антипрогрессизма, сколько как результат различия в опыте, а следовательно, и в мироощущении. В основе леонтьевского «пессимизма» относительно прогресса и преодоления противоречий человеческого существования лежит экзистенциальное мировосприятие. Православие, которое он проповедует, предстает у него как «религия разочарования, религия безнадежности на что бы то ни было земное»¹⁶. Леонтьев считает вредной утопией веру в то, что прогресс способен когда-нибудь избавить человека от боли и страданий существования. Осознание непреодолимости страдания и боли как важнейших составляющих человеческой «ситуации» в высшей степени характерно для экзистенциального мышления. Известный исследователь экзистенциализма О. Больнов по этому поводу замечает: «страдание, борьба... обыкновенно рассматривались преимущественным образом в качестве чего-то случайного, того, чего можно избежать, что объяснялось лишь ущербностью существующего порядка. Этот порядок пытались улучшить, выдумывали утопии некоего лучшего мира, где не должно быть страданий... <...> В экзистенциальной же философии эти моменты познаются в их неупразднимости... как то решающее, что принадлежит существу самого человека...» [4, с. 86]. Пессимизм Леонтьева по отношению к «миру и всему, что в мире» аналогичен кьеркегоровскому «отчаянию». Леонтьев приобрел этот пессимизм, пройдя через кризис эстетического упоения жизнью, пережив «религиозный переворот», который в терминах кьеркегоровской философии можно было бы назвать скачком с эстетической стадии существования на стадию религиозную. Первая половина жизни Леонтьева, прошедшая под знаком того, что он сам называл «эстетикой», вполне соответствует кьеркегоровскому описанию «эстетической стадии». Именно в эстетизме Леонтьева, как это ни парадоксально, следует искать корни его отчаяния во всем земном, ведь, согласно Кьеркегору, «каждый, кто живет эстетически, пребывает в отчаянии, – независимо от того, известно ему это или нет»¹⁷.

Экзистенциальный скачок от эстетического к религиозному был совершен Леонтьевым в классической «пограничной ситуации» – на грани смерти, когда он «вдруг, в одну минуту, поверил в существование и в могущество этой

¹⁶ См.: Леонтьев К.Н. Четыре письма с Афона // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 173.

¹⁷ См.: Кьеркегор С. Или–или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. СПб.: Изд-во РХГА: Амфора, 2011. С. 669.

Божьей Матери; поверил так ощутительно и твердо, как если бы видел перед собою живую, знакомую, – действительную женщину...»¹⁸. Основным содержанием экзистенциального опыта Леонтьева в этой его «пограничной ситуации», помимо ощущения несомненного Божественного присутствия, был опыт страха: «2 часа *физического* (и обидного) ужаса»¹⁹. В результате Леонтьев открыл для себя и стал проповедовать, шокируя гуманистичных современников, чрезвычайную важность и необходимость страха: «та любовь к людям, которая не сопровождается страхом пред Богом... – такая любовь не есть чисто христианская... она есть самовольный плод антрополатрии...» [21, с. 171]. Но в своей апологии страха Леонтьев всего лишь предвосхитил открытие, сделанное экзистенциализмом XX века. Как отмечает Больнов, «философская плодотворность страха является крупным антропологическим открытием экзистенциальной философии. <...> ...в ней страх был познан в его поистине основополагающем значении – как условие становления подлинного существования» [4, с. 90]. Животный страх смерти для экзистенциализма есть лишь шаг в сторону обретения настоящего экзистенциального страха. Ясперс по этому поводу замечает: «Витальное отчаяние в ситуации, когда я должен умереть, – это только аллегория экзистенциального отчаяния в ситуации отсутствия достоверности моего самобытия» [22, с. 271]. У Леонтьева физический страх смерти перерос в страх экзистенциальный, который в конце концов привел его к страху духовному, страху Божию: «Физический страх прошел, а *духовный остался* – и с тех пор я *от веры и страха Господня отказаться уже не могу, если бы даже и хотел*» [1, с. 178]. Духовный страх, то есть страх уже не физической смерти, а духовного небытия, обнаруживает, говоря языком экзистенциальной философии, отсутствие в человеке «самобытия» и таким образом обращает человека в сторону трансценденции. Этот страх становится для человека, по словам Кьеркегора, «единственными вратами веры», он «абсолютно воспитывает силой веры, поскольку он пожирает все конечное...»²⁰. Именно это имел в виду Леонтьев, не уставая повторять: «начало премудрости есть страх».

Относительно же Достоевского глубоко верным представляется замечание Р. Лаута: «... у Достоевского не было ужаса или страха перед небытием. Вообще в целостном виде комплекс страха современной экзистенциалистской философии у него отсутствовал» [24, с. 91]. Отсутствие экзистенциального страха перед небытием очень характерно именно для мистического мироощущения. Достоевский не знает страха смерти как экзистенциального страха небытия. Человек един со всем бытием и потому несомненно бессмертен. В «гармонии», описанной в «Сне смешного человека», люди не боятся смерти, потому что они непосредственно ощущают единство бытия: «у них было... беспре-рывное единение с Целым вселенной... было твердое знание, что когда воспол-

---

¹⁸ См.: Леонтьев К.Н. Письма 1891 года // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 12. Кн. 3. СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 178.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 242 [23].

нится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной. Они ждали этого мгновения с радостью...» [25, с. 114]. Человек не может не быть, хотя может существовать неподлинно, то есть в разъединении с миром. Для Леонтьева же именно острейшее переживание страха небытия стало той «пограничной ситуацией», в которой произошло становление его подлинного существования и обретение им веры. Интересно отметить, что эту свою веру Леонтьев называл «мистицизмом», не обнаруживая, в отличие от Достоевского, никакого предубеждения против термина. Однако «мистицизм» он понимал слишком широко, как «расположение веровать в нечто таинственное, выше видимого мира и выше нашего разума стоящее»²¹. На самом же деле вера его имеет вовсе не мистический, а именно экзистенциальный характер. Он, по-видимому, никогда не имел собственно мистического опыта, опыта переживания непосредственного единства с Богом, не знал блаженства *unio mystica*. Однако глубокий экзистенциальный опыт веры, несмотря на все негативные переживания, парадоксальным образом тоже дает человеку внутренний покой. Экзистирование предполагает антиномию страха и покоя, внутри которой только и возможно для человека подлинное существование. Ясперс по этому поводу говорит так: «Скачок от страха к покою – самый невероятный скачок, какой может совершить человек... вера человека неопределимо связывает этот скачок с бытием трансценденции. Только тот страх, который находит силу для скачка к покою, бывает в состоянии видеть со всей прямоотой действительность мира» [27, с. 291]. Леонтьев также свидетельствует, что с обретением своей мучительной веры, он обрел в конце концов и подлинный покой: «... я из эстетика-пантеиста... стал верующим христианином и какую я, грешный, пережил после этого долголетнюю и жесточайшую борьбу, пока Господь не успокоил мою душу...» [28, с. 783].

Против нашего тезиса о решающей роли мистики в построении религиозного мировоззрения Достоевского можно выдвинуть следующее возражение: мистика предполагает бегство от мира, квиетизм, а Достоевский был активным деятелем, стремился к преобразованию общества, хотел участвовать в ходе исторических событий. Но представление о том, что мистика обязательно означает социальную пассивность, ошибочно. Бердяев по этому поводу заметил: «Мистики... готовы всем пожертвовать для того, чтобы мистику объективировать и реализовать в мировой и исторической жизни. <...> Наш национальный мистицизм XIX века... тем и ценен, что в нем так остро ставится проблема религиозного смысла истории...» [29, с. 114–115, 296]. История знает много примеров радикальных социальных движений, в основе которых лежали мистико-апокалиптические учения. Мистика же Достоевского, как было сказано выше, имела именно апокалиптический характер.

²¹ См.: Леонтьев К.Н. Записки отшельника // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 318 [26].

Против нашего тезиса об экзистенциальной основе религиозной веры Леонтьева можно выдвинуть следующее возражение. Экзистенциальный опыт всегда предельно субъективен, уникален, несообщим; это опыт, в котором человек переживает свою отчужденность от мира. Может ли он быть совмещен с подчеркнутой церковностью Леонтьева, с его проповедью необходимости полного послушания Церкви? Кьеркегора, например, его опыт привел к конфликту с лютеранской церковью, Леонтьев же, напротив, стремился подчинить себя церковной дисциплине, вверился руководству старцев, считал язык православия вполне адекватным для выражения своей веры.

Действительно, в своей глубокой основе экзистенциальный опыт субъективен и уникален. Как замечает Т.А. Кузьмина, для полноценного его переживания «нужен в первую очередь отказ... от привычных представлений о себе, порожденных данной культурой, средой, воспитанием и т.п.»²². Философское осмысление такого опыта предполагает необходимость «описать открывающуюся реальность как бы напрямую (а не через призму установившихся представлений), приостановив в себе, насколько это возможно, соблазн принятия готовых, культурно апробированных оценок и интерпретаций» [30, с. 22]. И все же представляется глубоко верным суждение Н.А. Касавиной о том, что экзистенциальный опыт не может быть сведен к спонтанному «здесь и сейчас» переживанию, полностью выпадающему из культурного контекста. Чтобы опыт был именно *опытом*, а не бесследными переживаниями, он должен быть осмыслен на каком-то языке. Н.А. Касавина пишет: «Переживания нуждаются в категоризации, структурировании, чтобы стать *событиями экзистенциального опыта*... <...> Переживание надлежит подвести под понятие или представление, оно должно быть обозначено, зафиксировано в языке и общении» [5, с. 17]. Как указывает Ясперс, подлинное существование возможно только на основе *экзистенциальной коммуникации*. Экзистенциальное самопознание невозможно для изолированного субъекта: «Если я пытаюсь понять смысл жизни как “только я”, как если бы я уже для себя самого мог знать истину, то я... попадаюсь в сеть. Я не могу найти истину; ибо истинно то, что истинно не только для меня...» [22, с. 60]. Хотя в основе экзистенциального познания лежит слышимый индивидом в уникальном опыте «непосредственный язык трансценденции», сообщение этого языка должно пройти через обобщающий акт intersубъективной коммуникации, ибо «только в обобщенном виде его впервые понимает даже тот, кто его изначально слышит... язык наглядного сообщения от экзистенции к экзистенции... превращает то, что казалось некоммуникабельным, в транслируемое...» [27, с. 161–162].

Для Леонтьева необходимой ему экзистенциальной коммуникацией стала жизнь внутри церковного Предания, понимаемая, в частности, как послушание старцам. Старец и есть то конкретное и незаменимое «другое Я», любящее и открытое к общению, которое выступает как условие самопознания и подлин-

---

²² См.: Кузьмина Т.А. Экзистенциальный опыт и философия // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 22 [30].

ного экзистирования. По поводу осмысления Леонтьевым опыта экзистенциального страха Райнер Гольдт справедливо замечает: «... леонтьевское употребление термина “Страх Божий” основано не на богословских соображениях, а на сугубо индивидуальном опыте. Такая мысль может показаться парадоксальной ввиду исключительного послушания, которым Леонтьев в последние годы жизни подчинил себя воле старцев и Церкви. Тезис, однако, заключается в том, что Страх для него – онтологическая величина, выходящая и в индивидуально-психологическом, и в философско-познавательном плане за пределы христианского учения. Он выбирает христианскую номенклатуру лишь как терминологическое облачение, потому что родился в век, в котором Церковь ему казалась единственным оставшимся оплотом человеческого Я, нации и культуры...» [31, с. 79]. Человек всегда говорит, пусть даже с самим собой, на некотором языке, заданном культурой. Однако экзистенциальный опыт заставляет его наполнить слова этого языка собственным субъективным смыслом, *присвоить* себе заданные культурой смыслы и оценки и таким образом сделать их *субъективными и уникальными*. Осмысливая, опосредуя экзистенциальный опыт в символах, интерпретируя его, человек одновременно и *реинтерпретирует сам язык* с позиции своего опыта. Так язык экзистенциального опыта оказывается парадоксальным образом одновременно и интересубъективным (как всякий язык), и глубоко субъективным. В этом смысле можно сказать, что у Леонтьева (как и у каждого экзистенциального христианского мыслителя, начиная с Кьеркегора) было «свое собственное» христианство, несмотря даже на свободно избранную им верность церковному Преданию и церковной дисциплине. Именно это обстоятельство позволяет В.А. Котельникову утверждать: «Леонтьев присваивал и эгоцентрически замыкал в себе христианство, как бы притязая на некий личный культ» [32, с. 63].

Для Леонтьева ни социум, ни культура, ни Церковь не враждебны личности с ее свободой; полная духовная свобода и сохранение внутреннего достоинства личности возможны при самом деспотическом общественном строе. Свой собственный опыт Леонтьев выражал в терминах православно-христианского языка, видя в повиновении православной традиции условие спасающего человеческую личность предстояния Богу или, говоря языком экзистенциализма, движения к трансценденции. По Ясперсу, общественно организованная религия как «объективность отношения к трансценденции в культе и традиции» имеет большое экзистенциальное значение²³. Свободное повиновение высшему началу есть условие «самобытия» человека: «Сила самобытия существует лишь в той мере, в какой оно бывает в состоянии... подчиниться, вплоть до сознательного повиновения, в отношении к конечным целям, не утрачивая свободы автономного решения в абсолютном» [22, с. 360]. Предполагаемое религией подчинение внешнему авторитету, столь пугавшее автора

²³ См.: Ясперс Карл. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. С. 358.

«Легенды о Великом инквизиторе», не смущало Леонтьева, и это нисколько не противоречит экзистенциальному характеру его философствования.

Бердяев вполне справедливо замечал, что философия есть знание *опытное*. Различие между взглядами Достоевского и Леонтьева коренится не столько в их дискурсивных построениях, сколько в глубинном опыте, лежащем в основе их философствования. Опытно познанный Бог Достоевского – Христос, потому что в основе его веры лежит мистическое чувство всеобщего примирения, кенотического сострадания, единства с людьми и с миром. Опытно познанный Бог Леонтьева, прежде всего, трансцендентный и непреступный Судия и Правитель мира, потому что в основе его веры – экзистенциальное переживание страха перед небытием, озабоченности своей участью в вечности, разочарования во всем земном.

Но все же различия как в опыте, так и в вере Достоевского и Леонтьева не следует преувеличивать. Мистический и экзистенциальный опыт – не более чем идеальные типы, и в действительности между ними нет четкой границы. Мистику знакомо острое переживание своей вины, греховности и отчужденности от Бога и от мироздания («темная ночь души») – этот опыт весьма близок к экзистенциальному. Экзистенциальный же мыслитель знает опыт трансценденции, выхода за пределы своего замкнутого «Я», близкий к мистическому экстазу, единению с Богом. Кроме того, если Леонтьев, по-видимому, был лишен мистического опыта (во всяком случае, в его писаниях мы не находим свидетельств о том, что такой опыт был ему непосредственно знаком), то Достоевский очень хорошо знал опыт экзистенциальный. Этот опыт нашел яркое отражение и в его философском видении человека и, особенно, в его художественном мире – обстоятельство, которое сделало его одним из предшественников философского экзистенциализма XX века. Однако *религиозная вера* Достоевского строилась не на этом его экзистенциальном опыте, но на опыте мистическом, потому-то она и оказалась не близка последующим философам-экзистенциалистам, во многих других отношениях испытывавшим значительное влияние гениального русского писателя.

Список литературы

1. Леонтьев К.Н. Письма 1891 года // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 12. Кн. 3. СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 7–240.
2. Малевич Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. М.: ИФРАН, 2014. 175 с.
3. Андерхилл Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека / пер. с англ. Д. Веденова, В. Грачева, М. Добровольского, В. Локай, А. Мищенко. Киев: София, 2000. 496 с.
4. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма / пер. с нем. С.Э. Никулина. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 224 с.
5. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М.: ИФРАН, 2015. 189 с.
6. Достоевский Ф.М. Записная тетрадь 1876–1877 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 187–314.

7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Май – октябрь // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. 423 с.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1881 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 5–118.
9. Володихин Д.М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М.: Мануфактура, 2000. 192 с.
10. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический Проект, 2012. 608 с.
11. Кьеркегор С. Или–или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. / пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч. Н. Исаевой, С. Исаева. СПб.: Изд-во РХГА: Амфора, 2011. 823 с.
12. Кьеркегор С. Страх и трепет // Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Республика, 1993. С. 13–112.
13. Леонтьев К.Н. Четыре письма с Афона // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 131–175.
14. Достоевский Ф.М. Записная книжка 1863–1864 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1980. С. 170–179.
15. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973. 512 с.
16. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 519 с.
17. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с.
18. Достоевский Ф.М. Идиот: Подготовительные материалы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 9. Л.: Наука, 1974. С. 140–288.
19. Рейсбрук Удивительный. Одевание духовного брака. М., 1910. 272 с.
20. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 511 с.
21. Леонтьев К.Н. Страх Божий и любовь к человечеству. По поводу рассказа гр. Л.Н. Толстого «Чем люди живы?» // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 165–186.
22. Ясперс Карл. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. 448 с.
23. Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Республика, 1993. С. 113–248.
24. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / под ред. А.В. Гулыги; пер. с нем. И.С. Андреевой. М.: Республика, 1996. 447 с.
25. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека. Фантастический рассказ // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 104–119.
26. Леонтьев К.Н. Записки отшельника // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 234–496.
27. Ясперс Карл. Философия. Кн. 3. Метафизика / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. 296 с.
28. Леонтьев К.Н. Мое обращение и жизнь на Св. Афонской горе // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 782–804.
29. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 351 с.
30. Кузьмина Т.А. Экзистенциальный опыт и философия // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 16–27.
31. Гольдт Р. Аскетизм как трансцендентальная форма заботы о себе у К.Н. Леонтьева // Изобилие и аскеза в русской литературе: столкновения, переходы, совпадения: сб. ст. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2020. С. 72–84.
32. Котельников В.А. Личность К.Н. Леонтьева в свете идей персонализма // Русско-византийский вестник. 2022. № 4(11). С. 59–69.

References

(Sources)

1. Ruysbroeck the Admirable. *Odeyanie dukhovnogo braka* [The Spiritual Espousals]. Moscow, 1910. 272 p.

Collected Works

2. Dostoevskiy, F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 6* [Complete works in 30 vols., vol. 6]. Leningrad: Nauka, 1973. 424 p.

3. Dostoevskiy, F.M. Idiot [The Idiot], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 8* [Complete works in 30 vols., vol. 8]. Leningrad: Nauka, 1973. 512 p.

4. Dostoevskiy, F.M. Idiot: Podgotovitel'nye materialy [The Idiot: preparatory materials], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 9* [Complete works in 30 vols., vol. 9]. Leningrad: Nauka, 1973, pp. 140–288.

5. Dostoevskiy, F.M. Besy [The Possessed], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 10* [Complete works in 30 vols., vol. 10]. Leningrad: Nauka, 1974. 519 p.

6. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy. Kn. I–X [The Brothers Karamazov. Books I–X], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 14* [Complete works in 30 vols., vol. 14]. Leningrad: Nauka, 1976. 511 p.

7. Dostoevskiy, F.M. Zapisnaya knizhka 1863–1864 gg. [The notebook of 1863–1864], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. T. 20. Stat'i i zametki 1862–1865* [Complete works in 30 vols., vol. 20. Articles and notes 1862–1865]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 170–179.

8. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya za 1876 god. May–oktyabr' [A Writer's Diary. 1876, May–October], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 23* [Complete works in 30 vols., vol. 23]. Leningrad: Nauka, 1981. 423 p.

9. Dostoevskiy, F.M. Zapisnaya tetrad' 1876–1877 gg. [The notebook of 1876–1877], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 24. Dnevnik pisatelya za 1876 god. Noyabr' – dekabr'* [Complete works in 30 vols., vol. 24. A Writer's Diary. 1876, November–December]. Leningrad: Nauka, 1982, pp. 187–314.

10. Dostoevskiy, F.M. Son smeshnogo cheloveka. Fantasticheskiy rasskaz [The Dream of a Ridiculous Man: a fantastical tale], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 25. Dnevnik pisatelya za 1877 god. Yanvar'–avgust* [Complete works in 30 vols., vol. 25. A Writer's Diary. 1877, January–August]. Leningrad: Nauka, 1983, pp. 104–119.

11. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya. 1881 [A Writer's Diary. 1881], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 27* [Complete works in 30 vols., vol. 27]. Leningrad: Nauka, 1984. 460 p.

12. Leont'ev, K.N. Zapiski otshel'nika [Notes of a hermit], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 8, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 8, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2007, pp. 234–496.

13. Leont'ev, K.N. Moe obrashchenie i zhizn' na Sv. Afonskoy gore [My conversion and life on Mount Athos], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 6, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 6, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2003, pp. 782–804.

14. Leont'ev, K.N. Strakh Bozhii i lyubov' k chelovechestvu. Po povodu rasskaza gr. L.N. Tolstogo «Chem lyudi zhivy?» [Fear of God and love of mankind. Concerning the story gr. L.N. Tolstoy “What do people live by?”], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 9* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 9]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2014, pp. 165–186.

15. Leont'ev, K.N. Chetyre pis'ma s Afona [Four letters from Athos], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 7, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 7, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2005, pp. 131–175.

16. Leont'ev, K.N. Pis'ma 1891 goda [Letters of 1891], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pism v 12 t., t. 12, kn. 3* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 12, book 3]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2021, pp. 7–240.

Individual Works

17. Anderkhill, E. *Mistitsizm. Opyt issledovaniya prirody i zakonov razvitiya dukhovnogo soznaniya cheloveka* [Mysticism: A Study of the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness]. Kiev: Sofija, 2000. 496 p.

18. Berdyayev, N.A. *Filosofiya svobody* [The Philosophy of Freedom]. Moscow: OLMA-PRESS, 2000. 351 p.

19. Bol'nov, O.F. *Filosofiya ekzistentsializma* [The Philosophy of Existentialism]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Lan», 1999. 224 p.

20. Gol'dt, R. Asketizm kak transtsendental'naya forma zaboty o sebe u K.N. Leont'eva [Asceticism as a transcendental form of self-care in K.N. Leontiev's Works], in *Sbornik statey «Izobilie i askeza v russkoy literature: stolknoveniya, perekhody, sovpadeniya»* [Collection of Articles “Abundance and Asceticism in Russian Literature: Collisions, Transitions, Coincidences”]. Moscow, Redaktsiya zhurnala «Novoe literaturnoe obozrenie», 2020, pp. 72–84.

21. K'erkegor, S. *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k «Filosofskim krokham»* [Concluding Unscientific Postscript to the Philosophical Fragments]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2012. 608 p.

22. K'erkegor, S. *Ili–ili. Fragment iz zhizni: v 2 ch.* [Either/Or. A fragment of life: in 2 part]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA: Amfora, 2011. 823 p.

23. K'erkegor, S. Ponyatie strakha [The Concept of Anxiety], in K'erkegor, S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow: Respublika, 1993, pp. 113–248.

24. K'erkegor, S. Strakh i trepet [Fear and Trembling], in K'erkegor, S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow: Respublika, 1993, pp. 13–112.

25. Yaspers, K. *Filosofiya. Kniga 2. Prosvetlenie ekzistentsii* [Philosophy. Book 2. Existential elucidation]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 448 p.

26. Yaspers, K. *Filosofiya. Kniga 3. Metafizika* [Philosophy. Book 3. Metaphysics]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 296 p.

(Articles from Scientific Journals)

27. Kotel'nikov, V.A. Lichnost' K.N. Leont'eva v svete idey personalizma [The personality of K.N. Leontiev in the light of the ideas of personalism], in *Russko-vizantiyskiy vestnik*, 2022, no. 4(11), pp. 59–69.

28. Kuz'mina, T.A. Ekzistentsial'nyy opyt i filosofiya [Existential experience and philosophy], in *Voprosy filosofii*, 2007, no. 12, pp. 16–27.

(Monographs)

29. Kasavina, N.A. *Ekzistentsial'nyy opyt v filosofii i sotsial'no-gumanitarnykh naukakh* [Existential experience in philosophy and social and human sciences]. Moscow: IFRAN, 2015. 189 p.

30. Laut, R. *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskoy izlozhenii* [Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation]. Moscow: Respublika, 1996. 447 p.

31. Malevich, T.V. *Teorii misticheskogo opyta: istoriografiya i perspektivy* [Theories of Mystical experience: Historiography and perspectives]. Moscow: IFRAN, 2014. 175 p.

32. Volodikhin, D.M. «Vysokomernyy strannik». *Filosofiya i zhizn' Konstantina Leont'eva* [“The proud pilgrim”. The philosophy and life of Konstantin Leontiev]. Moscow: Manufaktura, 2000. 192 p.

УДК 82-1:1(47)

ББК 83.3(2=411.2)52:87.2(2)522

Елена Аркадьевна Тахо-Годи

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; профессор кафедры истории русской литературы; ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

«Импрессионизм мысли»: к пониманию термина Вл. Соловьева в статье о поэзии К.К. Случевского¹

Аннотация. Предложен новый подход к интерпретации статьи Вл. Соловьева «Импрессионизм мысли», посвященной творчеству поэта-предсимволиста Константина Случевского (1837–1904). Понятие «импрессионизм мысли», используемое философом в данном литературно-критическом тексте при характеристике лирики К.К. Случевского, до сих пор окончательно не прояснено. Предлагается для выявления исходного значения этого понятия учитывать биографический фактор, так как он помогает прояснить и эволюцию соловьевского отношения к Случевскому как поэту, и отношение мыслителя к «импрессионизму» как культурному явлению. В связи с этим затрагивается вопрос о личном общении философа с известными художниками его времени с точки зрения их возможного влияния на соловьевскую эстетику, а именно на его воззрения на живопись. Для более четкого понимания формулировки «импрессионизм мысли» предлагается рассматривать данную литературно-критическую статью Соловьева в контексте его общей эстетической концепции, базируясь на которой философ высказывал свои суждения о лирических текстах поэтов XIX столетия, и о том сугубо философском контексте, на фоне которого была написана опубликованная в 1897 г. статья, то есть прежде всего на фоне соловьевской гносеологии, нашедшей выражение в его незавершенном трактате «Теоретическая философия» (1897–1899 гг.).

Ключевые слова: литературно-критические статьи Вл. Соловьева, лирика К.К. Случевского, «импрессионизм мысли», импрессионизм как культурное явление, эстетическая концепция, истина как гносеологическая проблема

Elena Arkadevna Takho-Godi

M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; Professor, Department of History of Russian Literature, M.V. Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

---

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00800, <https://rscf.ru/project/23-28-00800/>. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation RSF, Project No. № 23-28-00800, <https://rscf.ru/project/23-28-00800/>

“Impressionism of thought”: Towards an understanding of Vladimir Solovyov's term in an article on the poetry of Konstantin Slucevsky

Abstract. The article proposes a new approach to the interpretation of Vladimir Solovyov's article “Impressionism of thought”, devoted to the work of the pre-symbolist poet Konstantin Slucevsky (1837–1904). It is shown that the very concept of “impressionism of thought” introduced by the philosopher in this literary-critical text in order to characterize the poetry of Slucevsky has not yet been finally clarified. It is argued that in order to reveal the original meaning that Solovyov put into this formulation, it is necessary to take into account the biographical factor, as it helps to clarify both the development of Solovyov's attitude to Slucevsky as a poet, and the thinker's attitude to “impressionism” as a cultural phenomenon. In this connection, the question of the philosopher's personal contact with famous artists of his time is raised from the point of view of their possible influence on Solovyov's aesthetics, namely on his views on painting. It is shown that for a clearer understanding of the formula “Impressionism of thought” it is necessary to consider this literary-critical article by Solovyov in the context his general aesthetic conception on the basis of which Solovyov expressed his judgments about the lyrical texts of the poets of the 19th century, and the purely philosophical context against the background of which the article, published in 1897, was written. That is, first of all, against the background of Solovyov's gnoseology, expressed in his unfinished treatise “Theoretical philosophy” (1897–1899).

Key words: literary-critical articles by V. Solovyov, lyrics by K.K. Slucevsky, “impressionism of thought”, “impressionism” as a cultural phenomenon, aesthetic concept, truth as a problem of gnoseology

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.139-160

Творчество одного из самобытнейших русских предсимволистов Константина Случевского (1837–1904) – и в наше время, и при его жизни – всегда оставалось достоянием достаточно узкого круга почитателей и ценителей. «Поэта противоречий», как назвал Случевского В.Я. Брюсов², читательская аудитория всегда воспринимала неоднозначно. Причем не столько из-за мировоззренческих противоречий, на которые указывал В.Я. Брюсов: сама поэтика Случевского, полная стилистических диссонансов, вызывала у большинства читателей и критиков неприятие и отторжение. В начале XIX в. Стендаль писал: «Мастера учат нас: ищите таких мелодий, которые были бы одновременно прозрачными, легкими, осмысленными, изящными и, не отличаясь чрезмерной изысканностью, не отдавали бы банальностью. Последнего промаха вы можете избежать, вводя диссонансы: вначале они вызывают слегка неприятное чувство; наше ухо настойчиво просит их разрешения и испытывает явное удовлетворение, когда композитор разрешает их. Диссонансы пробуждают наше внимание: они похожи на сильнодействующие средства, применяемые к человеку, впадшему в летаргический сон. <...> Диссонансы в музыке – это почти то же,

² См.: Брюсов В.Я. Поэт противоречий // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии. Далекие и близкие. М.: Худож. лит., 1973. С. 231–234 [1].

что светотень в живописи: ими не следует злоупотреблять» [2, с. 50–51]. Случевский, начавший свой поэтический путь в 1850-е гг. – в эпоху смены стилей, крушения романтических канонов и установления новых, реалистических, этот закон гармонии нарушал начиная с первых своих литературных опытов, безжалостно совмещая поэтизмы с прозаизмами, уничтожая заодно и жанровые границы. Так, жанр «кладбищенской элегии», канонизированный в русской поэзии В.А. Жуковским в «Сельском кладбище» (кстати сказать, это стихотворение Соловьев считал «родиной русской поэзии»³), под пером Случевского превращался в гротескную фантазмагорию – в дружескую беседу с мертвецом в стихотворении «На кладбище» (1860 г.), сразу вызвав пародии в свой адрес. Соловьевская положительная оценка лирики Случевского принадлежит к числу относительно немногих исключений, если мы сравним ее с откликами других современных поэту критиков. Возможно, свою роль тут сыграло и личное общение. На это тем более важно обратить внимание, что в задуманную философом, но, к сожалению, неосуществленную книгу о русских лириках XIX в. должны были войти статьи и о других поэтах, с которыми Соловьев был хорошо знаком (Я.П. Полонский, А.А. Фет).

Поэт и философ: к истории взаимоотношений

Об отношениях Соловьева и Случевского известно не так уж много. В 1990–2000-е гг. было потрачено много сил, чтобы по крупицам восстановить картину их взаимоотношений, основные вехи которых подробно описаны в книге «Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне»⁴. Ниже представим их предельно кратко.

Судя по всему, история дружеского общения поэта и философа укладывается в последние пять лет соловьевской жизни. Личное знакомство, по видимому, относится к середине 1895 г., когда по поручению Академии наук Соловьев писал отзыв о прозе Случевского, о сборнике «Исторические картинки. Разные рассказы» (1894 г.), выдвинутом на соискание Пушкинской премии Академии наук. Этот официальный отзыв опубликовали в Сборнике отделения русского языка и словесности Императорской академии наук в 1896 г.⁵ Он достаточно «кислый» – проза Случевского Соловьеву явно не нравилась. И тем не менее в том же году философ, уже исключительно по личной инициативе, взялся писать другой текст о Случевском как поэте и завершил его осенью 1896 г. Текст был оза-

---

³ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступит. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1974. С. 118 (Сер. Большая Библиотека поэта) [3].

⁴ См.: Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с. [4].

⁵ См.: Соловьев В.С. Разбор книги г. К. Случевского «Исторические картинки. Разные рассказы» (Изд. 2-е, значительно дополненное, СПб., 1894) // Сборник Отд. рус. яз. и словесн., 1896. Т. LXIV, № 9. С. 72–97 [5].

главлен «Импрессионизм мысли» и напечатан в апрельском номере журнала «Cosmopolis» за 1897 г. Эту статью вполне можно рассматривать как апологию поэзии Случевского. «Случайные погрешности» не мешают Случевскому «обладать редким уже ныне достоинством настоящего поэта и быть одним из немногих еще остающихся достойных представителей “серебряного века” русской лирики», – утверждал Соловьев и ругал «невнимательных друзей», не указавших поэту на некоторые «досадные недосмотры» [6, с. 82–83]. Неудивительно, что вскоре он предложил Случевскому «свои сильные услуги», выразив в письме к поэту, датируемом приблизительно первой половиной 1897 г., готовность взять на себя редакторский труд по подготовке к изданию его избранных сочинений⁶. Такую готовность Соловьев объяснял тем, что, с одной стороны, ценит талант Случевского, а с другой – заботится и об интересах русской литературы. Это письмо Соловьева было впервые введено в научный оборот в 1970-е гг. Т.П. Мазур (1933–1989), сотрудницей Исторического музея, где хранится большая часть архива Случевского: письмо было включено в Приложение к ее диссертации о поэте «К.К. Случевский: Основные этапы творческой биографии» (1974 г.).

Об эволюции отношения Соловьева к Случевскому – от явного неприятия к признанию в нем продолжателя дела Фета и хранителя истинной поэзии – лучше всего свидетельствуют стихи самого Соловьева, обращенные к Случевскому, такие как стихотворение «Отзыв на “Песни из Уголка”», опубликованное в журнале «Книжки недели» в мартовском номере за 1898 г., и стихотворение «Ответ на “Плач Ярославны”», написанное 18 июня 1898 г. в имении С.П. Хитрово, в Пустыньке⁷. О вполне дружеских отношениях с Соловьевым свидетельствует и стихотворение Случевского «Влад. Серг. Соловьеву, перед отъездом его в Палестину», которое было найдено уже после выхода монографии о Случевском в Рукописном отделе Пушкинского Дома и опубликовано в 2001 г. в журнале «Новый мир»⁸.

Как следует из этого стихотворения, Случевский был в курсе соловьевских планов совершить второе путешествие в Египет и посетить не только Египет, но и Палестину. Это особенно примечательно, если учесть, что путешествие было неожиданным для родных Соловьева: Соловьев даже не успел заехать попрощаться с матерью. Отъезд Соловьев планировал на конец марта 1898 г., но и 1 апреля 1898 г. он все еще находился в Москве. Лишь в середине апреля в сопровождении Э.Л. Радлова он добрался до Каира, а поездка в Палестину так и не состоялась. Стихотворение Случевского создавалось накануне этого отъезда, причем его текст был обнаружен как раз на корректурном листке шмуцтитула, вышедшего в свет в апреле 1898 г. первого тома его «Сочинений», в подготовке которого, очевидно, принимал участие Соловьев.

⁶ ГИМ. Ф. 359. Ед. хр. 129. Щ. 151/361.

⁷ См.: Соловьев В.С. Стихотворения. Изд. 7-е. М.: Рус. книжник, 1921. С. 167 [7].

⁸ См.: Тахо-Годи Е.А. «Зови знакомый облик мой...» // Новый мир. 2001. № 10. С. 169–170 [8].

По свидетельствам дочери Случевского, А.К. Случевской-Коростовец, в последние годы жизни Соловьев посещал ее отца на даче, называвшейся «Уголок» и расположенной на берегу Финского залива в Нарве-Йыэсуу, а в Петербурге бывал на заседаниях возникшего в октябре 1898 г. поэтического кружка К.К. Случевского⁹, что подтверждается записями и в «Альбоме Пятниц К.К. Случевского»¹⁰, и в дневниках Ф.Ф. Фидлера, одного из завсегдатаев «Пятниц»¹¹.

В 1990–2000-е гг., говоря о Соловьеве и Случевском, внимание эстетике Соловьева уделялось меньше, главным образом на восстановление истории его взаимоотношений со Случевским, хотя в монографии биографическая составляющая и не была центральной¹². Главная задача заключалась в другом – показать, как поэт, по своему стилю отнюдь не принадлежавший к пушкинской школе гармонической точности, всю жизнь пытался быть служителем пушкинской традиции, так как она для него ассоциировалась с верностью идеалам русской литературы и даже шире – с самой Россией и ее исторической судьбой. Пушкинский фон был далеко не выигрышным для «поэта противоречий» (недаром в названии монографии содержалась аллюзия на стихи Б.Ш. Окуджавы «На фоне Пушкина снимается семейство...»), но это был его не столько поэтический, сколько мировоззренческий выбор¹³. На эту пушкинскую тему в биографии и творчестве Случевского важно обратить внимание, потому что ниже нам еще предстоит вернуться к ней, хотя и совсем в ином ракурсе.

Теперь же представляется более важным понять не биографические, а философские корни соловьевской оценки лирики Случевского. Думается, что прояснение смысла вводимого понятия «импрессионизм мысли», вынесенного философом в название статьи о Случевском, должно помочь уточнить ее эстетическую концепцию. Для этого нужно разрешить вопрос: является ли как таковой «импрессионизм мысли» положительным или отрицательным явлением

⁹ См.: Случевская-Коростовец А.К. Воспоминания об отце // Грани. 1959. № 42. С. 118–119 [9].

¹⁰ Хранится в Рукописном отделе РНБ, издан С.В. Сапожковым, но, к сожалению, без воспроизведения всех рисунков (см.: Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (по новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232–375 [10]).

¹¹ См.: Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / издание подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 307 [11].

¹² В последующие годы появились статьи, направленные на уяснение взаимосвязей Соловьева и Случевского на уровне поэтики (см.: Пильд Л.Л. Гейне в литературном диалоге К. Случевского и Вл. Соловьева // «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Т.В. Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 156–164 [12]; Пильд Л.Л. Владимир Соловьев и Константин Случевский (из комментария к стихотворениям Вл. Соловьева) // Тыняновский сборник. Вып. 13. XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 148–161 [13]).

¹³ К сожалению, это не всегда было принято в расчет рецензентами. Так, С.В. Сапожков считал, что мы рассматриваем Случевского исключительно как поэта, принадлежавшего пушкинской традиции (см.: Сапожков С.В. «Пушкинский фон» или «Пушкинизм без берегов»? [Рец. на]: Тахо-Годи Е. Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000 // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 385–392 [14]).

с точки зрения Соловьёва и что, собственно, он под ним подразумевает? Казалось бы, ответить на это достаточно просто, потому что Соловьёв сам дает объяснение своей терминологии. Вот оно: «Мы не найдем у него простых художественных воспроизведений того или другого поразившего его явления из жизни природы или человека. Всякое даже самое ничтожное впечатление сейчас же переходит у него в размышление, дает свое отвлеченное умственное отражение и в нем как бы растворяется. Это свойство ... я назвал бы *импрессионизмом мысли*» [6, с. 77]. Однако было бы ошибкой ограничиться этим определением и рамками самой статьи, чтобы правильно истолковать слова Соловьёва, а вместе с тем и то место, которое он отводил Случевскому как в поэзии «серебряного века» (под которой Соловьёв подразумевал то, что мы сейчас называем «предсимволизмом» 1880–1890-х гг.), так и в задуманной философом книге о русских лириках всего XIX столетия. Для начала необходимо выяснить, каково было отношение мыслителя к «импрессионизму» как культурному явлению в целом.

Соловьёв в кругу художников

О живописи – ее месте в эстетике и ее связи с этикой – Соловьёв писал немного (полемика с С.М. Волконским и статья «Что значит слово “живописность”?» 1897 г.). Видимо, поэтому до сих пор остается вне исследовательского внимания такая важная проблема, как отношение Соловьёва к современным ему художникам и их произведениям, – философы и филологи предпочитают говорить об эстетике Соловьёва отвлеченно, не вдаваясь в изучение реальных связей, несомненно влиявших и на соловьёвскую эстетику. А эти реальные связи Соловьёва с художественными кругами последней четверти XIX в. весьма примечательны.

Обращаясь к этой теме, пусть даже самым лаконичным образом, нелишне напомнить и о семейных традициях – о том, что сестра Соловьёва, Поликсена, занималась в Училище живописи, ваяния и зодчества у И.М. Прянишникова и В.Д. Поленова. Очень хороший портрет молодой Соловьёвой написал в 1885 г. Н.А. Ярошенко, ученик И.Н. Крамского. Впоследствии ее собственные рисунки и виньетки в сборниках вызывали похвалы И.Ф. Анненского и В.В. Розанова¹⁴. Но не только Поликсена Соловьёва лично знала многих художников – и сам Соловьёв общался с крупнейшими мастерами своего времени.

Соловьёв позировал для портрета в 1885–1886 гг. И.Н. Крамскому, в 1891 г. – И.Е. Репину, в 1895 г. – Н.А. Ярошенко, представившему в том же 1895 г. на Передвижной выставке готовый портрет философа вместе с портретом Льва Толстого. Такое соседство было неслучайным: со Львом Толстым Соловьёв

¹⁴ См.: Дроздов М.С. Поликсена Сергеевна Соловьёва, сестры Герцык, Крым // Крымский архив. 2015. № 2(17). С. 24–25 [15].

встречался в 1894 г. как раз у Н.А. Ярошенко, вместе с художником провожал Толстого на вокзал¹⁵. С Н.А. Ярошенко Соловьев дружил, был завсегдаем его «суббот» на Сергиевской¹⁶ и даже, по некоторым сведениям, приезжал в его дом в Кисловодске¹⁷. Среди посетителей «суббот» Н.А. Ярошенко – художники-передвижники: «из “старших” передвижников личным другом долгие годы был Куинджи, может быть, еще Шишкин, из “молодых” – Остроухов, Касаткин, Дубовской, Нестеров»¹⁸. Проводя «субботы» среди художников, Соловьев не мог не быть в курсе волновавших их эстетических вопросов. Нельзя исключить и его бесед с художниками во время сеансов портретирования. Их мнение об импрессионизме в той или иной мере могло подготовить почву, предопределить отношение философа к этому новейшему направлению в живописи его времени.

При этом, как очевидно, соловьевский круг общения – это передвижники, отношение которых к импрессионизму было двойственным, колебалось между восхищением и отрицанием. И.Е. Репин и И.Н. Крамской, побывав в середине 1870-х гг. во Франции, высоко оценивали новое направление. И.Н. Крамской в письме к П.М. Третьякову от 13–25 июля 1876 г. утверждал: «... несомненно, что будущее за ними»¹⁹, т.е. за импрессионистами. Однако, признавая, что современной живописи «непременно нужно двинуться к свету, краскам и воздуху», собственный путь в искусстве передвижники видели иначе. Они не хотели «растерять по дороге драгоценнейшее качество художника – сердце»²⁰, ставили акцент не на форме, а на содержании. «Наша задача – содержание, – писал И.Е. Репин И.Н. Крамскому в середине 1870-х гг. – Лицо, душа человека, драма жизни, впечатления природы, ее жизнь и смысл, дух истории – вот наши темы, как мне кажется; краски у нас – орудие...» [18]. Комментируя этот диалог, искусствовед И.А. Доронченков пишет: «Искусство рассматривается передвижниками как форма выполнения общественной миссии, и эта миссия связана с говорением правды, с визуализацией подлинной русской жизни и предъявлением ее образованной публике на выставке. И в этом отношении оба художника прекрасно понимают, что нашедшая крайнее воплощение в импрессионизме тенденция к свету, воздуху, мгновенному видению действительности очень обаятельна и перед нами сейчас происходит очень благородный и достойный отказ от гедонистического соблазна красивой живописи как таковой в пользу живописи-средства, живописи-служения» [17, с. 124]. С точки зрения

¹⁵ См.: Порудоминский В.И. Николай Ярошенко. М.: Искусство, 1979. С. 131–137 [16].

¹⁶ Там же. С. 62.

¹⁷ Там же. С. 101, 135. В 1885 году Ярошенко купил в Кисловодске дом, позднее названный «Беллой виллой». После отставки в 1892 г. художник окончательно туда переедет, и все участники ярошенковских «суббот» впоследствии периодически будут навещать в его уютно обустроенную усадьбу. Там он и умер в 1898 г.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ Письмо к П.М. Третьякову от 13–25 июля 1876 г. (см: Крамской об искусстве / сост., авт. вступ. статьи Т.М. Коваленская. 2-е изд., доп. М.: Изобраз. искусство, 1988. С. 99 [17]).

²⁰ Там же. С. 124.

И.Н. Крамского, новое искусство мешало нормальному восприятию действительности: «Лежите вы на траве, кругом чаща лесная, вы лежите долго: вас как будто сон клонит, и в это время ваши глаза то видят предметы, то нет, краски в глазу начинают мелькать, мешаться, у вас, вместо леса, в мозгу начинаются галлюцинации, и такая выходит радуга и фантастическая чертовщина, что вы уже потеряли нормальное употребление Вашими чувствами» [17, с. 101]. Примечательно, что этот пассаж из письма И.Н. Крамского к В.В. Стасову от 21 июля 1876 г. неожиданно оказывается своего рода «квинтэссенцией» стихотворения Случевского «На кладбище», где именно созерцание окружающей природы в итоге приводит к фантазмагорической беседе с мертвецом. По мнению И.Н. Крамского, стремясь к «свету, краскам и воздуху», к чистым цветам спектра, сознательно избегая черного цвета, импрессионисты невольно утрачивали не только содержание, но и форму, пластику. Закономерно, что портреты Соловьева, выполненные И.Н. Крамским, И.Е. Репиным, Н.А. Ярошенко, диаметрально противоположны этой тенденции.

Свою роль в отношении Соловьева к импрессионизму могли сыграть вернисажи французского искусства на художественно-промышленных выставках 1891 г. и 1896 г. в Москве, вернее вызванная ими полемика. Так, в 1893 г. появилась статья «Гроза, надвигающаяся на русское искусство», где главный редактор газеты «Московские ведомости» В.А. Грингмут сопоставлял импрессионизм с социализмом и, в свою очередь, разоблачал художников этого направления за то, что у них «все предметы, явления, существа имеют лишь внешнюю оболочку, без всякого внутреннего содержания»²¹. На нее следует обратить особое внимание, потому что за два года до ее публикации, в 1891 г., в связи с прочитанным Соловьевым в Психологическом обществе 19 октября 1891 г. докладом «Об упадке средневекового мирозерцания» на страницах «Московских ведомостей» В.А. Грингмутом была развернута настоящая травля, на которую философу пришлось отвечать письмами. В связи со статьей «Гроза, надвигающаяся на русское искусство» в полемику с В.А. Грингмутом вступил П.П. Гнедич, знакомый с Соловьевым с начала 1880-х гг.²², опубликовавший в 1894 г. в журнале «Артист» рассказ «Импрессионист», где, по мнению И.А. Доронченкова, вывел В.А. Грингмута в карикатурном образе старца Созонта²³.

О причинах упадка в искусстве и литературе

Доклад об упадке современного христианства в сравнении со средневековьем, за который в 1891 г. Соловьева корили на страницах «Московских ведомостей», на наш взгляд, теснейшим образом связан с полемикой, развернув-

²¹ См.: Доронченков И.А. Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России.

²² См.: Гнедич П.П. Книга жизни: воспоминания. 1855–1918. Ленинград: Прибой, 1929. С. 214 [19].

²³ См.: Доронченков И.А. Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России.

шейся за три года до того, в 1888 г., в связи со статьей Соловьёва «Россия и Европа» («Вестник Европы», 1888 г., № 2) по поводу книги «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, где Соловьёв говорил, в том числе, и об упадке русской литературы и русского искусства, идущих «по нисходящей линии»: «Чтобы иметь право допустить, что цветущая эпоха нашей литературы, продолжавшаяся около полу столетия (от “Евгения Онегина” до “Анны Карениной”), представляет лишь зародыш нашего будущего творчества, нужно выставить возрастающих талантов и гениев более значительных, нежели Пушкин, Гоголь или Толстой. Но наши новые литературные поколения, которые имели, однако, время проявить свои силы, не могли произвести ни одного писателя, хотя бы лишь приблизительно равного старым мастерам. То же самое должно сказать о музыке и об исторической живописи: Глинка и Иванов не имели преемников одинаковой с ними величины. Трудно, кажется, отрицать тот очевидный факт, что литература и искусство в России идут в последнее время по нисходящей линии (со стороны художественного достоинства) и что нет ничего обещающего нам, при данных условиях, новый эстетический расцвет» [20, с. 100–101].

Эти суждения Соловьёва чрезвычайно возмутили одного из ведущих художественных критиков эпохи В.В. Стасова. В фельетоне «По поводу статьи Владимира Соловьёва» («День», 1888 г., № 23, 21 февраля) он обвинил философа в полном незнании современного состояния дел в русском искусстве: «<...> подумаешь, что Влад. Соловьёв точно будто бы где-то заснул в углу и ничего не знает и не слышит из того, что происходит в мире. Никакой внешний шум, голоса, движение не достигают до него, и он невозмутимо пребывает в своей Нирване» [21, с. 218; 22, с. 31–36].

Позиция Соловьёва была обусловлена, конечно, отнюдь не «полным незнанием современного состояния дел в русском искусстве». Она отчасти совпадала с точкой зрения знакомых ему выдающихся русских художников с их стремлением к «содержанию» и «живописи-служению», хотя в понятие «содержание» Соловьёв, конечно, вкладывал иной, не просто социальный, но религиозный смысл, как и в служение, которое оказывалось у него не чем иным, как теургией. Напомним слова И.Н. Крамского из письма к И.Е. Репину от 23 февраля 1874 г.: «<...> мысль, и одна мысль создает технику и возвышает ее. Оскудевает содержание, понижается и достоинство исполнения» [17, с. 124]. Примечательно, что строки из статьи Соловьёва о Случевском: «На мой взгляд, произведения К.К. Случевского, как лирика, могут быть основательно разделены только на удачные и неудачные»²⁴, перекликаются с письмом И.Н. Крамского от 16 июля 1886 г., адресованного как раз В.В. Стасову: «<...> я предпочел бы в интересах дела выбросить из Вашего лексикона слово “новое искусство” и заменить его словом “настоящее”, в отличие от фальшивого. Как только перестановка эта

---

²⁴ См.: Соловьёв В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. Кн. 1–4: 1880–1890. С. 7.

произойдет, так сейчас же наступит и большая ясность понимания. Настоящее могло быть и сто лет назад, а фальшивое произрастать в 60-х годах» [17, с. 79].

Соловьев полагал, что в современную эпоху «ничто не обещает эстетического расцвета», что искусство лишилось своей «подлинности», именно потому, что оно забыло о главном – о неземном, мистическом статусе красоты, о том, что «красота просветляет все существующее», что «этот ее свет есть вечная истина», что «просветляя все, что есть, чистая красота оставляет за всем его собственное существенное качество, и, следовательно, если искусство служит чистой красоте, то оно должно брать все существующее в его истине»²⁵. Конечно, «всякое понятие, хотя бы и присущее потенциально человеческому разуму и в этом смысле врожденное, для своего перехода в *действительное* сознание требует известных ощутительных впечатлений или восприятий, которые вызывают это потенциальное понятие к проявлению и дают ему его живую, конкретную форму, подвергающуюся затем дальнейшему умственному процессу расширения и углубления, осложнения и очищения»²⁶. Такой умственный процесс очищения, постижения конкретных ощутительных впечатлений особенно очевиден в словесном искусстве, потому что «высшая задача словесной деятельности уже предопределена в самой природе слов, которые неизбежно представляют общие и пребывающие понятия, а не отдельные и преходящие впечатления, и следовательно, уже сами по себе будучи связью многого воедино, наводят нас на разумение всемирного смысла»²⁷. По Соловьеву, «в минуты настоящего поэтического вдохновения» поэт, естественно, забывает о законах практической жизни или отвлеченной науки, но, отдаваясь «непосредственным впечатлениям природной красоты», он все равно должен следовать объективной истине, так как «чистый поэт имеет своим предметом чистую красоту и – ничего более; а красота сама по себе, по самому существу своему, по внутренней природе своей, есть *ощутительная* форма истины и добра»²⁸. Соловьев использует эту формулировку («красота есть только *ощутительная форма добра и истины*») и в статье «Судьба Пушкина», многозначительно добавляя, что «если бы Пушкин жил в средние века, то, достигнув этого понимания, он мог бы пойти в монастырь, чтобы связать свое художническое призвание с прямым культом того, что абсолютно достойно»²⁹.

²⁵ См.: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 325 [23].

²⁶ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: 1894–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 108 [24].

²⁷ См.: Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 26 [25].

²⁸ См.: Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 325.

²⁹ См.: Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 43 [26].

Для Соловьева отделить красоту от истины и добра – значит лишить ее «ее собственного внутреннего содержания»³⁰. Вот почему, по его мнению, «пришлось бы отказаться от поэзии как от обмана», если принять «отрицательную точку зрения» на мир таких «поэтов разочарования», как Боратынский и Лермонтов³¹. Если у Боратынского, по Соловьеву, разочарование имело хотя «некоторую видимость объективных оснований», потому что поэт «принял материалистические обобщения некоторых научных данных за непреложную истину и, видя противоречие этой “истины” с поэтическим и религиозным воззрением на мир и жизнь, решил, что это воззрение есть иллюзия»³², то у Лермонтова он таковых оснований не находил. С позиций соловьевской диалектики, «разочарованная поэзия явилась не даром», «отрицательный момент необходим, ненормальна и бессмысленна только остановка на нем, т. е. *удовлетворение своею неудовлетворенностью*»³³. Однако после поры «субъективного отрицания» уже нельзя было «просто вернуться к прежней художественной непосредственности, к органическому творчеству Пушкина»³⁴.

Для Соловьева принципиально важно, что русская поэзия доказала свою жизненность, не остановившись на разочарованности, явив «поэтов положительной мысли, сознательно понимавших значение красоты в Мире, примиривших ум с творчеством и оправдывавшие поэзию, как выражение истины»³⁵. Этот третий тип Соловьев называет «*поэзией гармонической мысли*» и относит к нему Тютчева и А.К. Толстого³⁶. По Соловьеву, «Пушкин как бы предоставил» Тютчеву «раскрытие поэтического смысла природной жизни», а Фету как одному из главных птенцов своего «“лебединого” гнезда» – лирическую живопись явлений природной жизни. В Тютчеве ему особенно дорого то, что «он не только чувствовал, а и мыслил, как поэт, – что он был убежден в объективной истине поэтического воззрения на природу»³⁷, на окружавший его мир. В лирике А.К.Толстого – то, что поэт к этой «умственной основе» привнес «элемент *деятельной воли и борьбы*»³⁸, т. волевое устремление к красоте и истине.

Такая диалектика русской поэзии в статьях Соловьева 1890-х гг. во многом восходит к его ранней работе «Философские начала цельного знания» (1877 г.), где философ утверждал, что «значение положительных начал для этой жизни могут иметь: только такое чувство, которое стремится закрепить

³⁰ См.: Соловьев. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 325.

³¹ См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 139 [27].

³² См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого. С. 139.

³³ Там же. С. 140.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 140.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 119–120 [28].

³⁸ См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого. С. 140.

свое непосредственное состояние объективным его выражением, только такое мышление, которое стремится к определенному предметному содержанию, только такая воля, которая имеет в виду определенные общие цели; другими словами – чувство, имеющее своим предметом *объективную красоту*, мышление, имеющее своим предметом *объективную истину* (следовательно, мышление познающее, или знание), и воля, имеющая своим предметом *объективное благо*» [29, с. 257]. Уже в этой работе Соловьев, вычлняя три типа истинности («истинность материальную, фактическую», «истинность формальную, логическую» и «истинность абсолютную»), подчеркивал недостаточность «материальных фактических знаний», так как свидетельства чувств «могут быть иллюзией», обманом, отмечал, что «настоящая истина должна определяться независимым от внешней реальности и от нашего разума абсолютным первоначалом всего существующего», что обуславливает невозможность базироваться на «чисто субъективном чувстве, отдельной мысли или фантазии»³⁹. Творчество, по Соловьеву, это отнюдь не субъективное, личное проявление чувства, но, напротив, это чувство, получившее «общее объективное выражение»⁴⁰. Четыре вида изящных искусств – ваяние, живопись, музыка и поэзия – есть «постепенное восхождение от материи к духовности»: «живопись уже более идеальна», нежели ваяние, «еще более духовный характер имеет музыка» и, «наконец, поэзия (в тесном смысле этого термина) находит свое выражение только в духовном элементе человеческого слова»⁴¹. Но, по Соловьеву, «красота художественных образов не есть еще полная, всецелая красота», потому что в «абсолютной красоте содержание должно быть столь же определенным, необходимым и вечным, как и форма», что возможно «только в идеальном мире ..., мире сверхприродном и сверхчеловеческом»⁴². В земном мире эта истинная красота доступна лишь в своих отражениях. В древности существовал синтез искусств – поэзии, музыки, живописи, ваяния и даже зодчества, так как «все они служат одной иерархической цели, то есть подчинены и даже слиты с мистикой»⁴³ так же, как и в средние века, где «свободного художества не существует; все подчинено мистике»⁴⁴. Отказ от устремлений к абсолютной истине и абсолютной красоте приводит, по Соловьеву, к упадку искусства, который начинается в эпоху Возрождения, а к концу XIX столетия проявляется господством «технического искусства, чисто реального и утилитарного»⁴⁵. Вот почему Соловьев с сожалением констатировал, что «искусство для искусства, то есть для красоты, так же чуждо нашему веку, как и мистическое творчество»⁴⁶.

³⁹ См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого. С. 260.

⁴⁰ Там же. С. 262.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 262–263.

⁴³ Там же. С. 267

⁴⁴ Там же. С. 279.

⁴⁵ Там же. С. 280.

⁴⁶ Там же.

Импрессионизм и гносеология

На первый взгляд, может возникнуть ощущение, что мы слишком далеко ушли от основной темы – от интерпретации термина «импрессионизм мысли», вынесенного Соловьёвым в заглавие его статьи о лирике Случевского. Однако это не так, ибо невозможно правильно истолковать мысль Соловьёва, взяв изолированно один его текст. Давайте посмотрим сначала: в какие поэтические координаты вписывает философ Случевского?

«При всем различии между двумя поэтами» некоторые «удачные образчики мыслей-импрессий» Случевского позволяют ему провести параллели со стихами Тютчева, то есть с истинным поэтом гармонической мысли. Другие тексты, «замечательные по силе стиха», – с Лермонтовым («От таких стихов не отказался бы и Лермонтов»⁴⁷), то есть с поэтом-отрицателем. Если учтем черновой набросок соловьёвского стихотворения «Ответ на “Плач Ярославны”» (1898 г.), то появится еще одна координата: тут Случевский сопряжен с Фетом («Звучит загробный голос Фета, / И жив Случевский Константин»⁴⁸), то есть оказывается продолжателем дела поэта, способного к «лирической живописи» явлений «природной жизни»⁴⁹. Таким образом, место Случевского на соловьёвской карте русской поэзии – между двумя представителями пушкинского «“лебединого” гнезда» (Тютчев и Фет) и лермонтовской поэзией отрицания, рефлексии и претензий авторского «я» на роль «сверхчеловека», что было для Соловьёва неприемлемо, так как, по его убеждению, единственным сверхчеловеком был Христос. Неслучайно в статье о Лермонтове он скажет: «... всякое заблуждение, о котором стоить говорить, – содержит в себе несомненную истину, которой оно есть лишь более или менее глубокое искажение. <...> Поэтому, первое дело разумной критики относительно какого-нибудь заблуждения – найти ту истину, которую оно держится и которую оно извращает» [30, с. 348]. По Соловьёву, сказать, что «гениальность обязывает к смирению», равнозначно «сказать, что гениальность обязывает становиться сверхчеловеком»⁵⁰. Этим объясняется его восхищение пушкинским «Пророком»: «... поэт в одежде пророка, созданный вдохновением и с внутреннею, свободною необходимостью раскрывающий полноту своего смысла», «есть их существенная норма, без которой они [все поэты] не имели бы смысла»⁵¹; «Пусть ни один поэт не провел в себе самом до конца того, что требует полный и могучий идеал поэтического призвания. Но этот идеал есть норма, «высшая норма»⁵².

⁴⁷ См.: Соловьёв В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 81.

⁴⁸ См.: Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 267.

⁴⁹ См.: Соловьёв В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 304.

⁵⁰ См.: Соловьёв В.С. Лермонтов // Соловьёв В.С. Собр. соч. С. 363.

⁵¹ См.: Соловьёв В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 329.

⁵² Там же. С. 330.

Сопоставляя Случевского с Лермонтовым, Соловьев имел в виду не предвестия нищестанства. Подтверждением служит то, что сопоставление с Лермонтовым возникает в связи с оценкой строк из стихотворения Случевского как «замечательных по силе стиха». Для Соловьева «первая и основная особенность Лермонтовского гения – страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем я, страшная сила личного чувства»⁵³, «одиночество и пустыньность напряженной и в себе сосредоточенной личной силы, не находящей себе достаточного удовлетворяющего ее применения»⁵⁴. Это «сильнейшее развитие личного начала», по Соловьеву, «есть условие для наибольшей сознательности жизненного содержания», но «это содержание жизни» не дается само собой, в результате чего «при его отсутствии сильное я остается пустым»⁵⁵. Благодаря тому, что Лермонтов «был поэт Высшей милостью, и, следовательно, все им переживаемое превращалось в создания поэзии, давая новую пищу его я», это «колоссальное я Лермонтова» не могло «оставаться совершенно пустым»⁵⁶. В итоге лермонтовским стихам, особенно любовным, присуща «особенная прелесть ... – прелесть оптическая, прелесть миража»⁵⁷, потому что «такая формальная любовь могла быть лишь рамкой, а не содержанием его я, которое оставалось одиноким и пустым». «Облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает еще их привлекательными для неопытных», соблазняя и других поэтов на этот «ложный путь»⁵⁸.

Как очевидно, Соловьев здесь снова ведет речь о несоответствии формы и содержания. Такое несоответствие философ находит не только у Лермонтова, но и у Случевского. У последнего это вызвано не особой, присущей Лермонтову сосредоточенностью на своем одиноком «я», а недостатком «критической рефлексии»⁵⁹, мешающим различать достойное поэзии (вечное, истину) от «со-ра» (минутного, случайного, то есть «ложных мыслей и чувств»). Случевский, по Соловьеву, «есть впечатлительнейший из поэтов», но в его стихах нет «простых художественных воспроизведений того или другого поразившего его явления из жизни природы или человека», так как «даже самое ничтожное впечатление сейчас же переходит у него в размышление, дает свое отвлеченное умственное отражение и в нем как бы растворяется», причем «немедленно обобщая» любые впечатления «в форме рефлексии, мысль поэта не останавливается на предварительной эстетической оценке этих впечатлений»⁶⁰. Именно этим объясняет Соловьев «чрезвычайную неровность и случайность его произ-

⁵³ См.: Соловьев В.С. Лермонтов // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. С. 353.

⁵⁴ Там же. С. 355–356.

⁵⁵ Там же. С. 354.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 366.

⁵⁹ См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 77.

⁶⁰ Там же.

ведений: если впечатление имело настоящую эстетическую ценность, если в нем был элемент красоты, его прямое отражение в мысли автора дает истинно поэтические произведения, если же нет, то выходят вещи в лучшем случае странные, или причудливые»⁶¹. Соловьев убежден, что «впечатление впечатлению рознь» и что только когда в мгновенном впечатлении перед взором поэта «прямо открывается и выступает вечное», тогда он может написать «глубокое и трогательное по содержанию стихотворение»⁶², приблизившись к представителям пушкинского «“лебединого” гнезда» – к Тютчеву и Фету, гармонично синтезируя чувство и мысль с «лирической живописью» и верой в объективную истину поэтического воззрения на мир. В противном случае «чистое сознание факта ... не заключает еще само по себе никакого свидетельства и никакого ручательства насчет собственного бытия ... предмета: он может оказаться оптическим фокусом, или галлюцинацией», так как «известные определенные признаки зрительного очертания, положения и т.д., *одинаковые* при сновидении, при галлюцинации, при оптическом фокусе и при нормальном восприятии», так как предмет остается предметом, «вижу ли я его во сне или наяву, в зеркале, или прямо перед собою»⁶³. «Зеркальность» сознания, готового отразить и увековечить в поэтическом творчестве любой попавший в «зеркало» мысли предмет, порождает лишь «прелесть миража» – отсутствие сознательной ориентации на абсолютную истину и абсолютную красоту приводит к оптическому фокусу облечения «в красоту формы» ложного содержания, «ложных мыслей и чувств». Возникает, «с одной стороны, самодостовверная, но совершенно пустая форма сознания, а с другой стороны – обильное, но призрачное его содержание»⁶⁴. Существующая «пустота безусловной формы» всегда ставит вопрос о поиске ее наполнения, при этом если «есть хотение, стремление, искание познать истину, следовательно, она уже известна, ибо неизвестного нельзя и желать», – дело лишь в различии «между известностью истины как *понятия* и знанием *самой* истины»⁶⁵. Чтобы «рассеянную форму» отрешить «от несоответствующего ей условного содержания, оставляющего ее саму по себе бессодержательною», нужно «из безразличного понятия превратить ее в живой *замысел*»⁶⁶, потому что «всякий замысел есть начало живого движения, оплодотворяющее всякую мысленную материю»⁶⁷ путем «познания истины по существу»⁶⁸. Это познание требует волевого усилия (напомним характеристику, данную Соловьевым А.К. Толстому как поэту воли и действия), потому что

---

⁶¹ См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 77–78.

⁶² Там же. С. 81.

⁶³ См.: Соловьев В.С. Теоретическая философия // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 104 [31].

⁶⁴ Там же. С. 123.

⁶⁵ Там же. С. 152.

⁶⁶ Там же. С. 153.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 155.

решимость (воля) «является действительным началом движения и превращает мышление в становящейся разум истины»⁶⁹, когда познающий субъект «определяется не в своей материальной пестроте и не в своей формальной пустоте, а в своем безусловном содержании»⁷⁰. Соловьев резюмирует: «Как живая форма истины, он [познающий] должен быть занят не собою, а своим безусловным будущим содержанием; становясь разумом истины, он должен определяться не в себе, а в определениях своего безусловного предмета. Он должен обращаться не вокруг себя, а вокруг своего подлинного средоточия, *качествовать* не в себя, а в истину, и затем уже из этого своего запечатленного истиною, в ее цвета окрашенного качества – не как *своего*, а как *истинного* начала, исходить для дальнейшего и полнейшего познания» [31, с. 165].

Эти рассуждения из соловьевского незавершенного трактата «Теоретическая философия» (1897–1899 гг.) теснейшим образом связаны в его философской системе с учением о Богочеловечестве: «<...> истинное человечество, как всемирная форма соединения материальной природы с божеством, или форма восприятия божества природою, есть по необходимости Богочеловечество и Богоматерия. Оно не может быть просто человечеством, так как это значило бы быть воспринимающим без воспринимаемого, формою без содержания, или пустою формой. Великое Существо не есть пустая форма, а всеобъемлющая богочеловеческая полнота духовно-телесной, божественно-творной жизни, открывшейся нам в христианстве» [32, с. 189]. Но их необходимо учесть и при интерпретации его литературно-критических статей, в том числе статьи о Случевском, потому что опубликованная в 1897 г. статья о Случевском писалась на фоне этих сугубо философских, гносеологических раздумий о путях постижения истины и обретения познающим субъектом истинного знания. Недаром в ней Соловьев подчеркивает, что лишь прозревая вечное, Случевский может создать стихотворение «глубокое и трогательное по содержанию», «оставаясь импрессионистом по форме своего творчества»⁷¹, а по Соловьеву, «импрессионизм мысли не призван обращать в стихи сильные, глубокие и длительные чувства»⁷², так же как и глубокие, вечные идеи.

Импрессионизм, судя по всему, рассматривался Соловьевым как попытка современного «технического» искусства в безразличной к содержанию форме передать с формальной разумностью хаос материальной пестроты эмпирической действительности. Если наши выкладки правильны, то такое понимание импрессионизма Соловьевым вполне вписывается в отечественную традицию, когда в России начала XX в. художник-импрессионист воспринимался почти как «механическая машина, отражающая нюансы впечатлений», а импрессионизм в целом, «даже симпатизирующими ему критиками и художниками, – как

⁶⁹ См.: Соловьев В.С. Теоретическая философия. С. 165.

⁷⁰ Там же. С. 166.

⁷¹ См.: Соловьев В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 81.

⁷² Там же. С. 80.

нечто, что дает нам, прежде всего, аналитическую, а не синтетическую картину мира, что показывает оболочку, что не может сложиться в целостную картину, несущую в себе некий возвышенный смысл»⁷³. Такое «техническое» искусство не удовлетворяло Соловьева не только с эстетической, но и с религиозной точки зрения – как христианина. У него самого мы не найдем прямых высказываний на этот счет, но гипотетически можно предположить, что он вполне мог разделять суждения об импрессионизме другого философа – своего современника и друга С.Н. Трубецкого, который в «Публичной лекции, читанной в Историческом музее в пользу Московского Психологического Общества» (впервые опубликована в 1898 г. в «Русской Мысли»), характеризуя «субъективный импрессионизм» Э. Ренана, указывал, что из-за него «философия превращается в какую-то мечтательную игру ума, в погоню за красивыми умственными впечатлениями, мораль и религия – в погоню за нравственными впечатлениями, историческая наука – в воспроизведение красивых и характерных форм»⁷⁴. Причем это не просто «пикантная форма, в которой он [Ренан] выражает свой философский и нравственный скептицизм», – это «типичное, знаменательное явление нашего времени»⁷⁵. Для С.Н. Трубецкого импрессионизм – это «принципиальный, универсальный дилетантизм», заключающийся в «ложной мерке в самом искусстве, в оценке художественных произведений»: «Только дилетант гоняется за ощущением, за остротой впечатления, которую он старается увеличить внешними эффектами; более художественной красоты он ценит то ощущение наслаждения, которое оно доставляет; более цветка он дорожит запахом цветка и полагает свою задачу в том, чтоб усилить искусственно пряность этого запаха. Для истинного художника самая красота не есть греза, она имеет для него объективное значение, и он слишком уважает ее, чтобы думать о наслаждении и о чувственном ее эффекте; она есть для него высшая идеальная правда. В лучах этой правды он видит действительность, даже отрицательную, и он показывает всем, что он видит и слышит, ибо тот образ, который овладевает им, настолько реален и полон внутреннего значения, что требует объективного выражения. Дилетантизм в наши дни губит самое искусство и ведет его к извращению и упадку – к импрессионизму декадентов» [33, с. 315].

В 1899 г. на страницах журнала «Мир искусства» А. Бенуа писал, что еще недавно «слово “импрессионизм” было бранным и сказать про художника, что он импрессионист, это было выставить его как шарлатана или неуча» [18]. Однако С.Н. Трубецкой явно вкладывает в понятия «импрессионизм» и дилетантизм иной смысл – не настоящее искусство, не подлинный носитель истины.

---

⁷³ См.: Доронченков И.А. Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России.

⁷⁴ См.: Трубецкой С.Н. Ренан и его философия // Трубецкой С.Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Публицистические статьи, напечатанные с 1896 г. по 1905 г. включительно. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. С. 315 [33].

⁷⁵ Там же. С. 316.

Вера Соловьева в существование объективной, абсолютной красоты, являющейся ощутительной формой истины, «идеальной правды», не только объединяла его с С.Н. Трубецким, но и позволяла ему подвести философские основания под его интерпретацию лирики Случевского как одного из болезненных проявлений современной эпохи, дающего о себе знать и в живописи, и в поэзии, и в философии и заключающегося, прежде всего, в ложных волевых установках познающего субъекта. Эти недостатки, типичные для всей эпохи, по мнению Соловьева, «не мешают ему [Случевскому] обладать редким уже ныне достоинством настоящего поэта»⁷⁶, видимо, потому, что для Соловьева существенно устремление Случевского к познанию неуловимого, к уловлению «тайных обликов»⁷⁷, то есть мистической первоосновы бытия, – как в человеческой душе, так и в мире в целом⁷⁸. Именно это и делает его в глазах Соловьева «настоящим поэтом», «одним из немногих еще остающихся достойных представителей “серебряного века” русской лирики»⁷⁹, несмотря на присущую ему как человеку своей эпохи типичную гносеологическую ошибку – «погоню за красивыми умственными впечатлениями», «импрессионизм мысли», ведущий не просто к «диссонансам», но к упадку, а значит, в равной степени губительный и для поэзии, и для живописи, и для философии, и для религиозного мирозерцания.

Список литературы

1. Брюсов В.Я. Поэт противоречий // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии. Далекие и близкие. М.: Худож. лит., 1973. С. 231–234.
2. Стендаль Ф. Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазии // Стендаль Ф. Собр. соч.: в 15 т. Т. 8. М.: Правда, 1939. С. 5–58.
3. Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1974. 351 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
4. Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.

⁷⁶ См.: Соловьёв В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 83.

⁷⁷ Там же. С. 82.

⁷⁸ Знаменательно, что при обсуждении первой из трех соловьевских статей, составляющих «Теоретическую философию», у В.Я. Брюсова возникнет аллюзия на стихи Случевского, которые он мог слышать в устном исполнении автора. В.Я. Брюсов писал своему корреспонденту: «“Корень нашего бытия есть тайна”. Может быть. Если нельзя ее “живописать словами”, я хочу ее чувствовать, – а слова могут мне указать путь к этому» (см.: Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1 / отв. ред. Н.А. Трифонова. М.: Наука, 1991. С. 392 [34]. Об обсуждении статьи Соловьева Брюсовым подробнее см.: Юрганов А.Л. К спорам о статье Владимира Соловьева «Первое начало теоретической философии»: Валерий Брюсов и Михаил Самыгин // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11(44). С. 101–110 [35]). Ср. у Случевского: «Но как живописать, чего, как будто, нет, / Нет в осязании и даже нет в виденьи?» (см.: Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. С. 427 (Сер. Новая Библиотека поэта) [36]).

⁷⁹ См.: Соловьёв В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. С. 83.

5. Соловьёв В.С. Разбор книги г. К. Случевского «Исторические картинки. Разные рассказы». (Изд. 2-е, значительно дополненное, СПб., 1894) // Сборник Отд. рус. яз. и словесн. 1896. Т. LXIV, № 9. С. 72–97.
6. Соловьёв В.С. Импрессионизм мысли: Стихотворения К. Случевского. Кн. 1–4: 1880–1890 // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. С. 77–83.
7. Соловьёв В.С. Стихотворения. Изд. 7-е. М.: Рус. книжник, 1921. 368 с.
8. Тахо-Годи Е.А. «Зови знакомый облик мой...» // Новый мир. 2001. № 10. С. 169–170.
9. Случевская-Коростовец А.К. Воспоминания об отце // Грани. 1959. № 42. С. 117–123.
10. Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (по новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232–375.
11. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.
12. Пильд Л.Л. Гейне в литературном диалоге К. Случевского и Вл. Соловьёва // «На меже меж Голосом и Эхом»: сб. ст. в честь Т.В. Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 156–164.
13. Пильд Л.Л. Владимир Соловьёв и Константин Случевский (из комментария к стихотворениям Вл. Соловьёва) // Тыняновский сборник. Вып. 13. XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 148–161.
14. Сапожков С.В. «Пушкинский фон» или «Пушкинизм без берегов»? [Рец. на]: Тахо-Годи Е. Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000 // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 385–392.
15. Дроздов М.С. Поликсена Сергеевна Соловьёва, сестры Герцык, Крым // Крымский архив. 2015. № 2(17). С. 24–33.
16. Порудоминский В.И. Николай Ярошенко. М.: Искусство, 1979. 197 с.
17. Крамской об искусстве / сост., авт. вступ. статьи Т.М. Коваленская. 2-е изд., доп. М.: Изобраз. искусство, 1988. 176 с.
18. Доронченков И.А. Приключения Моне, Матисса и Пикассо в России. Лекция 1: Почему русские боялись импрессионизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/1445>
19. Гнедич П.П. Книга жизни: воспоминания. 1855–1918. Ленинград: Прибой, 1929. 371 с.
20. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1. 1883–1888 // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: 1883–1892. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 1–153.
21. Стасов В.В. По поводу статьи В.С. Соловьёва // Стасов В.В. Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений. Т. 2. М.: Искусство, 1954. С. 215–218.
22. Луконин Д.Е. «Каждую русскую нотку ценить на вес золота...»: страницы спора о книге Н.Я. Данилевского // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 31–36.
23. Соловьёв В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 294–347.
24. Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: 1894–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. 722 с.
25. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 3–60.
26. Соловьёв В.С. Судьба Пушкина // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 33–60.
27. Соловьёв В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 135–158.
28. Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 117–134.

29. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1: 1873–1877. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911. С. 250–406.
30. Соловьёв В.С. Лермонтов // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 348–367.
31. Соловьёв В.С. Теоретическая философия // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 89–166.
32. Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 172–193.
33. Трубецкой С.Н. Ренан и его философия // Трубецкой С.Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Публицистические статьи, напечатанные с 1896 г. по 1905 г. включительно. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. С. 287–328.
34. Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1 / отв. ред. Н.А. Трифонова. М.: Наука, 1991. 831 с.
35. Юрганов А.Л. К спорам о статье Владимира Соловьёва «Первое начало теоретической философии»: Валерий Брюсов и Михаил Самыгин // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11(44). С. 101–110.
36. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / вступи. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. С. 427 (Сер. Новая Библиотека поэта). 816 с.

References

(Sources)

Collected works

1. Bryusov, V.Ya. Poet protivorechiy [The Poet of Contradictions], in Bryusov, V.Ya. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 6: Stat'i i retsenzii. Dalekie i blizkie* [Collected Works in 7 vols., vol. 6: Articles and Reviews. Far and Near]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1973, pp. 231–234.
2. Sluchevskiy, K.K. *Stikhotvoreniya i poemyy* [Poems and Verses]. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt, 2004. 816 p.
3. Solov'ev, V.S. Znachenie poezii v stikhotvoreniyakh Pushkina [The Meaning of Poetry in Pushkin's Verse], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 294–347.
4. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra [The Justification of the Good], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 8: 1894–1897* [Collected Works in 10 vols., vol. 8: 1894–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914. 722 p.
5. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected Works in 10 vols., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 3–60.
6. Solov'ev, V.S. Sud'ba Pushkina [Pushkin's Fate], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 33–60.
7. Solov'ev, V.S. Poeziya gr. A.K. Tolstogo [The Poetry of Count A.K. Tolstoy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected Works in 10 vols., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 135–158.
8. Solov'ev, V.S. Poeziya F.I. Tyutcheva [The Poetry of F.I. Tyutchev], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected Works in 10 vols., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 117–134.
9. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical Principles of Integral Knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 1: 1873–1877* [Collected Works in

10 vols., vol. 1: 1873–1877]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911, pp. 250–406.

10. Solov'ev, V.S. Lermontov [Lermontov], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 348–367.

11. Solov'ev, V.S. Teoreticheskaya filosofiya [Theoretical Philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 89–166.

12. Solov'ev, V.S. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta [The Idea of Humanity in Auguste Comte], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 172–193.

13. Solov'ev, V.S. Impressionizm mysli: Stikhotvoreniya K. Sluchevskogo. Kn. 1–4: 1880–1890 [Impressionism of Thought: Poems by K. Sluchevsky. Books 1–4: 1880–1890], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected Works in 10 vols., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 77–83.

14. Solov'ev, V.S. Natsional'nyy vopros v Rossii. Vyp. 1. 1883–1888 [The National Question in Russia. Issue 1. 1883–1888], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 5: 1883–1892* [Collected Works in 10 vols., vol. 5: 1883–1892]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1912], pp. 1–153.

15. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Russkiy knizhnik, 1921. 368 p.

16. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', Leningradskoe otdelenie, 1974. 351 p.

17. Stasov, V.V. Po povodu stat'i V.S. Solov'eva [Regarding V.S. Solovyov's Article], in Stasov, V.V. *Stat'i i zametki, ne voshedshie v sobraniya sochineniy. T. 2* [Articles and Notes Not Included in Collected Works. Vol. 2]. Moscow: Iskusstvo, 1954, pp. 215–218.

18. Stendal', F. Zhizneopisaniya Gaydna, Motsarta i Metastazio [Biographies of Haydn, Mozart and Metastasio], in Stendal', F. *Sobranie sochineniy v 15 t., t. 8* [Collected Works in 15 vols., vol. 8]. Moscow: Pravda, 1939, pp. 5–58.

19. Trubetskoy, S.N. Renan i ego filosofiya [Renan and His Philosophy], in Trubetskoy, S.N. *Sobranie sochineniy v 6 t., t. 1: Publitsisticheskie stat'i, napechatannye s 1896 g. po 1905 g. vkhlyuchitel'no* [Collected Works in 6 vol., vol. 1: Journalistic Articles Published from 1896 to 1905 Inclusive]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1907, pp. 287–328.

(Articles from Scientific Journals)

20. Drozdov, M.S. Poliksena Sergeevna Solov'eva, sestry Gertsyuk, Krym [Polixena Sergeevna Solovyova, the Gerczyk Sisters, Crimea], in *Krymskiy arkhiv*, 2015, no. 2(17), pp. 24–33.

21. Lukonin, D.E. «Kazhduyu russkuyu notku tsenit' na ves zolota...»: stranitsy spora o knige N.Ya. Danilevskogo ["To Value Every Russian Note as Pure Gold...": Pages from the Debate About N.Ya. Danilevsky's Book], in *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2010, vol. 10, issue 1, pp. 31–36.

22. Sapozhkov, S.V. «Pyatnitsy» K.K. Sluchevskogo (po novym materialam) ["Fridays" by K.K. Sluchevsky (Based on New Materials)], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996, no. 18, pp. 232–375.

23. Sapozhkov, S.V. «Pushkinskiy fon» ili «Pushkinizm bez beregov»? / [Rets. na]: Takho-Godi E. Konstantin Sluchevskiy: portret na pushkinskom fone. SPb., 2000 ["Pushkin Background" or "Pushkinism Without Shores"? / [Review of]: Takho-Godi E. Konstantin Sluchevsky: Portrait Against Pushkin's Background. St. Petersburg, 2000], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2000, no. 6, pp. 385–392.

24. Sluchevskaya-Korostovets, A.K. Vospominaniya ob ottse [Memories of My Father], in *Grani*, 1959, no. 42, pp. 117–123.

25. Solov'ev, V.S. Razbor knigi g. K. Sluचेvskogo «Istoricheskie kartinki. Raznye rasskazy». (Izd. 2-e, znachitel'no dopolnennoe, SPb., 1894) [Review of Mr. K. Sluचेvsky's Book "Historical Pictures. Various Stories" (2nd ed., significantly expanded, St. Petersburg, 1894)], in *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*, 1896, vol. LXIV, no. 9, pp. 72–97.

26. Takho-Godi, E.A. «Zovi znakomyy oblik moy...» [“Call My Familiar Image...”], in *Novyy mir*, 2001, no. 10, pp. 169–170.

27. Yurganov, A.L. K sporam o stat'e Vladimira Solov'eva «Pervoe nachalo teoreticheskoy filosofii»: Valeriy Bryusov i Mikhail Samygin [On the Debates About Vladimir Solovyov's Article “The First Principle of Theoretical Philosophy”: Valery Bryusov and Mikhail Samygin], in *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2018, no. 11(44), pp. 101–110.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

28. Pil'd, L.L. Geyne v literaturnom dialoge K. Sluचेvskogo i Vl. Solov'eva [Heine in the Literary Dialogue Between K. Sluचेvsky and Vl. Solovyov], in «*Na mezhe mezh Golosom i Ekhom*»: *sbornik statey v chest' T.V. Tsiv'yan* [“On the Border Between Voice and Echo”: Collection of Articles in Honor of T.V. Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007, pp. 156–164.

29. Pil'd, L.L. Vladimir Solov'ev i Konstantin Sluचेvskiy (iz kommentariya k stikhotvorenyam Vl. Solov'eva) [Vladimir Solovyov and Konstantin Sluचेvsky (From the Commentary to Vl. Solovyov's Poems)], in *Tynyanovskiy sbornik. Vyp. 13. XII–XIII–XIV Tynyanovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy* [Tynyanov Collection. Issue 13. XII–XIII–XIV Tynyanov Readings. Research. Materials]. Moscow: Vodoley, 2009, pp. 148–161.

30. Trifonova, N.A. *Literaturnoe nasledstvo. T. 98: Valeriy Bryusov i ego korrespondenty. Kn. 1* [Literary Heritage. Vol. 98: Valery Bryusov and His Correspondents. Book 1]. Moscow: Nauka, 1991. 831 p.

(Monographs)

31. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya* [From the World of Writers: Characters and Judgments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 864 p.

32. Gnedich, P.P. *Kniga zhizni: vospominaniya. 1855–1918* [The Book of Life: Memories. 1855–1918]. Leningrad: Priboy, 1929. 371 p.

33. Kovalenskaya, T.M. *Kramskoy ob iskusstve* [Kramskoy about art]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1988. 176 p.

34. Porudominskiy, V.I. *Nikolay Yaroshenko* [Nikolay Yaroshenko]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 197 p.

35. Takho-Godi, E.A. *Konstantin Sluचेvskiy: Portret na pushkinskom fone* [Konstantin Sluचेvsky: Portrait on Pushkin's background background]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2000. 400 p.

(Electronic Resources)

36. Doronchenkov, I.A. *Priklucheniya Mone, Matissa i Pikasso v Rossii. Lektsiya 1: Pochemu russkie boyalis' impressionizma?* [The Adventures of Monet, Matisse and Picasso in Russia. Lecture 1: Why Russians were afraid of Impressionism?]. Available at: <https://arzas.academy/materials/1445>

УДК 81:14

ББК 83.07:87.3(4Гем)5-686

Лия Леонидовна Ермакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук, доцент Департамента филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: lermakova@hse.ru

Неизвестный перевод Вяч. Иванова из Ницше¹

Аннотация. Впервые анализируется черновой перевод отдельных фрагментов из книги Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», выполненный русским поэтом-символистом, теоретиком символизма и мыслителем Вячеславом Ивановичем Ивановым (1866–1949). Особое внимание уделяется истории этого перевода: Ницше был важной фигурой для Иванова и оказал значительное влияние на его исследования в области греческой трагедии и дионисийской религии, так что желание взяться за перевод его трудов у Иванова было давно, но публикуемые черновики относятся к 1919 г., когда Ф.Ф. Зелинский, антиковед и филолог-классик, предложил Иванову участвовать в проекте издательства «Всемирная литература», где он выступил в качестве редактора «Избранных сочинений» Ницше. Этот проект не был осуществлен, поэтому Иванов не довел работу над переводом до конца. Стиль рассматриваемого сочинения Ницше представляет особую трудность для переводчика: для сравнительного анализа перевода Иванова привлекаются некоторые другие русские переводы (Ю. Антоновского, Д. Борзаковского, Я. Голосовкера). Делается вывод о том, что только интерпретацию Иванова можно рассматривать как стилистически близкий и конгениальный перевод, в силу того, что он отказывается от идеи буквалистского перевода, не допуская, впрочем, очевидных смысловых вольностей, и стремится выработать особую манеру, для которой характерно обращение к книжной лексике, отказ от просторечий и неологизмов, сохранение риторических фигур и прием ритмизации. В приложении к настоящей статье публикуется сам перевод с вариантами, позволяющими проследить работу над текстом.

Ключевые слова: буквалистский перевод, стилистический прием архаизации, переводческие стратегии

Lia Leonidovna Ermakova

HSE University, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology of the School of Arts and Humanities, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: lermakova@hse.ru

Vyach. Ivanov's Unknown Translation from Nietzsche

Absrtact. This article for the first time analyzes a draft translation of selected chapters from Friedrich Nietzsche's work "Thus Spoke Zarathustra" made by the Russian poet and intellectual Vyacheslav Ivanovich Ivanov (1866–1949). Special attention is paid to the history of the translation: Nietzsche was

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00514 <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) Russian Academy of Sciences.

an important figure for Ivanov and had a significant influence on his studies, so the desire to translate his works was longstanding, but the draft published here dates back to 1919, when F.F. Zelinsky invited Ivanov to participate in a project at the «World Literature» publishing house. The project of publishing Nietzsche's "Selected Works" was not accomplished, and Ivanov's translation remained incomplete. Nietzsche's style is especially difficult for any translator of his work: some other Russian translations (by Y. Antonovsky, D. Borzakovsky, and J. Golosovker) are used for a comparative analysis of Ivanov's translation. It is concluded that only Ivanov's interpretation can be regarded as a translation from style to style, since he refuses to translate word by word and attempts to develop a special style: this style is characterized by using bookish vocabulary and archaisms, rejection of colloquialisms and neologisms, retention of rhetorical figures and rhythm. At the end of the article, the translation is published with variants that allow us to follow Ivanov's work on the text.

Key words: literalist translation, stylistic technique of archaization, translation strategies

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.161-169

Влияние Фридриха Ницше на поэта-символиста и мыслителя Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) невозможно переоценить: хотя Иванов преодолел ницшеанство, как это предсказал Владимир Соловьёв², Ницше оставался для него значимой фигурой и в поздние годы³.

Ранее не публиковавшиеся переводы Вяч. Иванова из книги Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1885 г.) представлены в публикации «Перевод Вяч. Иванова из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» настоящего выпуска журнала «Соловьёвские исследования»⁴. Первое свидетельство о желании Иванова взяться за перевод Ницше находим в его переписке с В.Я. Брюсовым: в 1903 г. Брюсов прислал Иванову свой новый сборник стихов «Urbi et Orbi», на одной из последних страниц которого размещен рекламный анонс собрания сочинений Ницше. В этом анонсе среди переводчиков значатся Вяч. Иванов, К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, В. Брюсов, А. Белый, Д.В. Викторов, С.А. Полякова и М.Н. Семенова⁵. «Свое имя неожиданно нахожу в числе переводчиков Ницше. Принципиально – очень рад участвовать», – пишет он Брюсову в письме от 6/19 ноября 1903 г. [6, с. 441].

² См.: Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С.А. Венгеру // Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. С. 20 [1].

³ См.: Stammer H. Vyacheslav Ivanov and Nietzsche // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / ed. by R.L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1986. P. 297–312 [2]; Deppermann M. Die grosse Loslösung: Nietzsches Denkmodell als Kontext für die Erfahrung der Krise bei Vjačeslav I. Ivanov // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1998. Т. 43. P. 115–134 [3]; Магомедова Д.М., Тамарченко Н.Д. Проблема границ искусства и жизни у Вяч. Иванова и Ницше // Диалог культур – культура диалога. М.: РГГУ, 2002. С. 59–77 [4].

⁴ Перевод Вяч. Иванова из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» / подгот. текста и коммент. Л.Л. Ермаковой // Соловьёвские исследования. 2025, вып 2(86). С. 170–177.

⁵ См.: Брюсов В. Urbi et Orbi. Стихи 1900–1903 г. М.: Скорпион, 1903. С. 200 [5].

Брюсов предложил перевести работу Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872 г.), на что Иванов откликнулся с большим энтузиазмом: в одном из писем он выдвигает требование своей независимости как переводчика («не хочу дать своего имени, если перевод – все равно, этой ли книги Ницше, или всех произведений вообще – будет означен в заглавии сделанным под редакцией другого лица» [6, с. 441]) и надеется закончить перевод к концу лета, а в другом сообщает, что готов перевести что-нибудь еще и даже «взять на себя ведение всего издания»⁶. Этот проект, однако, не только не был осуществлен, но, по-видимому, даже не начался.

В 1909–1912 гг. выходило «Полное собрание сочинений» Ницше под редакцией Ф.Ф. Зелинского, Г.А. Рачинского, С.Л. Франка и Я.А. Бермана⁷, но выпустить удалось только четыре тома: «Рождение трагедии» для первого тома перевел Рачинский. Имя Вяч. Иванова указано на титуле среди других видных литераторов и философов, которых планировалось задействовать, и, возможно, именно ему предполагалось поручить перевод «Заратустры».

Трудно сказать, связан ли как-то с этим проектом перевод фрагмента из «Ночной песни» Заратустры, включенный в речь Вяч. Иванова «О лиризме Бальмонта», произнесенной 11 марта 1912 г. на заседании Неофилологического общества при Петербургском университете и опубликованной в том же году в «Аполлоне». Вот этот “фрагмент:

«Свет – я; когда б я был ночь! Но вот мое одиночество: я опоясан светом.

Когда бы я темным был и ночным! Как желал бы я прильнуть к сосцам света!

Но я живу в моем собственном свете, и опять впиваю в себя пламя, вырвавшееся из меня...

Вы, темные и ночные, вы добываете себе тепло из светящего! Млеко и усладу пьете вы из вымени света.

Ночь... Громче говорят все прядяющие ключи. И моя душа прядяющий ключ.

Ночь... и ключом вырывает из меня желание – желание речи”.

Так пел Заратустра...» [8, с. 39].

В действительности это не один цельный фрагмент, но перевод нескольких абзацев из «Ночной песни», расположенных в прихотливом порядке: первые два абзаца – это четвертый и пятый абзацы немецкого оригинала, третий абзац – это седьмой абзац оригинала, четвертый абзац – это перевод 23-го абзаца, пятый абзац – перевод 27-го абзаца, шестой абзац – 26-го абзаца, седьмой – 29-го, то есть последнего абзаца главы⁸.

⁶ См.: [Брюсов В.] Переписка с Вячеславом Ивановым. 1903–1923 / предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 445 [6].

⁷ См.: Ницше Ф. Полное собрание сочинений / пер. под общ. ред. проф. Ф. Зелинского, С. Франка и др. Т. 1–2, 3, 9. [М.:] Моск. кн-во, 1909–1912 [7].

⁸ См.: Nietzsche F. Also sprach Zarathustra I–IV: Kritische Studienausgabe / Hsg. von G. Colli und

В личном фонде Вяч. Иванова в ОР РГБ имеется единица хранения, озаглавленная «О трех превращениях»⁹, в которой собраны черновые переводы нескольких фрагментов из «Заратустры». На тех же листах есть несколько черновых набросков стихотворений (л. 6 об., 10 об.), вошедших позднее в цикл «Серебряный бор», и наброски двух строф стихотворения «Деревья» (л. 6). Цикл создавался в августе–сентябре 1919 г., когда Иванов жил в санатории «Габай»¹⁰. Тем же временем нужно датировать и переводы из «Заратустры». В 1919 г. Ф.Ф. Зелинский, вновь выступивший в роли редактора сочинений Ницше (на этот раз в издательстве «Всемирная литература»), в письме от 3 апреля 1919 г. предлагает Иванову перевести «Заратустру»:

«Отказались Вы от мысли перевести «Заратустру» Ницше? Если нет, то позвольте Вас уведомить, что в нашей «Всемирной литературе» редактирование «Избранных сочинений Ницше» поручено мне. Сопоставление этих двух далеких довольно чревато, но... у меня возникает вопрос: а Эшил уже готов? И помните о том, как коварная Гера задержала роды Алкмены и ускорила появление на свет Еврисфея... Параллель хромает относительно Еврисфея, как и, вероятно, он сам, но все же я не хотел бы подражать Гере. Но если рождение Геракла уже обеспечено, тогда, пожалуйста, – Заратустру мне, только мне, никому как мне!» [12].

Перевод трагедий Эшила Вяч. Иванов готовил для издательства М.В. Сабашникова, а Зелинскому в предыдущем письме (не сохранилось) послал три фрагмента для его пособия «Древнегреческая литература эпохи независимости», вторая часть которой была хрестоматией¹¹.

Дальнейшие события не способствовали работе над «Избранными сочинениями» Ницше: по-видимому, и издательство отказалось от этой идеи. Осенью 1920 г. Иванов оказался в Баку (где, между прочим, вел семинарий о Ницше¹²), а в 1924 г. уехал в Рим; Зелинский же в 1922 г. переехал в Польшу – его участие как редактора в проекте «Всемирной литературы» ограничилось подготовкой сборника пьес австрийского драматурга Ф. Грильпарцера.

Перевод книги Ницше «Так говорил Заратустра» – крайне сложная задача. Так, перевод Ю.М. Антоновского, который на сегодняшний день наиболее известен благодаря современному изданию под редакцией К.А. Свасьяна (1990 г.)¹³, в начале XX в. выходил четыре раза (1900, 1903, 1907, 1911 гг.) – и

M. Montinari. 2. Auflage. München–Berlin/New York: de Gruyter, 1988. S. 136–138 [9].

⁹ См.: Иванов Вяч. О трех превращениях // ОР РГБ. Ф. 109 (Вяч. Иванов). Карт. 7. Ед. хр. 8. 11 лл. [10].

¹⁰ См.: Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце / подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. Paris: Atheneum, 1990. С. 82 [11].

¹¹ См.: Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Ч. 2: Образцы. Пг.: Огни, 1920 [13].

¹² См.: Котрелев Н.В. Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1968. Вып. 209. С. 326–327 [14].

¹³ См.: Ницше Ф. Собрание сочинений в 2 т. / сост., ред. и автор примеч. К.А. Свасьян. Т. 2. М.: Мысль, 1990 [15].

каждый раз переработанный. Но даже после всех исправлений об этом переводе нельзя сказать, что он адекватно передает стиль Ницше, который характеризуется афористичностью, обилием тропов и риторических фигур, библейских аллюзий и цитат, авторских неологизмов, наличием аллитерации и ритмизации. Особое место занимают библейские элементы, к которым можно отнести членение текста на небольшие абзацы по типу библейских стихов, употребление наречия «истинно» (*wahrlich*) в эмфатической функции, обращение «братья» (*Brüder*), использование партитивного родительного падежа, архаизмы и устаревшие модели словообразования, восходящие к лютеровской Библии¹⁴.

Если очертить основные моменты переводческой стратегии Вяч. Иванова, то, прежде всего, очевидно его стремление к лаконизму: при сравнении числа слогов в одном абзаце у разных переводчиков можно увидеть, что у Иванова абзац короче. Например, ради лаконизма он меняет «каждое утро» на «поутру», «когда бы не было» на «не будь», «но под конец» – на «но вот», «с горных высот» – на «с высот», «дабы над мудростью своею насмеяться» – на «мудрости насмех и назло». Там, где русский синтаксис позволяет, Иванов сохраняет порядок слов оригинала, но в целом его перевод нельзя назвать буквалистским, так как он опускает некоторые слова: например, в главе «О трех превращениях» он единственный из переводчиков «Заратустры» не переводит «zuletzt» в первом абзаце («наконец»: *und zum Kinde zuletzt der Löwe*¹⁵ – букв. «и, наконец, лев [станет] ребенком»), очевидно посчитав его избыточным и нарушающим ритм фразы. Еще один пример: конец третьего абзаца той же главы (*und will gut beladen sein*¹⁶ – букв. «и хочет быть хорошо нагружен») Иванов передает как «на спину груз берет»¹⁷ – это не вполне точный перевод, но и не слишком вольный, так как неизбежность действия проистекает из общего контекста. Ритмически он звучит лучше, чем буквалистские варианты, которые можно найти у других: «и хочет быть хорошо нагруженным» (Д. Борзаковский)¹⁸, «и хочет, чтоб хорошенько навьючили его» (Ю.М. Антоновский)¹⁹. Только Я.Э. Голосовкер отказывается от синтаксического буквализма и ритмизует фразу: «и потребует доброго выюка себе»²⁰. Ради краткости Иванов устраняет также избыточные притяжательные местоимения, если их повтор не имеет явного стилистического значения.

¹⁴ См.: Grätz K. Kommentar zu Nietzsches «Also sprach Zarathustra» I und II. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2023. S. 26–30 [16]. Ницше Ф. Собрание сочинений в 2 т. С. 771–773 (примечания).

¹⁵ См.: Nietzsche F. Also sprach Zarathustra I–IV: Kritische Studienausgabe. S. 29.

¹⁶ Там же. S. 29.

¹⁷ См.: Иванов Вяч. О трех превращениях // РО РГБ. Ф. 109 (Вяч. Иванов). Карг. 7. Ед. хр. 8. Л. 1 [10].

¹⁸ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Символическая поэма // Ницше Ф. Собр. соч. Т. I / пер. с нем. Д. Борзаковского; под ред. А. Введенского. М.: Издание М.В. Клюкина, [1900]. С. 22 [17].

¹⁹ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю.М. Антоновского. 4-е изд. СПб.: Прометей, 1911. С. 17 [18].

²⁰ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Я.Э. Голосовкера и В.Б. Микушевича, подгот. текста, коммент., предисл. А.В. Михайлова. М.: Прогресс, 1994. С. 47 [19].

Вяч. Иванов обращается к книжной и устаревшей лексике, включая ту, что имеет библейское звучание (вроде «горние надежды»); от разговорных слов и просторечий он отказывается (перевод *gut* как «хорошенько» у него представить невозможно). Об архаизации как излюбленном стилистическом приеме Иванова исследователи писали не раз²¹, но по степени архаизации этот перевод приближается к стилю Синодального перевода: совсем уж непонятных для культурного читателя слов в нем нет. В то же время Иванов явно избегает использовать неологизмы, в отличие от Голосовкера, для которого это было частью переводческой стратегии.

С ориентацией на высокий стиль связаны также синтаксические инверсии, среди которых постпозитивное употребление предлогов и частиц, что иногда буквально передает синтаксис оригинала: «того ради», «истины ради», «верблюду подобно». К этому примыкает постановка притяжательных местоимений и определений после определяемого слова.

Вяч. Иванов по возможности сохраняет риторические фигуры. Так, при переводе предложения *Den, der zerbricht ihre Tafeln der Werthe, den Brecher, den Verbrecher*²², в котором в трех словах есть корень *brech-* («ломать»), Иванов сохраняет повтор, и черновик позволяет проследить его работу: первый вариант «Того, кто разбивает их скрижали ценностей, отступника, преступника» был изменен на «Того, кто расколет их скрижали ценностей, раскольника, крамольника» ради сохранения трех повторов, хотя и разного типа – последний за счет рифмы. Кроме Иванова, только Голосовкер передает этот повтор: «Того, кто крушит их скрижали ценностей – крушителя, нарушителя»²³. В то же время кое-где Иванов вводит дополнительные риторические фигуры. Так, в речи «О трех превращениях» абзацы с шестого по десятый начинаются с анафоры *Oder ist es das...*, и во всех переводах она передается буквально: «Или вот что...» (Борзаковский)²⁴, «Или это значит...» (Антоновский)²⁵, «Или в том оно...» (Голосовкер)²⁶ Иванов же обращается к синонимичному ряду («Или вот тягчайшее...», «Или вот бремя...», «Не это ли ноша и бремя...», «Не это ли труд...», «Не это ли тягота...»), что на смысл не влияет, но позволяет устранить стилистически неудачную для русского языка конструкцию. Отметим, впрочем, что в целом Иванов стремится близко следовать оригиналу – другие его переводы более вольные.

Перевод Иванова выгодно выделяется на фоне других переводов благодаря кропотливой работе над ритмизацией фразы (у Голосовкера она заметна, но не

²¹ См.: Эткинд Е.Г. Вьючное животное культуры (Об архаическом стиле Вячеслава Иванова) // Эткинд Е.Г. Там, внутри: О русской поэзии XX века. Очерки. СПб.: Максима, 1997. С. 135–148 [20].

²² См.: Nietzsche F. Also sprach Zarathustra I–IV: Kritische Studienausgabe / Hsg. von G. Colli und M. Montinari. 2. Auflage. München: Deutscher Taschenbuch; Berlin; New York: W. de Gruyter, 1988. S. 26.

²³ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 44.

²⁴ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Символическая поэма. С. 22–23.

²⁵ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. С. 17–18.

²⁶ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 47.

всегда выдержана во всей фразе). В варианте «желудями и травую познанья питаться и голод душевный терпеть истины ради?» Иванов исправляет «травую» на странное «мохом» (не «мхом»! – Л.Е.), хотя в оригинале читаем *Gras* («трав»), что вместе с желудями составляет пищу скота²⁷, – это исправление можно объяснить только стремлением устранить собой метра, чтобы от «желудями» до «терпеть» был чистый анапест. Ту же цель он преследует в работе над следующей фразой, добиваясь анапестического ритма: «любить презирающих нас и руку [протянуть] протягивать призраку, [пришедшему] мнящему нас напугать». Отметим, что анапест в сочетании с ямбом в целом характерен и для оригинала.

При переводе книги Ницше «Так говорил Заратустра» нужно учитывать, что это не только философский текст, но и поэтический: из русских переводчиков лишь Вяч. Иванов и Я.Э. Голосовкер ставили перед собой задачу перевода «со стиля на стиль». Перевод Голосовкера, известного, напомним, и переводами из античной поэзии, местами слишком вольный и слишком смелый, а вводимые им неологизмы затрудняют понимание текста, но он все же обладал опытом перевода поэзии. Ю.М. Антоновский не был ни поэтом, ни переводчиком поэзии – впрочем, переводы других его современников настолько слабые, что мы не стали приводить из них примеры. Остается сожалеть, что Вяч. Иванов не завершил работу, и надеяться, что это произведение еще найдет своего переводчика, который сумеет выполнить очень непростую задачу.

Список литературы

1. Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С.А. Венгеру // Иванов В.И Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 5–22.
2. Stammler H. Vyacheslav Ivanov and Nietzsche // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / ed. by R.L. Jackson and L. Nelson. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1986. P. 297–312.
3. Deppermann M. Die grosse Loslösung: Nietzsches Denkmodell als Kontext für die Erfahrung der Krise bei Vjačeslav I. Ivanov // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1998. Vol. 43. P. 115–134.
4. Магомедова Д.М., Тамарченко Н.Д. Проблема границ искусства и жизни у Вяч. Иванова и Ницше // Диалог культур – культура диалога. М.: РГГУ, 2002. С. 59–77.
5. Брюсов В. *Urbi et Orbi*. Стихи 1900–1903 г. М.: Скорпион, [1903]. 190, IV с.
6. [Брюсов В.] Переписка с Вячеславом Ивановым. 1903–1923 / предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 428–545.
7. Ницше Ф. Полное собрание сочинений / пер. под общ. ред. проф. Ф. Зелинского, С. Франка и др. Т. 1–2, 3, 9. [М.:] Моск. кн-во, 1909–1912.
8. Иванов Вяч. О лиризме Бальмонта // Аполлон. 1912. № 3–4. С. 36–42.
9. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra I–IV: Kritische Studienausgabe / Hsg. von G. Colli und M. Montinari. 2. Auflage. München: Deutscher Taschenbuch; Berlin; New York: W. de Gruyter, 1988. 420 p.
10. Иванов В.И. О трех превращениях // РО РГБ. Ф. 109 (Вяч. Иванов). Карт. 7. Ед. хр. 8. 11 лл.

²⁷ См.: Grätz K. Kommentar. S. 234.

11. Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце / подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. Paris: Atheneum, 1990. 431 с.
12. Зелинский Ф.Ф. Письмо Вяч. Иванову // РО ИРЛИ РАН. Ф. 607 (Вяч. Иванов). Ед. хр. 252. 2 л.
13. Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Ч. 2: Образцы. Пг.: Огни, 1920. 228 с.
14. Котрелев Н.В. Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета // Учёные записки Тартуского государственного университета. 1968. Вып. 209. С. 326–339.
15. Ницше Ф. Собрание сочинений в 2 т. / сост., ред. и автор примеч. К.А. Свасьян. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
16. Grätz K. Kommentar zu Nietzsches «Also sprach Zarathustra» I und II. Berlin; Boston: de Gruyter, 2023. 970 s.
17. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Символическая поэма // Ницше Ф. Собр. соч. Т. I / пер. с нем. Д. Борзаковского; под ред. А. Введенского. М.: Издание М.В. Ключкина, [1900]. 360 с.
18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю.М. Антоновского. 4-е изд. СПб.: Прометей, 1911. VIII, 292 с.
19. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Я.Э. Голосовкера и В.Б. Микушевича, подгот. текста, коммент., предисл. А.В. Михайлова. М.: Прогресс, 1994. 512 с.
20. Эткинд Е.Г. Вьючное животное культуры (Об архаическом стиле Вячеслава Иванова) // Эткинд Е.Г. Там, внутри: О русской поэзии XX века. Очерки. СПб.: Максима, 1997. С. 135–148.

References

(Sources)

Collected Works

1. Ivanov, Vyach. Avtobiograficheskoe pis'mo S.A. Vengerovu [Autobiographical letter to S.A. Vengerov], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy*. T. 2 [Collected Works. Vol. 2]. Bryussel': Foyer Oriental Chrétien, 1974, pp. 5–22.
2. Nitsche, F. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990. 829, [1] p.
3. Nitsche, F. Tak govoril Zarathustra: Simvolicheskaya poema [Thus Spoke Zarathustra: A Symbolic Poem], in Nitsche, F. *Sobranie sochineniy*. T. 1 [Collected Works. Vol. 1]. Moscow: Izdanie M.V. Klyukina, [1900]. 360 p.
4. Nitsche, F. *Polnoe sobranie sochineniy*. T. 1–2, 3, 9 [Complete Works. Vol. 1–2, 3, 9]. Moscow: Moskovskoe kn-vo, 1909–1912.

Individual Works

5. Bryusov, V. Perekiska s Vyacheslavom Ivanovym. 1903–1923 [Correspondence with Vyacheslav Ivanov. 1903–1923], in *Literaturnoe nasledstvo*. T. 85. [Literary Heritage. T. 85]. Moscow: Nauka, 1976, pp. 428–545.
6. Bryusov, V. *Urbi et Orbi. Stikhi 1900–1903 g.* [Urbi et Orbi. Poems 1900–1903]. Moscow: Skorpion, 1903. 190, IV p.
7. Ivanov, V.I. O trekh prevrashcheniyakh [On the three transformations], in *RO RGB*. F. 109 (Vyach. Ivanov). Kart. 7. № 8, 11 ff.
8. Ivanov, Vyach. O lirizme Bal'monta [On Balmont's lyricism], in *Apollon*, 1912, № 3–4, pp. 36–42.
9. Ivanova, L. *Vospominaniya: Kniga ob ottse* [Memories: A book about my father]. Paris: Atheneum, 1990. 431 p.
10. Nietzsche, F. *Also sprach Zarathustra I–IV: Kritische Studienausgabe*. München: Deutscher Taschenbuch; Berlin; New York: W. de Gruyter, 1988. 420 p.

11. Nitsche, F. *Tak govoril Zarathustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Moscow: Progress, 1994. 512 p.
12. Nitsche, F. *Tak govoril Zarathustra: Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus Spoke Zarathustra: A book for everyone and no one]. Saint-Petersburg: Prometey, 1911. VIII. 292 p.
13. Zelinskiy, F.F. *Drevnegrecheskaya literatura epokhi nezavisimosti. Ch. 2: Obraztsy* [Ancient Greek Literature of the Age of Independence. Part 2: Samples]. Petrograd: Ogni, 1920. 228 p.
14. Zelinskiy, F.F. Pis'mo Vyach. Ivanovu [Letter to Vyach. Ivanov], in *RO IRLI RAN*. F. 607 (Vyach. Ivanov). № 252, 2 ff.

(Articles from Scientific Journals)

15. Deppermann, M. Die grosse Loslösung: Nietzsches Denkmodell als Kontext für die Erfahrung der Krise bei Vjačeslav I. Ivanov, in *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1998, vol. 43, pp. 115–134.
16. Kotrelev, N.V. Vyach. Ivanov – professor Bakinskogo universiteta [Vyach. Ivanov – Professor of the Baku University], in *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1968, issue 209, pp. 326–339.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. Etkind, E.G. V'yuchnoe zhitnoe kul'tury (Ob arkhaiskom stile Vyacheslava Ivanova) [The pack animal of culture (On the archaic style of Vyacheslav Ivanov)], in Etkind, E.G. *Tam, vnutri: O russkoy poezii XX veka. Oчерki* [There, inside: On Russian poetry of the XX century. Essays]. Saint-Petersburg: Maksima, 1997, pp. 135–148.
18. Magomedova, D.M., Tamarchenko, N.D. Problema granits iskusstva i zhizni u Vyach. Ivanova i Nitsche [The Problem of the Borders of Art and Life in Vyach. Ivanov and Nietzsche], in *Dialog kul'tur – kul'tura dialoga* [Dialogue of Cultures – Culture of Dialogue]. Moscow: RGGU, 2002, pp. 59–77.
19. Stammer, H. Vyacheslav Ivanov and Nietzsche, in *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher*. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1986, pp. 297–312.

(Monographs)

20. Grätz, K. Kommentar zu Nietzsches «Also sprach Zarathustra» I und II. Berlin; Boston: de Gruyter, 2023. 970 p.

УДК 81:14

ББК 83.07:87.3(Гем)5-686

Лия Леонидовна Ермакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук, доцент Департамента филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: lermakova@hse.ru

**Перевод Вяч. Иванова из книги Ф. Ницше
«Так говорил Заратустра»**

Подготовка текста и комментарии Л.Л. Ермаковой

Liia Leonidovna Ermakova

HSE University, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology of the School of Arts and Humanities, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: lermakova@hse.ru

**Vyach. Ivanov's Translation from F. Nietzsche's Book
"Thus Spoke Zarathustra"**

Transcription and comments made by L.L. Ermakova

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.170-177

Черновой перевод нескольких глав из книги Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», выполненный Вячеславом Ивановым в августе-сентябре 1919 г., публикуется в настоящем приложении впервые. Источник текста – рукописные автографы из личного фонда Вяч. Иванова в РО РГБ¹, содержащие перевод первой, второй, частично третьей и девятой глав из «Предисловия Заратустры», а также фрагмент из речи Заратустры «О трех превращениях». Мы приводим текст, учитывая последний слой правки, а предыдущие варианты даются в постраничных примечаниях. Если вариантов несколько, они приводятся под буквами а, б) или в квадратных скобках. Если автограф выполнен чернилами, а правка и чернилами, и карандашом, карандашная правка выделена курсивом. Зачеркнутые варианты карандашной правки не учитываются. В угловые скобки заключены части недописанных и сокращенных слов.

Оценивая перевод Вяч. Иванова, нужно учитывать, что это черновики: наименее отделанные переводы, на наш взгляд, те, которые записаны карандашом (карандашом он пользовался на ранних этапах работы); более

¹ Иванов Вяч. О трех превращениях // РО РГБ. Ф. 109 (Вяч. Иванов). Карг. 7. Ед. хр. 8. 11 лл.

отшлифован неполный перевод главы «О трех превращениях», что видно и по внешним особенностям автографа (крупный каллиграфический почерк).

1. Перевод первых двух глав из «Предисловия Заратустры». Черновой автограф чернилами (л. 8–8 об.), правка чернилами и карандашом.

1.

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, он оставил² свою родину и озеро своей родины и ушел в горы. Там услаждался он духом своим и уединением своим, и десять лет услаждаться не уставал. Но вот³, обратилось его сердце, и встал он рано с зарей, и стал перед солнцем, и говорил ему так:

«Светило великое! Что было бы счастье твое, *не будь*⁴ у тебя тех, кому светить?»

Десять лет восходило ты здесь к моей пещере. Пресытилось бы ты светом своим и путем своим без меня, моего орла и моей змеи.

Но мы ждали тебя поутру⁵, брали избыток твой и благословляли тебя за него.

Вот, я пресытился мудростью моею, подобно пчеле, собравшей изобилие меду, и в руках нуждаюсь ко мне простертых.

Дарить хотел бы я и наделять, доколе мудрые между людьми не возрадутся опять своему неразумию и бедные не возвеселятся *вновь*⁶ о своем богатстве.

Того ради должно мне низойти в преисподнюю⁷, как⁸ нисходишь ты ввечеру, когда западаешь за море, неся еще и нижнему миру свой свет, светило избыточное!⁹

Должно мне, по твоему подобию, зайти и *угаснуть*¹⁰, как именуют закат твой люди, к ним же долу иду.

Благослови кубок переполненный и переливающийся¹¹: хочет он, чтобы, золотом играя, текла из него через край ключевая влага¹² и повсюду несла твоего блаженства отблеск!

Вот, опять хочет опустеть кубок, и *вновь возжелеет*¹³ вочеловечиться Заратустра».

Так началось нисхождение Заратустры.

2.

Один сошел З.<аратустра> с высот¹⁴, и никто не встретился *ему*¹⁵. Но когда вступил¹⁶ в дебри, стал перед ним¹⁷ старец-пустынник¹⁸, вышедший из келии¹⁹ в лес набрать кореньев. И так говорил мудрец Заратустре:

² покинул

³ под конец

⁴ когда бы не было

⁵ каждое утро

⁶ опять

⁷ глубину

⁸ когда

⁹ преизбыточное!

¹⁰ запасть

¹¹ переливающийся через край

¹² а) золотом текла из него через край ключевая влага б) золотом играя, текла из него ключевая влага

¹³ опять хочет

¹⁴ с горных высот

¹⁵ и никто ему не встретился на пути.

¹⁶ вступил он

¹⁷ внезапно предстал ему

¹⁸ старец-пустынник

¹⁹ из келии своей

«Не вовсе чужд мне сей путник: за много лет проходил он здесь мимо. Заратуштрою слыл он; но с той поры изменился.

Тогда нес ты свой пепел²⁰ в горы; огонь ли свой ныне понесешь в долины? А кар, уготованных²¹ поджигателю, не бойшься?

Да, узнаю Заратуштру. Чисто око его, и вокруг уст его не прячется отвращение. Не оттого ли и ходит он, как плясун?

Изменился З.<аратуштра>, ребенком стал З.<аратуштра>, пробужденным З.<аратуштрой>. Что же делать будешь между спящих?²²

Как в море, жил ты в одиночестве *своем*²³, и море носило тебя. Ужель, увы, выйти хочешь на сушу? влачить, увы, тело свое²⁴, как прежде, сам?»

Заратуштра отвечал: «Я люблю людей».

«Почто же²⁵, – сказал святой, – ушел²⁶ и я в десь и пустыню? Не затем ли, что людей люблю чрезмерно?»

Ныне люблю я Бога; людей не люблю. Слишком, *на мой взгляд, существо несовершенное* – человек²⁷. Любовь к людям была бы мне пагубой».

Отвечал З.<аратуштра>: «Что говорил я про любовь? Подарок несу я людям».

«Ничего не давай им, – сказал святой. – Возьми лучше у них что-нибудь и носи с ними: это им всего *благодетельнее*²⁸, – если только *благодетельно*²⁹ тебе.

И если давать хочешь, не давай больше, чем милостыню; да пусть еще и милостыню вымаливают они у тебя, как *нищенствующие*³⁰.

«Нет, – возразил З.<аратуштра>, – милостыни я не подаю: не довольно для того беден».

Засмеялся святой на Заратуштру и говорил так:

«Берегись тогда: не примут они твоих сокровищ. Недоверчивы они к пустынным и не верят, что мы приходим одарять».

Шаги наши, мнится им, звучат слишком одиноко по улицам; слышат ночью³¹ на ложе своем – мимо идет человек до света³², – и гадают про себя: в чей³³ дом крадется тать?

Не ходи к людям, *будь затворником*³⁴. А еще лучше – *иди*³⁵ к зверям! Почто не хочешь быть, как я, – *медведем меж медведей*³⁶, птицей меж птиц?»

«Что же делает в *дубравах*³⁷ святой?» – спросил З.<аратуштра>.

Отвечал святой: «Песни слагаю и пою, и слагая песни, смеюсь, и плачу³⁸, и *рычу*³⁹: так хвалю Бога».

²⁰ пепел свой

²¹ уготовленных

²² Что же делать тебе в краю спящих?

²³ своем одиночестве

²⁴ влачить свое тело

²⁵ А я

²⁶ почто же я ушел

²⁷ Слишком несовершенным вижу я человека.

²⁸ усладней

²⁹ усладно

³⁰ нищие

³¹ в ночи

³² а) задолго до света солнечного б) до света задолго

³³ и насторожатся и думают: в чей

³⁴ а) и оставайся в лесу б) и оставайся в *дубравах*

³⁵ пойд

³⁶ меж медведей медведем

³⁷ десь

³⁸ и плачу я

³⁹ бормочу

Пением и плачем и смехом и рычаньем⁴⁰ хвалю я Бога. Он же есть Бог мой. А ты – что несешь нам в дар?»

Услышав эти слова, приветствовал З.<аратуштра> *пустынника*⁴¹ и простился с ним, говоря: «Где мне одарить вас?»⁴² *Уйму*⁴³ мне скорей, чтобы у вас невзначай⁴⁴ чего не взять».

Так расстались они друг с другом, старец и муж, смеясь словно⁴⁵ два отрока.

А идучи⁴⁶ один, так говорил З.<аратуштра>⁴⁷ сердцу своему: «Как же *сталося*?⁴⁸ Ужель⁴⁹ ничего не слышал святой в *пустыне*⁵⁰ своей про то, что Бог умер?»

2. Фрагмент перевода третьей главы из «Предисловия Заратустры». Первый по хронологии черновой автограф (карандаш) на л. 5–5 об. (от слов «Войдя в ближний край лесов город...» до «Не грех ваш»); за ним следует черновой автограф чернилами на л. 4–4 об. (от слов «Войдя в ближний за полесьем город...» до «Воистину, человек – поток мутный и грязный. Морем должно быть, чтобы принять в себя поток и не оскверниться»). Последний по хронологии черновой автограф (чернила) на л. 7 об.

Начало этого фрагмента приводится по текстологически последнему черновику (л. 7 об.): в слове «земля» строчная буква во всех случаях исправлена на прописную, но в примечаниях мы не стали это отмечать для экономии места; «сверхчеловек» написан то со строчной, то с прописной буквы. Конец фрагмента приводится по карандашному автографу (л. 5 об.), который длиннее двух других. Подчеркивания авторские.

Войдя в ближний на окраине⁵¹ лесов город, увидел З.<аратуштра> сборище многолюдное⁵² на рынке; обещано было зрелище⁵³, – воздушный плясун будет⁵⁴ плясать по канату. И стал говорить З.<аратуштра> к народу так:

«Я учу вас *Сверхчеловеку*. Человек есть нечто, что должно быть превзойдено⁵⁵. Что сделали вы, дабы его пересилить⁵⁶ и превзойти?»

Все существа доселе творили превосходнейшее себя самих: вы ли хотите отливом быть прилива великого и скорее вспять обратиться к зверю, нежели человека преодолеть?»

⁴⁰ ревом

⁴¹ странника

⁴² а) Куда мне думать о даре? б) Мне ль одарять вас?

⁴³ Уйду [бы] скорей

⁴⁴ ненароком

⁴⁵ как

⁴⁶ Когда же З.<аратуштра> был

⁴⁷ он

⁴⁸ Как может это быть?

⁴⁹ Ужели

⁵⁰ дебри

⁵¹ край

⁵² сход многолюдный

⁵³ обещана была народу потеха

⁵⁴ должен был

⁵⁵ а) преодолено б) побеждено

⁵⁶ препобедить

Что есть обезьяна на взгляд человека? Посмешище или мучительный стыд. То же будет и человек перед лицом сверхчеловека: посмешищем будет он и болью стыда.

Путь прошли вы от червя до человека, и многое в вас еще червь. Обезьянами были вы некогда, и еще ныне человек более обезьяна, чем любая обезьяна.

И мудрейший среди вас – только расщеп и скрещенье, и ублюдок, и помесь между растением и призраком. Но призраками ли стать велью я вам или растениями?

Вот, я учу вас Сверхчеловеку.

Сверхчеловек – смысл Земли. Воля ваша да скажет: сверхчеловеку быть замыслом, смыслом Земли!

Заклинаю вас, братья мои, верны пребудьте Земле! И глашатаям горних надежд не верьте! Отравители они, знают ли сами о том или нет, – равно.

Жизни презрители, отсыхающие и сами отравление, от них же устала Земля, – и так да сгинут!

Прежде на Бога восстать злейшим было деяньем; но умер Бог и его супостаты с Ним⁵⁷. Против Земли согрешить – ныне тягчайший грех, и недра Неисповедимого⁵⁸ чтить выше, чем смысл Земли.

Прежде на плоть глядела душа с презреньем, и плоти презренье души высотой почиталось. Тошню видеть ее желала⁵⁹ душа, уродливой, изможденной. Так от плоти мнила она и от Земли ускользнуть.

О, душа эта хилой влачилась⁶⁰ сама, уродливой, изможденной; и жестокость была этой души сладострастьем⁶¹.

Но и вы еще, братья мои, и вы мне скажите⁶²: тело ваше что возвещает⁶³ о вашей душе? Не нищета ли душа ваша, и смрад, и жалких услад довольство?

л. 5 об.

Воистину, человек – поток мутный и грязный. Морем должно быть, чтобы принять в себя грязный поток и не стать нечистым.

Вот, я возвещаю вам сверхчеловека: он – это море; в нем пропадет ваше великое презренье.

Что есть то величайшее, что пережить вам⁶⁴ дано? Это час великого презренья. Час, когда и ваше счастье претит вам, и претит ваш разум, и добродетель⁶⁵.

Час, когда вы скажете: «Чего стоит мое счастье? Оно нищета и смрад и жалкое довольство. Но счастье мое должно было бы само существованье оправдать⁶⁶».

Час, когда вы скажете: «Чего стоит мой разум? Алчет ли он знания, как лев своей пищи? Нищета он, и смрад, и жалкое довольство».

Час, когда вы скажете: «Чего стоит моя добродетель? Она еще доведет меня до неистовства⁶⁷. Как устал я от своего добра и зла. Нищета все это и смрад и жалкое довольство».

⁵⁷ и с Ним его супостаты.

⁵⁸ неисповедимого

⁵⁹ хотела

⁶⁰ была и

⁶¹ сладострастьем ее к телу была жестокость.

⁶² признайтесь

⁶³ свидетельствует

⁶⁴ вам пережить

⁶⁵ ваша добродетель

⁶⁶ оправдать само существованье

⁶⁷ безумия (вариант, вписанный над строкой – Л.Е.)

Час, когда вы скажете: «Чего стоит моя справедливость? Не вижу, чтоб я отразился в огне и углях. Но справедливый, он пламя и угли».

Час, когда вы скажете: «Чего стоит мое сострадание? Сострадание, не крест ли оно, к коему пригвождается человеколюбец?»⁶⁸ Но сострадание мое – не распятие».

Вы уже так говорили? Уже кричали так?⁶⁹ О, если бы я уже слышал вас так кричащими. Не грех ваш⁷⁰

3. Фрагмент перевода девятой главы из «Предисловия Заратустры». Черновой автограф карандашом (л. 10).

9.

Долго спал З.<аратуштра>, и не только заря утренняя прошла по лицу его, но и солнце утра. Но вот открылось его око: с удивлением бросил взор З.<аратуштра> в лес и тишину, с удивлением взглянул и в себя самого. Потом быстро вскочил, как мореход, завидев сушу⁷¹, и возликовал: ибо завидел новую истину. И так говорил сердцу своему:

– Свет засветился мне; сподвижники надобны⁷² живые, не мертвые спутники, не трупы, коих ношу я с собой, куда хочу.

В живых я нуждаюсь спутниках, чтобы они следовали за мной потому, что себе хотят последовать⁷³, – и туда, куда я хочу.

Свет засветил мне: не к народу держит речь З.<аратуштра>, но к спутникам! Не должен З.<аратуштра> быть пастухом и псом стада.

Многих выманить из стада – вот зачем пришел я. Прогневить народ и стадо. Разбойником прослыть должен З.<аратуштра> меж пастухов.

Пастухами зову их, они же зовут себя святыми и справедливыми. Пастухами зову их, – они же зовут себя верными правой вере.

Взгляни на добрых и правых! Кого ненавидят они злейшей ненавистью? Того, кто расколет⁷⁴ их скрижали ценностей, раскольника, крамольника⁷⁵: но он и есть созидатель.

Взгляни на верных всех вер [знак повтора⁷⁶] <созидат>ель.

4. Фрагмент речи Заратустры «О трех превращениях». Черновой автограф (чернила), правка чернилами и синим карандашом (л. 1–2 об.). Предыдущий по хронологии черновик (л. 3; чернила) здесь не учитывается. В примечаниях даются только варианты нижнего слоя (чернилами), зачеркнутая карандашная правка не приводится.

⁶⁸ пригвождается тот, кто люб<ит>

⁶⁹ Говорили ли вы уже так? Кричали

⁷⁰ Конец текста – Л.Е.

⁷¹ землю

⁷² товарищи нужны мне и спутники

⁷³ что хотят последовать себе.

⁷⁴ разбивает

⁷⁵ отступника, преступника

⁷⁶ Повторяется фраза из предыдущего абзаца от «Кого ненавидят...» до «созидатель» – Л.Е.

О трех превращениях

Три превращения *поведаю* вам о духе⁷⁷: как обернется верблюдом дух, львом верблюд и младенцем лев.

Тяжкого много для духа есть; *могучей* духа выносливого, крепкого, благоговенья в нем живет:⁷⁸ тяжкого и тягчайшего мощь его требует⁷⁹.

Что тяжело? – выносливый пытается⁸⁰ дух и, колени сгибаючи⁸¹, верблюду подобно, на спину груз⁸² берет.

Что, герои, тяжеле всего? – *могучий* пытается дух:⁸³ на плечи, дайте, то бремя взвалю, *мощи*⁸⁴ своей веселясь.

Не тягчайшее ли унизиться, *чтоб уколоть* свое надменьше?⁸⁵ Глупость свою в блеске явить, – *мудрости насмех и назло*?⁸⁶

Или вот тягчайшее: от⁸⁷ дела своего отойти, когда за ним торжество и победа? На высокие горы взойти – искутить искусителя?

Или вот бремя: желудями и мохом⁸⁸ познания питаться и голод душевный терпеть истины ради?

Не это ли *ноша*⁸⁹ и бремя: болеть и прочь *отпустить*⁹⁰ утешителей и с глухими *дружить*⁹¹, не слышащими, чего ты хочешь?

Не это ли *труд*⁹²: в грязную воду сойти, коль истины это вода и от себя ни жаб холодных, ни горячих черепах *не отгонять*?⁹³

Не это ли *тягота*:⁹⁴ любить презирающих нас и руку *протягивать*⁹⁵ призраку, *мящему*⁹⁶ нас испугать?

Все тягчайшее выносливый дух подымлет и,⁹⁷ верблюду подобно, что в пустыне спешит, *когда навьючен*,⁹⁸ – в свою пустыню стремится дух.

Но в недрах безлюдных⁹⁹ свершается *вновь* превращенье¹⁰⁰: львом *обернется*¹⁰¹ дух,

⁷⁷ Три превращения вам назову превращения духа

⁷⁸ Много дух тяжелого знает, выносливый, крепкий, ему же благоговение вроджено:

⁷⁹ тяжкого и тягчайшего мощь его требует.

⁸⁰ вопрошает выносливый

⁸¹ а) и, сгибая [?] колени, б) и, согнув колени, в) колени сгибая,

⁸² бремя

⁸³ пытается выносливый:

⁸⁴ силе

⁸⁵ дабы надменьше свое пронзить?

⁸⁶ дабы над мудростью своею насмеяться?

⁸⁷ когд<a> от

⁸⁸ травю

⁸⁹ тяжесть

⁹⁰ отослать

⁹¹ сдружиться

⁹² тягота

⁹³ и не гнать от себя ни жаб холодных, ни горячих черепах?

⁹⁴ Не это ли:

⁹⁵ протянуть

⁹⁶ пришедшему

⁹⁷ и тогда,

⁹⁸ что, когда навьючен, в пустыне спешит,

⁹⁹ Но в недрах пустыни безлюдной

¹⁰⁰ второе свершается превращенье

¹⁰¹ становится

свободы *взалчет он себе* в добычу¹⁰² и владычества *над* своей пустыней¹⁰³.

Своего последнего владыки ищет он там: враждовать хочет с ним и с последним своим богом, с великим драконом состязаться о победе.

Что есть великий дракон, его же не угодно более духу именовать властелином своим и божеством? «Ты должен» – имя дракону; но дух львиный говорит: «я хочу».

«Ты должен» лежит у дороги, золотом переливающийся, чешуйчатое чудовище, и на каждой из чешуй загадочное сверкает «ты должен».

Тысячелетние ценности сверкают на чешуе, и так говорит могущественнейший из всех драконов: «ценность всех вещей блещет на мне».

Всякая ценность уже *сотворена*¹⁰⁴ и всякая *сотворенная*¹⁰⁵ ценность – это я¹⁰⁶. Поистине ничье «я хочу» не должно быть». Так говорит дракон.

Братья мои, зачем нужен в духе лев? Отчего не довольно ему быть вьючным животным, исполненным самоотверженности и благоговения.¹⁰⁷

Создать новые ценности – это и льву еще не под силу, но свободу себе сотворить для нового творчества – это под силу мощи львиной.

---

¹⁰² свободы хочет в добычу

¹⁰³ в своей пустыне.

¹⁰⁴ создана

¹⁰⁵ созданная

¹⁰⁶ – я.

¹⁰⁷ благоговением.

КАФЕДРА
DEPARTMENT

УДК 82-1:14
ББК83.014.5:87.524

Михаил Викторович Максимов

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Иваново, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

**Философская поэзия – «согласие сердца и ума»
(о молодежном проекте Соловьёвского семинара)**

Аннотация. Представлен обзор докладов межвузовской научной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых (с международным участием) «Поэзия как жанр русской философии (по страницам журнала “Соловьёвские исследования”)), посвященной 125-летию кончины Вл.С. Соловьёва. Дана краткая характеристика докладов, прочитанных на заседаниях трех секций: секции 1 «Философская поэзия XVIII – п.п. XIX в.»; секции 2 «Философская поэзия вт. пол. XIX в.»; секции 3 «Философская поэзия XX в.». Отмечаются важнейшие универсальные темы, характерные для философской поэзии, такие как смысл жизни, человеческое существование, соотношение Божественного и земного, познание сущностных проблем бытия, историческое призвание России, роль России в судьбе народов и другие. Акцентируется роль Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва (Соловьёвского семинара) в совершенствовании преподавания вузовского курса философии.

Ключевые слова: жанр русской философии, проблематика философской поэзии, молодежные проекты Соловьёвского семинара, историсофские темы

Mikhail Viktorovich Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin, PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russia, Ivanovo, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

**Philosophical poetry – “harmony of heart and mind”
(about the youth project of the Solovyov seminar)**

Abstract. An overview of the reports presented at the inter-university scientific conference of students, postgraduate students and young scientists (with international participation) ‘Poetry as a genre of Russian philosophy (based on the pages of the journal “Solovyov Studies”)), dedicated to the 125th anniversary of the death of Vl. S. Solovyov. A brief description of the reports read at the meetings of three sections is given: Section 1 ‘Philosophical Poetry of the 18th – early 19th Centuries’; Section 2 ‘Philosophical Poetry of the Second Half of the 19th Century’; Section 3 ‘Philosophical Poetry of the

20th Century’. The most important universal themes characteristic of philosophical poetry are noted, such as the meaning of life, human existence, the relationship between the divine and the earthly, the cognition of essential problems of being, Russia's historical calling, Russia's role in the fate of nations, and others. The role of the Interregional Scientific and Educational Centre for Research of the Legacy of V.S. Solovyov (Solovyov Seminar) in improving the teaching of university philosophy courses.

Key words: genre of Russian philosophy, issues of philosophical poetry, youth projects of the Solovyov Seminar, historiosophical themes

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.178-185

Сложен и тернист путь к постижению философии, особенно если его прокладывает студент первого курса технического вуза: школа не развила способность к абстрактному понятийному мышлению жизненного опыта и знания в какой-либо области науки, достаточные для философских обобщений, отсутствуют. К этому добавляется скудость академических часов, отводимых учебным планом на изучение дисциплины, да и четыре месяца одного семестра – не тот отрезок времени, чтобы успешно войти в философскую проблематику. В такой ситуации неоценимую поддержку и помощь учебному процессу оказывает Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьева (Соловьевский семинар), учрежденный в ИГЭУ в 1999 году. Ежегодно в рамках его деятельности реализуются различные молодежные проекты – научные конференции, презентации, фото и книжные выставки, встречи с выдающимися российскими и зарубежными деятелями науки и философии¹. Участие студентов в этих проектах – настоящая школа мысли, формирующая философскую культуру, уникальная возможность прикоснуться к науке, проявить себя, попробовать свои силы в осмыслении и интерпретации теоретических проблем.

В этой многогранной работе особое значение мы придаем решению актуальных задач, стоящих перед высшей школой, – формированию патриотической, гражданской позиции студентов, чувства ответственности за судьбу страны. Молодежные проекты Соловьевского семинара значительно расширяют возможности ознакомления студентов с богатством национальной культуры и постижения глубоких философских проблем, пронизывающих отечественную литературу.

Завершающийся учебный год в жизни Соловьевского семинара отмечен реализацией двух молодежных проектов: в декабре 2024 г. состоялась межвузовская научная конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Русская

---

¹ О молодежных проектах Соловьевского семинара см.: Максимов М.В. Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьева (Соловьевский семинар). Хроника деятельности. Ч. 1–4: 1999–2024 гг. // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 138–186 [1]; Вып. 2(82). С. 140–193 [2]; Вып. 3(83). С. 126–193 [3]; Вып. 4(84). С. 158–193 [4].

дума: судьба России в творчестве русских философов и писателей (по страницам журнала “Соловьёвские исследования”))»²; в апреле–мае 2025 г. – межвузовская научная конференция студентов, магистрантов и молодых ученых (с международным участием) «Поэзия как жанр русской философии (по страницам журнала “Соловьёвские исследования”)), посвященная 125-летию кончины Вл.С. Соловьёва³.

Проект «Поэзия как жанр русской философии» включил в себя оформление совместно с университетской Библиотекой книжной выставки, проведение научной конференции, подготовку презентации «Забытый Соловьёв: поэзия В.С. Соловьёва в русской музыке».

Открытие конференции и книжной выставки, представившей русскую поэзию с XVIII до XX века – от Гавриила Державина до Александра Блока и Максимилиана Волошина, состоялось 13 марта. С приветственным словом к присутствующим обратились куратор выставки Е.К. Курушина и руководитель Соловьёвского семинара проф. М.В. Максимов, выступивший также с докладом «О критериях философской поэзии».

Межвузовская научная конференция студентов, магистрантов и молодых ученых (с международным участием) «Поэзия как жанр русской философии (по страницам журнала “Соловьёвские исследования”))» была посвящена 125-летию кончины Вл.С. Соловьёва (31 июля [13 августа] 1900 г.). В конференции приняли участие 22 студента первого курса электромеханического факультета Ивановского государственного энергетического университета, студентка 3 курса филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (г. Саранск), магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), магистрант кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь) и аспирантка Отдела русской литературы конца XIX–начала XX века Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва).

Конференция включала заседания трех секций: секции 1. «Философская поэзия XVIII – п.п. XIX в.» (17 апреля; секция 2. «Философская поэзия вт. пол. XIX в.» (24 апреля); секции 3. «Философская поэзия XX в.» (6 мая).

Доклады первой секции были посвящены философской лирике Любомудров (докл. И.А. Жуков, студ. гр. 1-31), философской поэзии А.С. Хомякова (докл. Д.А. Герасимов, студ. гр. 1-31), анализу философских мотивов в поэтическом творчестве М.Ю. Лермонтова (докл. В.А. Бобков, студ. гр. 1-34), рассмот-

² Максимов М.В. О межвузовской научной студенческой конференции. URL: <http://игэу.рф/node/20726> (Дата обращения: 24 декабря 2024 г.).

³ См.: Открытие книжной выставки «Поэзия как жанр русской философии» в Библиотеке ИГЭУ 13 марта 2025 г. URL: https://m.vk.com/biblio_ispu?from=profile (Дата обращения: 19 мая 2025 г.). Фотоотчёт о выставке см.: URL: https://vk.com/album-101012284_304898839

рению представлений о картине мира в русской философской лирике XIX в. (докл. Н.С. Горбунов, студ. гр. 1-38). Внимание докладчиков было сосредоточено на анализе философских проблем, нашедших художественное выражение, таких как смысл жизни, соотношение Божественного и земного. Философско-историческая проблематика была рассмотрена в докладе Д.А. Герасимова «Философская поэзия А.С. Хомякова». Докладчик акцентировал внимание на значении историософской темы – одной из центральных тем в поэтическом творчестве А.С. Хомякова как одного из основоположников славянофильства, включающей вопросы исторического призвания России, ее роли в судьбе народов.

Заседание второй секции было посвящено философской лирике Ф.И. Тютчева (докл. П.Е. Филиппова, студ. гр. 1-33), А.А. Фета (докл. П.Е. Редькин, студ. 1-34), В.С. Соловьева (докл. Е.А. Мочалин, студ. гр. 1-35; О.В. Важнов, студ. 1-34).

П.Е. Филиппова, опираясь на анализ стихотворений Ф.И. Тютчева, отметила, что поэт в своих лирических произведениях затрагивает широкий спектр философских проблем: от онтологических вопросов о природе бытия и места человека в мироздании до гносеологических проблем познания и границ человеческого разума.

В докладе П.Е. Редькина, посвященном А.А. Фету, были выявлены ключевые философские темы в творчестве поэта, а также дан анализ влияния философской мысли на формирование его поэтического языка и художественных образов. Докладчик показал, как в лирике Фета переплетаются личное и универсальное, как поэт через свои произведения ищет ответы на вечные философские вопросы о смысле жизни, об отношениях человека с природой и божественным началом.

Философской лирике В.С. Соловьева были посвящены два доклада. В первом – «Метафизическое в поэзии Вл.С. Соловьева» (докл. Е.А. Мочалин, студ. гр. 1-35) – было отмечено влияние платоновской традиции, отразившейся в стихотворениях поэта (противопоставление чувственного и истинного миров в стихотворении «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892 г.)), раскрыто значение образа Софии в философской лирике Соловьева, видевшего в Софии связующее звено, посредницу между творением и Божеством.

Второй доклад – «Историософская поэзия Вл.С. Соловьева» (докл. О.В. Важнов, студ. гр. 1-34), был посвящен анализу таких тем, как понимание философом роли России в мировом историческом процессе, и русской культуры как связующего звена между Востоком и Западом, обличение политического и идеологического деспотизма.

В работе секции приняли участие магистранты Ф.И. Евлампиев (Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета) и А.И. Нестер (кафедра русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)). Доклад Ф.И. Евлампиева «Поэт, мистик, философ: образ мечтателя в раннем творче-

стве Достоевского и его истоки» был посвящен анализу размышлений писателя о роли поэта, выполняющего истинную задачу философии – открытие Бога. Истоки такого понимания докладчик видит, в частности, в творчестве одного из основателей романтизма Новалиса, немецкого натурфилософа, писателя, поэта мистического мироощущения, писавшего о философии как «поэме разума», а также в поэзии Г. Гейне, представителя позднего романтизма.

В докладе А.И. Нестер «Философский базис поэтического творчества В.М. Гаршина (на материале избранных стихотворений)» был представлен анализ произведений поэта, в которых он ищет ответы на вопросы о природе гения, особенностях творческого процесса, значимости фигуры истинного Творца, переосмысливает опыт своего выдающегося предшественника И.С. Тургенева.

Участники третьей секции выступили с докладами, посвященными философской поэзии XX века. Предметом рассмотрения и анализа были стихотворения Александра Блока (докл. В.В. Отряскина, студ. гр. 1-35), Андрея Белого (докл. М.В. Чеснокова, студ. 1-35), Вяч. Иванова (докл. А.И. Зотов, студ. гр. 1-36), Максимилиана Волошина (докл. К.С. Кравченко, студ. гр. 1-36). Влияние философии В.С. Соловьева на творчество Константина Бальмонта было рассмотрено в докладе И.И. Титовой (студ. гр. 1-38).

В работе секции приняла участие С.С. Воронцова, аспирантка Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН (г. Москва), представившая доклад «Философия времени в элегическом жанре в поэзии А. Белого», в котором в контексте философского круга чтения А. Белого (А. Шопенгауэр, И. Кант, Ф. Ницше, Вл. Соловьев) был проанализирован элегический хронотоп в сборниках «Золото в лазури» (1904 г.), «Пепел» (1909 г.) и «Урна» (1909 г.).

Участница конференции К.С. Раужина, студентка 3 курса филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва, представила доклад «Философские мотивы в поздней лирике А. Башлачёва», советского поэта и рок-музыканта. На основе анализа поэтических произведений А. Башлачёва «Ванюша», «Тесто», «Имя Имён» докладчицей были выделены главные философские мотивы его позднего творчества: духовная свобода, жертвенность, взаимоотношения человека с Богом, вера, духовный поиск, русский национальный характер.

Заседания каждой из секций завершались докладами-презентациями «Забытый Соловьев: поэзия В.С. Соловьева в русской музыке» и прослушиванием вокальных сочинений русских композиторов на стихи В.С. Соловьева, подготовленными студентами П.К. Куриловой и С.С. Елисеевым (гр. 1-38), А.А. Козыревой и А.М. Никифоровым (гр. 1-36), В.В. Беззубовой и Д.А. Чаткиным (гр. 1-35)⁴.

---

⁴ Доклады и презентации подготовлены по материалам публикаций: Максимов М.В. Библиография музыкальных произведений на стихи В.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 3(27). С. 132–133 [5]; Забытый Соловьев: поэзия В.С. Соловьева в русской музыке. Ч. 1 / введ. ст. и публ. М.В. Максимова // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 3(27). С. 101–131 [6]; Забытый Соловь-

Конференция предшествовала кропотливой исследовательской работе – чтение и анализ сочинений русских поэтов и критической литературы, посвященной философским аспектам их творчества⁵, консультации, написание и редактирование текстов докладов.

Проделанная работа позволила участникам проекта увидеть философские проблемы в неожиданном контексте – не в специальных трактатах и сочинениях, а в художественных текстах, зачастую известных со школьной скамьи, но открывающихся новыми гранями и смыслами. Такой подход к изучению вузовского курса философии, включающий обращение к художественной литературе, безусловно, обогащает духовную культуру молодого поколения, акцентирует внимание на особом интересе русской поэзии к философской проблематике, наполняет конкретным содержанием представление о литературоцентризме русской философии, формирует национальную, гражданскую и ценностную идентичность студенческой молодежи.

Список литературы

1. Максимов М.В. Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьева (Соловьёвский семинар). Хроника деятельности. Ч. 1: 1999–2005 гг. // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 138–186.
2. Максимов М.В. Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьева (Соловьёвский семинар). Хроника деятельности. Ч. 2: 2006–2011 гг. // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 140–193.
3. Максимов М.В. Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьева (Соловьёвский семинар). Хроника деятельности. Ч. 3: 2012–2018 гг. // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 126–193.
4. Максимов М.В. Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьева (Соловьёвский семинар). Хроника деятельности. Ч. 4: 2019–2024 гг. // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 4(84). С. 158–193.
5. Максимов М.В. Библиография музыкальных произведений на стихи В.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 3 (27). С. 132–133.

ев: поэзия В.С. Соловьева в русской музыке. Ч. 2 / ввод. ст. и публ. М.В. Максимова // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 4(28). С. 109–155 [7]; Забытый Соловьёв: Поэзия В.С. Соловьева в русской музыке. Ч. 3 / вводн. ст. и публ. М.В. Максимова // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 1(29). С. 117–135 [8].

⁵ Студентам-участникам конференции по выбранным темам доклада были рекомендованы соответствующие источники и исследовательская литература. Активно использовались следующие публикации: Маймин Е.А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев. М.: Наука, 1976. 189 с. [9]; Минц З.Г. Владимир Соловьёв – поэт // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 5–56 [10]; Перцов П.П. Философские течения русской поэзии: Избр. стихотворения и крит. ст. С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.В. Никольского [и др.] / сост. П. Перцов. СПб.: тип. М. Меркушева (б. Н. Лебедева), 1896. 394 с. [11]; Поэзия как жанр русской философии / сост. И.Н. Сиземская. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2007. 333 с. [12]; Авдейчик Л.Л. Философская поэзия Владимира Соловьева. Минск: РИВШ, 2006. 170 с. [13]; Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: Петрополис, 2012. 652 с. [14]; Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьева в контексте русской словесности второй половины XIX века: эстетика, поэтика, стил. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 548 с. [15].

6. Забытый Соловьёв: поэзия В.С. Соловьёва в русской музыке. Ч. 1. / ввод. ст. и публ. М.В. Максимова // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 3(27). С. 101–131.
7. Забытый Соловьёв: поэзия В.С. Соловьёва в русской музыке. Ч. 2 / ввод. ст. и публ. М.В. Максимова // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 4(28). С. 109–155.
8. Забытый Соловьёв: Поэзия В.С. Соловьёва в русской музыке. Ч. 3 / ввод. ст. и публ. М.В. Максимова // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 1(29). С. 117–135.
9. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев. М.: Наука, 1976. 189 с.
10. Милиц З.Г. Владимир Соловьёв – поэт // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 5–56.
11. Перцов П.П. Философские течения русской поэзии: Избр. стихотворения и крит. ст. С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.В. Никольского [и др.] / сост. П. Перцов. СПб.: тип. М. Меркушева (б. Н. Лебедева), 1896. 394 с.
12. Поэзия как жанр русской философии / сост. И.Н. Сиземская; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2007. 333 с.
13. Авдейчик Л.Л. Философская поэзия Владимира Соловьёва. Минск: РИВШ, 2006. 170 с.
14. Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: Петрополис, 2012. 652 с.
15. Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века: эстетика, поэтика, стиль. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 548 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Maksimov, M.V. (ed.) *Zabytyy Solov'ev: poeziya V.S. Solov'eva v russkoy muzyke*. Ch. 1 [Forgotten Solovyov: The Poetry of V.S. Solovyov in Russian Music. Chapter 1], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 3(27), pp. 101–131.
2. Maksimov, M.V. (ed.) *Zabytyy Solov'ev: poeziya V.S. Solov'eva v russkoy muzyke*. Ch. 2 [Forgotten Solovyov: The Poetry of V.S. Solovyov in Russian Music. Chapter 2], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 4(28), pp. 109–155.
3. Maksimov, M.V. (ed.) *Zabytyy Solov'ev: poeziya V.S. Solov'eva v russkoy muzyke*. Ch. 3 [Forgotten Solovyov: The Poetry of V.S. Solovyov in Russian Music. Chapter 3], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2011, issue 1(29), pp. 117–135.

(Articles from Scientific Journals)

4. Maksimov, M.V. *Mezhregional'nyy nauchno-obrazovatel'nyy tsentr issledovaniy naslediya V.S. Solov'eva (Solov'evskiy seminar)*. *Khronika deyatel'nosti*. Ch. 1: 1999–2005 gg. [Interregional Scientific and Educational Centre for the Study of V.S. Solovyov's Legacy (Solovyov Seminar). Chronicle of Activities. Part 1: 1999–2005.], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 1(81), pp. 138–186.
5. Maksimov, M.V. *Mezhregional'nyy nauchno-obrazovatel'nyy tsentr issledovaniy naslediya V.S. Solov'eva (Solov'evskiy seminar)*. *Khronika deyatel'nosti*. Ch. 2: 2006–2011 gg. [Interregional Scientific and Educational Centre for the Study of V.S. Solovyov's Legacy (Solovyov Seminar). Chronicle of Activities. Part 2: 2006–2011 in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 2(82), pp. 140–193.
6. Maksimov, M.V. *Mezhregional'nyy nauchno-obrazovatel'nyy tsentr issledovaniy naslediya V.S. Solov'eva (Solov'evskiy seminar)*. *Khronika deyatel'nosti*. Ch. 3: 2012–2018 gg. [Interregional Scientific and Educational Centre for the Study of V.S. Solovyov's Legacy (Solovyov Seminar). Chronicle of Activities. Part 3: 2012–2018], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 3(83), pp. 126–193.

7. Maksimov, M.V. Mezhr regional'nyy nauchno-obrazovatel'nyy tsentr issledovaniy naslediya V.S. Solov'eva (Solov'evskiy seminar). Khronika deyatel'nosti. Ch. 4: 2019–2024 gg. [Interregional Scientific and Educational Centre for the Study of V.S. Solovyov's Legacy (Solovyov Seminar). Chronicle of Activities. Part 4: 2019–2024], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 4(84), pp. 158–193.

Articles from Proceedings and Collections of Research Papers

8. Mints, Z.G. Vladimir Solov'ev – poet [Vladimir Solovyov the poet], in Solov'ev, V.S. *Stikhovoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comedy plays]. Leningrad, 1974, pp. 5–56.

9. Pertsov, P.P. *Filosofskie techeniya russkoy poezii: Izbrannye stikhovoreniya i kriticheskie stat'i S.A. Andreevskogo, D.S. Merezhkovskogo, B.V. Nikol'skogo [i dr.]* [Philosophical Trends in Russian Poetry: Selected Poems and Critical Essays by S.A. Andreevsky, D.S. Merezhkovsky, B.V. Nikol'sky [et al.]]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva (b. N. Lebedeva), 1896. 394 p.

10. Sizemskaya, I.N. *Poeziya kak zhanr russkoy filosofii* [Poetry as a genre of Russian philosophy]. Moscow: IF RAN, 2007. 333 p.

(Monographs)

11. Avdeychik, L.L. *Filosofskaya poeziya Vladimira Solov'eva* [The philosophical poetry of Vladimir Solovyov]. Minsk: RIVSh, 2006. 170 p.

12. Maymin, E.A. *Russkaya filosofskaya poeziya: Poety-lyubomudry, A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev* [Russian philosophical poetry: Poets-philosophers, A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev]. Moscow: Nauka, 1976. 189 p.

13. Titarenko, S.D. «*Faust nashogo veka*»: *Mifopoetika Vyacheslava Ivanova* [Faust of Our Age: The Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov]. Saint-Petersburg: Petropolis, 2012. 652 p.

14. Yurina, N.G. *Literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo V.S. Solov'eva v kontekste russkoy slovesnosti vtoroy poloviny XIX veka: estetika, poetika, stil'* [The literary and artistic work of V.S. Solovyov in the context of Russian literature in the second half of the 19th century: aesthetics, poetics, style]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2019. 548 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

15. Maksimov, M.V. Bibliografiya muzykal'nykh proizvedeniy na stikhi V.S. Solov'eva [Bibliography of musical works based on poems by V.S. Solovyov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 3(27), pp. 132–133.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

УДК 801:27:179

ББК 83.3(2=411.2)53:87.3(2)53-693

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yurij-danilevskij@yandex.ru

Вячеслав Иванов – великолепный и неисчерпаемый
[Рец. на:] Вячеслав Иванов. Исследования и материалы.
Вып. 4 / Российская акад. наук, ИМЛИ РАН;
Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме;
ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН,
Водолей, 2024. 852 с.

Konstantin Yur'evich Lappo-Danilevskii

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. Doctor in Philology, Doctor Habil. of Philology, senior research fellow, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: yurij-danilevskij@yandex.ru

Magnificent and inexhaustible Vyacheslav Ivanov
[Review on:] Vyacheslav Ivanov. Research and Materials, issue 4.
Editors and compilers E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow,
IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024. 852 p.

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.186-193

Четвертый выпуск сериального сборника «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы», рассматриваемый в настоящей рецензии¹, – последний в череде объемных документально насыщенных томов, претендующих на высвещение новых граней таланта Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949), поэта

---

¹ Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / Российская акад. наук ИМЛИ РАН; Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме; ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. 852 с. (Далее ссылки на это издание в тексте даются в круглых скобках с указанием страниц).

и мыслителя, одной из ключевых фигур русского Серебряного века, на систематическое изучение его наследия и введение в научный оборот архивных документов. Серии была уготована странническая судьба: первый выпуск был издан в 2010 г. петербургским Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в сотрудничестве с Исследовательским центром Вячеслава Иванова в Риме; второй – в 2016 г. теми же учреждениями при участии еще одной организации – Русской христианской гуманитарной академии в Петербурге; выпуски третий и четвертый – итог сотрудничества московского Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН и Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме.

Необходимо отметить, что настоящий выпуск следует рассматривать в куда более широком контексте, а именно в связи с той волной архивных публикаций и исследований, которыми отмечено иванововедение с начала 1980-х гг. и которые привели к качественным изменениям в понимании вклада Вячеслава Иванова в русскую культуру. Важную роль при этом сыграли международные научные конференции, организованные при деятельном участии сына поэта Дмитрия Вячеславовича Иванова (1912–2003) поначалу лишь на Западе, а затем и в России. Первая из таких конференций была проведена в 1981 г. в Нью-Хейвене, вторая – в 1983 г. в Риме и т.д. Материалы и международных иванововедческих конференций, и более скромных российских симпозиумов почти всегда публиковались: либо в сборниках, им целиком посвященных, либо в отдельных выпусках авторитетных журналов, либо блоками в научной периодике. Так, отдельные тома увенчали проведение конференций в Нью-Хейвене в 1981 г. (опубл.: 1986 г.); Павии в 1986 г. (опубл.: 1988 г.); Гейдельберге в 1989 г. (опубл.: 1993 г.); Вене в 1998 г. (опубл.: 2002 г.); Москве в 2000 г. (опубл.: 2002 г.); Петербурге в 2002 г. (опубл.: 2003 г.); Риме в 2001 г. (опубл.: 2004 г.); Петербурге в 2005 г. (опубл.: 2006 г.); Москве в 2006 г. (опубл.: 2010 г.); Риме в 2016 г. (опубл.: 2017 г.); Иерусалиме в 2019 г. (опубл.: 2021 г.). Обширные массивы иванововедческих публикаций появлялись в виде отдельных выпусков следующих славистических журналов (а порой и блоками в них) и сериальных сборников: *Cahiers du Monde russe et soviétique*, *Cahiers du Monde russe*, «Новое литературное обозрение», *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*, *Russian Literature*, *Europa orientalis*, «Русско-итальянский архив», «Русская литература», «Символ. Журнал христианской культуры». Упомянем и два академических сборника, названия которых весьма близки заглавию серии «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» и которые надо признать ее непосредственными предшественниками: «Вячеслав Иванов. Материалы и исследования» (М., 1996) и «Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования» (М., 1999).

Соотнесение четвертого выпуска сборника «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» с этим насыщенным и обильным фоном оказывается для него выигрышным – довольно беглого взгляда на содержание, чтобы убедиться

и в новизне ряда ракурсов, и в обилии новых архивных материалов, вводимых в научный оборот. Книга состоит из четырех разделов: *Poetica*, *Biografica*, *Maeutica*, «Публикации»; подобная рубрикация отсутствовала в предыдущих сборниках серии. Но куда важнее то, что само наполнение этих разделов и распределение статей и публикаций не выглядит достаточно убедительным. Так, если понимать под поэтикой изучение особенностей художественной манеры и выразительных средств поэта, то в разделе *Poetica* можно найти, пожалуй, всего одну работу, которая посвящена исследованию поэтики художественных произведений Вяч. Иванова, – это статья Н.М. Сегал-Рудник «“Петровское на Оке” Вячеслава Иванова: пространство и время». Исследовательница убедительно анализирует микрокосм, выстроенный поэтом в этом цикле стихотворений, а также связь этого микрокосма как с русской лирической традицией, так и с западноевропейской живописью.

В своем этюде «“*Geschenks-Widmung*” Вячеслава Иванова: подтекст и контекст», помещенном в том же разделе, О.Л. Фетисенко рассматривает немецкоязычное стихотворение, написанное поэтом по случаю дарения Ольге Дешарт (О.А. Шор) томика «*Фауста*» Гете на немецком языке. Само *Geschenks-Widmung* («Посвящение подарка») было опубликовано еще в 1995 г. Майклом Вахтелем и, как кажется, не содержит особенных трудностей для интерпретатора: стихотворение было записано в томике «*Фауста*», в финале содержит широко известную цитату из Гете, обращено к Ольге Дешарт, биография которой неплохо изучена. Прозаический перевод стихотворения Вяч. Иванова, заботливо сделанный Фетисенко, в одном пункте вызывает недоумение. Приведу третий катрен оригинала:

(“Was ist das Urgedächtnis?” fragt
 Der Wicht, dem Götter es versagt:
 Wär er gescheidt, er lobt’ es laut,
 Und Leute fühlen sich erbaut.) (с. 144).

А вот он в переводе Фетисенко:

«(“Что это за пра-память?” – спрашивает невеглас, которого Бог лишил ее. Был бы он смышленным, он громко восхвалял бы ее [эту пра-память] и люди бы возрадовались)» (с. 144).

Не касаясь вопросов спорных (например, сколь удачна передача словечка *Wicht* («малыш», «карапуз», «парень», «тип», «бедолага») как «невеглас» и проч.), надо отметить, что перевод *Götter* («боги») как «Бог» неверен и препятствует адекватному пониманию текста. Если автор явно имел в виду языческих богов, то данный перевод придает шутливому стихотворению чуждую ему серьезность и побуждает воспринимать его в контексте христианских представлений.

В то же время в заключительной части сборника содержится публикация, которая так и просится в отдел *Poetica*. Она озаглавлена «Вячеслав Иванов,

Николай Бердяев и другие на заседаниях Пушкинского семинария в 1919 г.: конспекты И.А. Кашкина» (предисл. и примеч. Е.В. Глухой; подгот. текста Е.В. Глухой и О.Л. Фетисенко) и содержит кропотливую расшифровку поспешных записей Ивана Александровича Кашкина (1899–1963), молодого поэта, ставшего впоследствии известным переводчиком с английского языка. В его заметках, крайне поспешно сделанных и не всегда разборчивых, содержится информация о пушкиноведческих заседаниях: о сделанном в начале июня докладе И.Н. Розанова «Подражание Анакреону» и анализе стихотворения «Осень», выполненном И.М. Дегтеревским; о разборе Вяч. Ивановым пушкинских стихотворений «Элегия», «Буря», «Мадона» и «Подражание древним» (11 июня); о лекции Вяч. Иванова о рифме и средствах выразительности поэтического текста, после которой им было разобрано «Воспоминание» (23 июня); о докладе Ю.П. Денике о «Вельможе», сопровождавшемся комментариями Вяч. Иванова (25 июня). Кашкин также законспектировал две лекции, к Пушкину напрямую не относящиеся: Вяч. Иванова о романе Достоевского «Идиот» (состоялась между 11 и 22 июня) и Н.А. Бердяева «Андрей Белый как духовная проблема» (22 июня). До настоящего времени в распоряжении исследователей не было столь подробных записей того, о чем говорилось в Пушкинском семинарии. Значение этих записей тем более велико, ибо ряд наблюдений (например, о несовершенстве пушкинского сонета «Мадона») и размышлений о поэтике тех или иных художественных текстов Вяч. Иванов излагал на заседаниях Пушкинского семинария наиболее подробно.

С неослабевающим интересом читаются другие статьи раздела *Poetica*, хотя к поэтике Вяч. Иванова они имеют, скорее, отдаленное отношение: Мария Цимборска-Лебода продолжает разговор о значении идей блаженного Августина для поэта; Е.А. Андрущенко с широким привлечением архивных материалов освещает историю постановки пьесы Д.С. Мережковского «Будет радость» в Московском Художественном театре в 1916 г., важную для понимания отклика Вяч. Иванова на пьесу; рецензия трагедии Вяч. Иванова «Прометей» в творчестве В.Я. Брюсова находится в центре внимания Л.Г. Каяниди, выявляющего значение идей Ницше для Брюсова; Ю.Ю. Анохина подчеркивает превалирование литературоведческого, а не философского подхода при осмыслении Вяч. Ивановым «Легенды о Великом инквизиторе» Достоевского; Л.В. Маштакова освещает обстоятельства военных лет жизни Ю.Н. Верховского, как бы отвечая на вопрос «Ты жив ли, друг?», открывающий послание 1944 г. Вяч. Иванова к нему.

Поясняя в предисловии название третьего раздела *Maeutica*, составители утверждают, что его «составляют статьи, выясняющие влияние – прямое или типологическое – ивановских идей на исследователей XX в.». Очевидно, что составители при этом отталкиваются от понятия майевтики (др.-греч. μαευτική; латиницей ее лучше передать как *maeutica*) – диалогической практики, позволявшей

Сократу благодаря последовательным вопросам приближать собеседника к истине и ее раскрывать (описана в диалоге Платона «Геэтет»).

Тем удивительнее, что третий раздел книги открывает статья В.А. Рудича «Сакральность жертвы: Вячеслав Иванов и Рене Жирар», где прямо говорится о том, что ни о каком знакомстве Рене Жирара с идеями Вяч. Иванова речи быть не может; исследователя интересуют типологические сопоставления. В то же время в разделе *Biografica* находим пространную, на 110 страниц, статью того же автора «Сократ в Баку: Прологомена к педагогике Вячеслава Иванова». В ней педагогическая практика ученого поэта в Бакинском университете повествуется как раз идеями античной майевтики и пайдеи. В центре анализа Рудича постоянное собеседование Вяч. Иванова с четырьмя его наиболее близкими учениками – М.С. Альтманом, К.М. Колобовой, В.А. Мануйловым и Е.А. Миллиор. Общение это, принимавшее, несомненно куда более тесный и личный характер, чем то допускают общепринятые правила академического преподавания, стало для четырех студентов важнейшим внутренним опытом, завершившим формирование их личностей и давшим определяющие импульсы для их собственной творческой деятельности. Исследователь не закрывает глаза на опасности подобной педагогики и не замалчивает того, что между учителем и учениками возникали ситуации, чреватые психическими травмами. Все же его общий вывод оптимистичен: диалогические практики Вяч. Иванова выполнили свое главное предназначение, заповеданное античностью, – поэт помог своим ученикам осознать и обрести себя для дальнейшего самостоятельного пути и служения культуре. В специфическом смысле опосредованной майевтики уместно помещение в третьем разделе публикаций С.В. Федотовой и Е.К. Созиной, рассматривающих импульсы, данные идеями Вячеслава Иванова М.М. Бахтину и Л.А. Гогтишвили. В то же время, как показывает Ю.Б. Демиденко, замысел картины «Древний ужас» Л.С. Бакста (1908 г.) сформировался еще до знакомства художника с поэтом, и именно это живописное полотно стало той первой диалогической репликой, которая спровоцировала Вяч. Иванова на его известное высказывание о картине – одноименную статью.

Составители сборника сами указывают на близкородственность разделов *Biografica* и «Публикации», что побуждает рассмотреть их, исходя из тематических комплексов, в них представленных. Архивные материалы, вводимые сборником в научный оборот, охватывают период с середины 1900-х гг. до отъезда поэта в 1924 г. в Рим, а также первых пятнадцати лет в эмиграции. Для понимания внутреннего мира и художественных замыслов Вяч. Иванова крайне важна драма «Великий Колокол» Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, публикуемая Н.И. Яковлевой и А.Б. Шишкиным в сборнике. Достаточно указать, что книга «Любовь и Смерть» во второй части поэтического сборника Вяч. Иванова *Cor Ardens* (1912 г.) открывается стихами: «Великий Колокол на богомолье / Тебя позвал...». В предисловии к публикации А.Б. Шишкин подробно освещает вовлеченность Вяч. Иванова в процесс создания неоконченной драмы и его

усилия, направленные на то, чтобы придать ей завершенный вид. Как явствует из «Текстологической справки» (в ее составлении принял деятельное участие Г.В. Обатнин), опубликован композитный текст: источники первых двух частей пьесы – автографы Зиновьевой-Аннибал (беловик, подвергшийся основательной правке, и черновик) и черновой автограф Вяч. Иванова (текст, написанный уже после смерти жены, для того чтобы сберечь для потомства ее замысел).

Самая объемная публикация сборника (почти 120 страниц) – «Письма и послания Юрия Верховского к Вячеславу Иванову», подготовленные к печати А.Л. Соболевым. Как и ранее, исследователь обращается к обширным документальным массивам, которые уже в их значительной части публиковались и в связи с которыми у большинства коллег создалось впечатление об их освоенности. Благодаря тщательной проработке архивных материалов А.Л. Соболев не в первый раз демонстрирует мнимость подобных представлений. В общей сложности исследователем с подробнейшими комментариями напечатано тридцать три письма, послания и телеграммы Верховского к Вяч. Иванову (две трети из них – впервые). К сожалению, ответные письма Вяч. Иванова утрачены и о его участии в этом многолетнем диалоге остается догадываться по его посланиям и посвящениям Верховскому, появившимся в печати. Ориентироваться в этом материале позволяет помещенный в приложении «Список взаимных стихотворных посвящений, оставшихся за пределами публикации». Еще одна статья А.Л. Соболева в рассматриваемом томе посвящена сюжету, сугубо маргинальному, – сохранившийся в Российской государственной библиотеке эпистолярный позволяет высветить фигуру малоизвестной поэтессы Зои Дмитриевны Бухаровой (1876 или 1877–1941), робкой поклонницы таланта и личности Вяч. Иванова.

Статья Е.А. Тахо-Годи «Юлий Айхенвальд и Вячеслав Иванов: к постановке темы» посвящена теме более значительной, но все же занимающей довольно скромное место, ибо Айхенвальд, недолюбливавший модернистов, с творчеством поэта-символиста был знаком весьма поверхностно, а встречался с ним лишь несколько раз. О каком-либо глубоком и взаимном влиянии, кажется, тоже говорить не приходится. Сама статья производит, скорее, впечатление преамбулы к одной телеграмме Айхенвальда и трем его кратким письмам, напечатанным Тахо-Годи. Во втором приложении републикован отзыв Айхенвальда о сборнике Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец», впервые напечатанный в «Русской мысли» в июле 1907 г. Подзаголовок «статья первая» предполагает продолжение, и это не может не интриговать.

Четвертый выпуск сборника «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» существенно дополняет наши знания и об эмигрантском периоде жизни поэта. Так, семь писем О.А. Шор Вячеславу Иванову 1925–1928 гг., публикуемые О.В. Фетисенко, вводят в мир забот поэта, связанных с его литературными и «административно-научными» поручениями, которые Шор исполняла в Москве: получение денежного довольствия от ЦЕКУБУ (Центральной комис-

сии по улучшению быта ученых); стремление поэта получить гонорар за сорок стихотворений, без ведома автора включенных в антологию «Русская поэзия XX века» И.С. Ежова и Е.И. Шамурина; его переговоры об издании переводов из Эсхила с Государственной академией художественных наук и проч. К этим деловым посланиям присоединено одно шутивное письмо О.А. Шор поэту от 25 января 1929 г., отправленное ею из Рима в Павию.

Наталья Гамалова делится своими разысканиями о судьбе Жана Шюзевилья (1885–1974), литератора-полиглота, приехавшего в Москву в июле 1904 г. и прожившего в России с 1904 по 1910 г. с некоторыми перерывами. Здесь он изучил русский язык и завязал обширные связи в литературных и журнальных кругах. Итогом этого сближения стала «Антология русских поэтов» (*Anthologie des poètes russes*), о которых Шюзевиль подготовил краткие очерки и чьи стихи перевел. Книга вышла в свет в Париже в 1914 г. с предисловием В.Я. Брюсова. Очерк Шюзевилья о Вяч. Иванове в переводе на русский язык, сделанный, видимо, самой Гамаловой (это не оговорено), помещен в приложении к ее статье. Хотя Шюзевиль имел возможность познакомиться с поэтом во время своего пребывания в России в 1900-е гг., их общение имело место намного позднее (достоверно известно лишь об одной их встрече 18 декабря 1938 г.). Значительное место уделено Гамаловой пяти письмам Шюзевилья Димитрию Иванову 1951–1956 гг., тексты которых на русском языке приведены в статье (их французские оригиналы хранятся в Римском архиве Вячеслава Иванова).

Обширная тема взаимоотношений Вяч. Иванова с итальянскими католическими кругами представлена в сборнике двумя публикациями. Стефано Гардзонио и Бьянка Сульпассо публикуют переписку поэта с Джованни Папини (1881–1956), прозаиком, критиком, публицистом, видным деятелем итальянской культуры, отстаивавшим с начала 1920-х гг. консервативные и религиозные ценности (приведены лишь итальянские оригиналы писем). Одной из важных предпосылок многолетнего общения двух литераторов, обмена мнениями, письмами, книгами была увлеченность Папини русской литературой, его личное знакомство с рядом русских писателей еще до Первой мировой войны (не забудем также «Письма из Италии», которые он печатал в «Весах» в 1904–1908 гг.).

Содержательный обзор Кристины Ланды «Вячеслав Иванов в переписке с итальянскими католическими литераторами 1930–1940-х гг.: к вопросу об истории издания переводов Владимира Соловьева в Италии» освещает трудности, которые возникли при попытке опубликовать переводы «Смысла любви» и «Жизненной драмы Платона» Вл. Соловьева под редакцией Вяч. Иванова в Италии во времена Муссолини. Исследовательница детально рассматривает предысторию книги, в которую вошли переводы этих двух статей русского философа (Soloviev V. *Due saggi sulla filosofia dell'amore / trad. originale dal russo a cura di V. Ivanov. Roma: Signorelli, 1939. 191 p.*). Приводя интереснейшие факты, Ланда делится наблюдениями о контактах поэта-эмигранта с францискан-

ским литератором Ансельмо Томмазини и с сотрудниками католических журналов *Frontespizio* и *Regno*, о позиции, занятой церковными деятелями, о политике церковной цензуры и о ее отношении к духовному наследию Достоевского и, наконец, об авторстве переводов из Соловьева в издании 1939 г.

Как видим, очередной четвертый выпуск сериального сборника «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» вновь являет «великолепие» поэта, если воспользоваться эпитетом, данным ему некогда Львом Шестовым в его знаменитой статье «Вячеслав Великолепный», – в смысле многообразия творческих замыслов и свершений поэта, масштабности его вклада в русскую культуру, богатства контекстов и влияния на современников. В то же время залежи документов, продолжающие умножать наши представления об этом великолепии, как кажется, отнюдь не исчерпаны, что побуждает признать архивное направление все еще одним из ведущих в иванововедении и с нетерпением ожидать следующего выпуска серии.

О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» “Solov’evskie issledovaniya” (ISSN 2076-9210)

Журнал «Соловьёвские исследования» является научным изданием, освещающим актуальные вопросы отраслей гуманитарного знания – философии, филологии, культурологии. На страницах журнала публикуются результаты исследований российских и зарубежных ученых. Материалы принимаются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал издается с 2001 г., в состав его редколлегии входят специалисты философских и научных центров России, Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Польши, Болгарии, Соединенных Штатов Америки, Италии.

Периодичность журнала – 4 выпуска в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

Информация о журнале представлена на сайте <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на сайте Ивановского государственного энергетического университета: <http://www.ispu.ru/node/8026>

Полнотекстовые электронные версии всех номеров журнала с 2001 г. доступны по адресам:

<http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/archive>

<http://www.ispu.ru/node/6623>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7.1 – Онтология и теория познания

5.7.2 – История философии

5.7.3 – Эстетика

5.7.4 – Этика

5.7.7 – Социальная и политическая философия

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

5.7.9 – Философия религии и религиоведение

5.9.1 – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2 – Литературы народов мира

5.9.3 – Теория литературы

5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Адрес редакции:

153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия
В.С. Соловьёва – Соловьёвский семинар
т. (4932) 26-97-70, 26-98-57
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
koroleva@ispu.ru

Сайт Соловьёвского семинара: <http://solovyov-studies.ispu.ru>

Информацию о текущей деятельности Соловьёвского семинара смотрите также
на: <http://www.ispu.ru/taxonomy/term/1071>

Главный редактор:

Максимов Михаил Викторович, д-р филос. наук, профессор
т. (4932) 26-97-70
факс: (4932) 38-57-01; 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaksimov@yandex.ru

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Подписка на печатную версию ежеквартального научного журнала «Соловьёвские исследования» производится на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru, а также через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Индекс для подписчиков 37240

Копию квитанции о подписке необходимо выслать на адрес редакции: 153003, Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ, Максиму М.В., или по *E-mail*: mximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Соловьёвские исследования» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Для публикации в «Соловьёвских исследованиях» принимаются научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, соответствующие тематике журнала и научным направлениям – философия, филология, культурология.

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

Аспиранты, магистранты и студенты предоставляют на присылаемые статьи отзыв научного руководителя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

1. *Объем статьи* – до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами, включая аннотацию, список литературы и References), рецензий – до 0,5 п.л. Текст предоставляется на электронном носителе в редакторе WORD либо по электронной почте mximov@philosophy.ispu.ru (файлы с материалами должны быть названы по фамилии автора). Шрифт Times New Roman, формат страницы А4. Поля: верхнее – 1,5 см; нижнее, правое и левое – 2 см. Размер бумаги: ширина – 16,5 см; высота – 23,5 см.

2. *Структура статьи* должна быть следующей:

- в верхнем левом углу проставляются УДК и ББК;
- через 1.0 интервал ФИО автора/авторов полностью (на русском языке); полное название места работы, звания, занимаемая должность, страна, город, (на русском языке) и адрес электронной почты автора, кегль 9;
- через 1.0 интервал печатается название статьи по центру, строчными буквами, шрифт полужирный, кегль 13, перенос запрещен (на русском языке);

– через 1.0 интервал печатается аннотация (от 200 до 250 слов (1500–1800 знаков без пробелов)), кегль 9, курсивом (на русском языке);

– через 1.0 интервал печатаются ключевые слова (от 10 до 15 слов), кегль 9, курсивом (на русском языке).

Далее все эти же сведения даются на английском языке.

– через 1.0 интервал печатается текст статьи, кегль 11, межстрочный интервал по всему тексту – одинарный, отступ абзаца – 1 см (5 знаков), автоматический перенос слов включён, кавычки по всему тексту *только* угловые, *внутри цитаты* использовать кавычки другого вида: «"....."»;

– через 1.0 интервал печатается библиографический список на русском языке (название «Список литературы») и список литературы на латинице (название References) (включают использованную литературу; в библиографическом описании указываются все авторы).

3. Содержание и структура аннотации.

Аннотация должна отражать основное смысловое содержание статьи и её характеристику. Структура аннотации должна включать следующие разделы: состояние вопроса (степень изученности вопроса в науке и литературе, обоснование актуальности выбранной темы); материалы и методы (на каком материале и с помощью каких методов рассматривается обозначенная проблема); результаты проведенного исследования (с использованием глагольных форм и словосочетаний следующего типа: рассматриваются..., излагаются..., утверждается..., предлагается..., обосновывается...; используются методы..., обосновываются положения (концепции, идеи) ..., дается обзор ...; рассмотрены..., изложены..., выявлены..., предложены...; дан анализ..., изложена теория (концепция)... и т. п.); выводы.

Редколлегия журнала просит уделять особое внимание составлению аннотации в соответствии с особенностями этого жанра.

Аннотация на английском языке должна составляться с соблюдением грамматики и стилистики английского языка, с использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии; не должна выполняться при помощи автоматических переводчиков (не обязательно должна быть дословным переводом аннотации на русском языке).

В соответствии с требованиями Scopus, не допускается вынесение развернутых комментариев в сноски; необходимый комментарий следует давать в тексте статьи либо в скобках внутри текста.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи; определять предметную область исследования; встречаться в тексте статьи (имена собственные, общие понятия и общенаучные термины ключевыми словами не являются).

4. Требования к оформлению разделов «Список литературы» и References.

После статьи отдельными разделами оформляются «Список литературы»

и References (шрифт Times New Roman, кегль 9). В списке литературы должно быть не менее 20 позиций. Из них не менее 80 % источников должны составлять работы, опубликованные за последние 5 лет, если такие имеются. Рекомендуются, чтобы не менее 30 % источников, включенных в библиографический список, составляли работы, опубликованные на английском и других иностранных языках. Нумерация *Списка литературы* и ссылки на нее в тексте выполняются **без применения автоматической расстановки ссылок**.

Согласно требованиям Scopus, раздел References должен иметь следующую структуру:

- ссылки на источники (**(Sources)**)
  - *Collected Works (Собрания сочинений)*
  - *Individual Works (Индивидуальные сочинения)*
- ссылки на статьи в научных журналах (**Articles from Scientific Journals**);
- ссылки на статьи в сборниках научных трудов (**Articles from Proceedings and Collections of Research Papers**);
- ссылки на монографии (**Monographs**);
- ссылки на диссертации и авторефераты (**Thesis and Thesis Abstracts**);
- ссылки на электронные ресурсы (**Electronic Resources**)

В библиографическом описании в разделе References заглавия статей из журналов и сборников опускаются (при сохранении заглавий статей необходимо включать в описание их перевод на английский язык); оригинальные названия книжных источников (монографии, сборники, материалы конференций), изданных на кириллице, даются в транслитерации (курсивом) и на английском языке (в квадратных скобках); выходные данные (город (для книжных изданий), том (vol.), номер (no.), страницы (pp., p.)) переводятся на английский язык. Обязательные выходные данные: для статей из журналов – год, том, номер, страницы; для книжных изданий – место издания, год, количество страниц. Место издания, включая Moscow и Saint-Petersburg, пишется полностью.

Применяется одна система транслитерации, которая доступна по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбираем вариант BGN). Примеры оформления библиографических описаний в разделах «Список литературы» и References размещены на сайте журнала: <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на странице журнала на сайте ИГЭУ: <http://www.ispu.ru/node/6623>

В текстах, набранных *латиницей*, используется вариант кавычек “...”.

5. *Оформление ссылок*. Ссылки на цитируемую литературу при использовании *прямого цитирования* (если цитата представляет собой развернутое, законченное высказывание с указанием автора и источника цитаты) оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: В работе «Диалектика мифа» (1930 г.) А.Ф. Лосев пишет: «*Текст цитаты*» [1, с. 15] (первая цифра обозначает порядковый номер в Списке литературы, вторая – страницу цитируемого источника). Если используются приемы *непрямого цитирования* или *частич-*

ное цитирование (т.е. отдельные слова, словосочетания, обороты речи), то ссылка оформляется как подстрочная (в тексте – верхним индексом; внизу страницы дается библиографическое описание цитируемого источника – под сплошной чертой, отделяющей основной текст, шрифт Times New Roman, кегль 9). Например: ¹См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 15–25 [1]. Так же, как подстрочная ссылка (верхним индексом), оформляются и *авторские примечания*.

При повторной ссылке в постраничной сноске используется сокращенный вариант библиографического описания источника (допускается сокращение длинных названий источников; опускаются выходные данные). Если повторная ссылка идет сразу ниже ссылки с библиографическим описанием источника, то используется следующая запись: Там же. С. ... .

Ссылки на электронные ресурсы допускаются только при отсутствии их «бумажных» аналогов, с правильным указанием адреса веб-страницы и даты обращения к ней.

6. Авторы статей, публикуемых на языке оригинала (английском, немецком, французском), дополнительно предоставляют реферат статьи объёмом 4500 знаков без учета пробелов (700 слов) на русском языке.

7. Отдельным файлом предоставляется Авторская справка по следующей форме:

- ФИО полностью;
- ученая степень и ученое звание;
- должность, название кафедры, отдела, сектора и др.;
- название организации (полное) / места работы;
- почтовый индекс и адрес организации / места работы;
- почтовый индекс и адрес для переписки;
- телефон;
- E-mail.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей.

При отклонении материалов рукописи не возвращаются.

Гл. редактор, профессор Михаил Викторович Максимов
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

Главный редактор
МАКСИМОВ Михаил Викторович

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2025. Вып. 2(86)

Редактор С.М. Коткова
Компьютерная верстка и макетирование
М.А. Баркова

Обложка А. Лебедев

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-64667 от 22.01.16 г.

Подписано в печать 15.06.2025. Дата выхода в свет 30.06.2025.
Формат 70x100 1/16. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,25.
Тираж 60 экз. Цена свободная. Заказ №

Адрес редакции журнала:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Адрес издательства:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Типография «ПресСто»,
153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8